

Пётр Пахоменков

ЮМОР И МИСТИКА!

Дед мой был дворником

Тайна старинной кружки

16+

Пётр Григорьевич Пахоменков
Юмор и мистика! Дед
мой был дворником.
Тайна старинной кружки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42712986
SelfPub; 2019*

Аннотация

В книге представлены два увлекательных рассказа: Первый рассказ «Дед мой был дворником» – это калейдоскоп смешных событий, связанных в единую сюжетную линию. Произведение с иронией и юмором повествует о современной жизни обычных людей. Второй рассказ «Тайна старинной кружки» – увлекательный детектив с элементами мистики и юмора. Впервые опубликован в 2016 году.

Дед мой был дворником

Сон

Дверь квартиры номер сорок восемь на втором этаже медленно со скрипом открылась, и на лестничную площадку осторожно вышел Семён. На стене он увидел рекламный листок, на котором крупными буквами было написано: "Хочешь много денег? Тогда держи карманы шире!". Сеня непроизвольно потянулся к карманам, но, как нарочно, в брюках, которые он одел, карманов не оказалось. Огорчённо покачав головой, молодой человек спустился на первый этаж и вышел из подъезда.

На скамейке у подъезда о чём-то оживлённо беседовали две симпатичные девушки.

– Эй, красавчик, – вдруг, позвала одна из них, с рыжими волосами, – присаживайся к нам, поболтаем!

– О чём? – настороженно спросил Семён.

– Да о чём хочешь. Хоть, о политике.

– Может, с вами ещё и в шахматы сыграть? – пошутил Сеня.

– А что, хорошая идея! – воскликнула другая девушка с чёрными волосами, и тут же достала откуда-то из-за спи-

ны небольшую шахматную доску с уже расставленными шахматными фигурами.

Семён с удивлением остановился.

– Ну что стоишь? – сказала брюнетка, – Приземляйся!

Семён присел рядом с брюнеткой.

– Только, чур, я белыми! – сказала она.

– Я не возражаю.

– А на что будем играть? – спросила брюнетка. – На разведение или на щелбаны? Выбирай!

– Ну, если других вариантов нет, – без какого-либо интереса ответил Сеня, – тогда на щелбаны.

– Придётся тебе мат поставить, – недобро произнесла брюнетка.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – одёрнул девушку Семён.

– Поглядим, – сказала брюнетка, и тут же сразила своим ферзём чёрную пешку.

– Не понял! – с недоумением произнёс Семён.

– А что тут непонятного?

– Ферзь так не ходит!

– Как это не ходит! Ферзь по-всякому ходит! – уверенно заявила брюнетка.

– А я говорю, не ходит! Что он тебе, вертолёт что ли? Через пешку... Обалдеть можно!

– Ничего себе заявочки! – возмущённо пропела брюнетка. – Зин, – повернулась она к своей подруге, – ты слышишь?

– Грубиян, – коротко бросила Зинаида и тут же посовето-

вала. – А ты конём скакни, и в дамки!

– Какие ещё дамки? – забеспокоился Семён.

– А вот какие! – сказала брюнетка и, не дожидаясь ответного хода Семёна, эффектно выиграла его ферзя.

– Что это? – обиженно выдохнул Сеня. – Как может конь через всё поле прыгать? Ну, уж нет! Я так не играю!

– Сдаёшься? Тогда подставляй свой деревянный лоб! – категорично заявила брюнетка.

– Почему это деревянный? – опешил Сеня. – Я, между прочим, на юридическом факультете учусь!

– А я на шахматном! – съязвила брюнетка.

Семён проснулся от хлёсткого щелчка. Почесав лоб, он встал с кровати, оделся и не спеша направился в ванную.

Проходя мимо кухни, где в это время его мама, Вера Матвеевна готовила завтрак, Сеня крикнул:

– Мам, с добрым утром!

– С добрым утром, – отозвалась Вера Матвеевна. – Как поспал?

– Нормально!

Умывшись в ванной комнате холодной водой, Семён вошёл на кухню.

– Кашу овсяную будешь? – спросила Вера Матвеевна.

– Буду.

Семён сел за стол. Вера Матвеевна наложила ему тарелку овсяной каши и налила чаю.

– Сеня, ты не забыл, что мы сегодня едем к твоей любимой бабушке? – спросила Вера Матвеевна.

– Да разве такое забудешь! – усмехнулся Семён.

– Сынок, у меня к тебе просьба! Как покушаешь, сходи, пожалуйста, в церковь за святой водой! Я бабушке обещала!

– Мам, да ты что! – разочарованно произнёс Сеня. – Там же одни старушки!

– С чего ты взял? – возразила Вера Матвеевна. – В церкви и молодых много. А заодно и помолишься.

– Интересно, о чём?

– Как о чём? Тебе разве нечего попросить? У тебя, между прочим, экзамены скоро!

– Мам, ну, ты скажешь тоже! Представляю, как все святые бросятся писать мне шпаргалки!

– Тогда попроси прощения за грехи.

– А какие у меня грехи?

– У каждого человека есть грехи. Вот ты подумал о ком-то плохо – уже грех!

– Да как же мне не думать плохо о тех, кто этого заслуживает?

– А вот так! Не твоё это дело, судить других. Ну, сходи, Сенечка! Ну, пожалуйста!

– Ну, ладно, схожу, – уныло произнёс Семён.

Закончив с кашей, Сеня выпил чай и прошёл в прихожую.

– А во что мне воду набрать? – спросил он.

Вера Матвеевна положила перед Семёном пакет с пластиковой двухлитровой бутылкой.

– Вот. Я уже всё приготовила.

Переобувшись, Семён взял пакет с бутылкой и посмотрел в дверной глазок. За дверью он увидел, прикрепленный к стене, рекламный листок.

– Мам, а сны сбываются? – поинтересовался Сеня.

– Некоторые сбываются. А что?

– Да так, ничего, – задумчиво произнёс Семён и, нащупав в брюках карманы, добавил. – Ну, ладно, я пошёл.

– Иди, Сенечка, иди! Только аккуратней!

За святой водой

Семён вышел на лестничную площадку и тут же уткнулся в, приклеенный на стене, листок. Бумажка молчаливо грызнула: "Всем должникам срочно оплатить коммунальные услуги!".

– Ну, надо же! – возмутился Сеня. – Ведь только недавно в подъезде ремонт сделали, и опять уже все стены обклеили.

Спустившись на первый этаж, молодой человек настороженно остановился перед подъездной дверью. За дверью отчётливо слышались женские голоса.

Сеня взволнованно приоткрыл дверь и устремил свой взгляд в дверной проём. Однако к его разочарованию на скамейке вместо симпатичных девушек сидели две пожилые соседки пенсионного возраста. Заметно погрузневший, юноша вышел из подъезда. Женщины поздоровались с ним, а одна спросила:

– А что это ты, Сенечка, такой грустный? Не приболел ли?

– Нет, не приболел, – ответил Семён.

– Так присаживайся к нам, поболтаем о чём-нибудь.

– О чём? – насторожился Сеня.

– Да о чём угодно. Хоть, о политике.

Семён смущённо взглянул на пенсионерок.

– Извините, но мне некогда, я тороплюсь, – коротко бро-

сил он и, не останавливаясь, прошёл мимо.

– Ну, торопись, торопись, красавчик, – вдруг прозвучал знакомый голос из-за спины. – Мы тоже когда-то торопились.

Настроение у Сени было плохим. Он чувствовал какое-то патологическое невезение в своей жизни. Даже девушки, которые попадались ему по пути, и те, как нарочно, были не в его вкусе. Так и шёл он печальный и отрешённый, пока не дошёл до церкви. И, вдруг, в отражённых лучах от позолоченного купола, он увидел красивую девушку в светлом платке и с ангельским выражением лица. Семён с первого взгляда влюбился в прекрасную незнакомку, но девушка, встретившись с ним взглядом, лишь быстро перекрестилась и сразу же отвернулась, словно увидела перед собой не молодого симпатичного парня, а самого чёрта.

Такое развитие ситуации несколько обескуражило Семёна, но он не отчаялся и решил привлечь к себе внимание незнакомки с помощью благородного поступка.

Вынув из кармана горсть мелочи, юноша подошёл к, просящим подаяние, нищим и принялся раздавать им деньги. Нищие в ответ благодарили его и приговаривали: «Дай бог тебе здоровья, добрый человек! Дай бог тебе счастья!»

«Ну, чем не положительные рекомендации?» – с удовле-

творением подумал Семён, чувствуя на себе взгляд незнакомки.

И вдруг случилось непредвиденное. Доставая из кармана очередные монеты, Сеня случайно зацепил пальцем пятисотрублёвую купюру, которая тут же спланировала из его кармана в, лежащую на земле, кепку безногого инвалида. От неожиданной неприятности у Семёна вырвался возглас сожаления. Рука его непроизвольно дёрнулась за купюрой, но инвалид оказался на удивление проворней. Он быстро выхватил из кепки пятисотку, и без промедления засунул её себе за пазуху.

– Дай бог тебе здоровья, добрый человек, – сказал инвалид.

– И вам того же, – пробормотал растерянно Семён, с сожалением провожая взглядом свои деньги. В этот момент его охватили смешанные чувства. Пятьсот рублей ему и самому были нужны, но требовать назад у несчастного калеки подавание он посчитал для себя неприемлемым.

– Ладно, – подумал Сеня, – пусть у этого несчастного сегодня будет праздник. Может это единственный удачный день в его жизни. Да и странно всё это. Никогда я раньше деньгами так не разбрасывался, а тут, на тебе, расщедрился. Конечно, не по своей воли, но именно это и странно.

Семён огляделся. Никто из находившихся рядом людей не обращал на него никакого внимания, а прекрасная незнакомка уже входила в церковь.

Не раздумывая более, Семён поспешил за девушкой. Набрал в притворе бутылку святой воды и, пожертвовав сто рублей на нужды церкви, Сеня присоединился к молящимся прихожанам. Среди них он сразу же увидел свою возлюбленную. Она, по-прежнему, не обращала на него никакого внимания, и лишь смиренно кланялась и крестилась.

– А ведь и мне есть о чём попросить Бога, – спохватился Сеня и тоже перекрестившись, забормотал перед иконой: «Господи, вы уж меня извините за мои грешные мысли, но честное слово, я не виноват. Это всё они, люди подлые, озлобляют меня и вынуждают плохо о них думать. А сам я очень добрый и хороший. Даже муху не обижу. Господи, помогите мне хоть чуть-чуть. Счастья у меня нет, а мне бы хоть самую малость. Если вам не трудно, Господи, помогите мне познакомиться вон с той красивой девушкой, что у иконы вашей мамы стоит. Уж очень она мне понравилась. Вдруг, это и есть моё счастье. А я в свою очередь обещаю вам вести себя хорошо и о других плохо не думать».

Для убедительности своих намерений, Семён ещё раз перекрестился и поставил перед иконой свечку. Но тут он заметил, что незнакомка, не дожидаясь конца службы, направилась к выходу.

– Господи, простите меня, – поспешно забормотал Семён, – но я вынужден покинуть ваш благословенный дом и снова вернуться в человеческое болото.

Семён аккуратно просочился через толпу молящихся

прихожан и последовал за девушкой.

На улице он шёл за ней буквально по пятам, будучи уверенным, что незнакомка его не видит. Однако около автобусной остановки, девушка остановилась и обернулась.

– И долго ты будешь за мной ходить? – спросила она Семёна.

Семён растерялся. Он не ожидал, что такая божественная красавица первой заговорит с ним.

– Неужели бог услышал мою просьбу, – с волнением подумал Сеня, – Спасибо тебе, Господи!

Между тем, незнакомка снова спросила:

– Что молчишь? Влюбился что ли?

Семён смутился ещё больше, но так как врать он не умел, то ответил честно.

– Да.

– Тогда давай знакомиться, – деловито произнесла девушка, снимая с головы платок. – Меня зовут Бренда. А тебя?

– Меня, Семён.

– И что же ты, Семён, хочешь мне предложить?

Немного подумав, Семён тихо сказал:

– Может, в кино ходим?

– Очень оригинальное предложение. Всю жизнь об этом мечтала, – усмехнулась Бренда.

– Но почему ты об этом говоришь с иронией? – растерянно пробормотал влюблённый юноша.

– Видишь ли, Сеня, последний раз мне предлагали схо-

дить в кино в восьмом классе. Но мы ведь уже давно не школьники!

– А что же тогда?

– Поехали лучше ко мне, – предложила девушка. – У меня сейчас дома никого нет.

– То есть как к тебе? – удивился Семён. – Разве можно вот так сразу?

– Почему, нет?

– А что мы будем у тебя делать?

– То же самое, что и в кино. Заниматься любовью.

– Любовью! – содрогнулся Семён.

– А чем же ещё? Ну, не телевизор же ты ко мне приедешь смотреть? Верно?

– Верно, – тихо произнёс Семён.

– Тогда в чём проблема? Или ты импотент?

– Нет, я нормальный, просто мне по-другому представлялось наше знакомство!

– Интересно, и что же ты на мой счёт напредставлял?

– Когда я смотрел на тебя в церкви, я думал, что ты такая!.. Как бы это поточней выразиться... Идеальная, что ли!

– А-а, так это в церкви, а в жизни я, как и все. И беру недорого. Всего три тысячи за час.

Семён на мгновение остолбенел.

– Что-то я не соображу. Какие три тысячи? – наморщив лоб, спросил он.

– Обыкновенные. По тарифу за интимные услуги три ты-

сячи за час. Что тут непонятного?

– Подожди, так ты что? Эта что ли? Женщина по вызову?

– Можно и так сказать.

– Ничего себе, я подарочек выпросил! – не скрывая разочарования, произнёс Семён.

– Я не поняла, ты что, отказываешься? – спросила Бренда.

– Не совсем, – замаялся Семён. – Просто у меня трёх тысяч с собой нет. А то, что было, я у церкви нищим раздал.

– А какого же рожна ты за мной попёрся?

– Понравилась ты мне, вот и попёрся.

– Понятно, ты просто забыл, что за всё нужно платить.

Но я, в отличие от тебя, нищим не подаю. Будут деньги, будет тебе и любовь, – Бренда протянула Семёну свою визитку. – А пока возьми мою визитную карточку, и не забывай, что воздержание для мужчин отрицательно сказывается на их здоровье.

Семён взял визитку и вслух прочитал: «Волотильнова Бренда Трендовна».

– Спасибо! – поблагодарил он и, положив визитку в карман, спросил. – А почему так дорого?

Теперь уже девушка с недоумением посмотрела на своего потенциального клиента.

– Дорого? Ну, ты и нахал! – возмутилась она.

– Я нахал?

– Ну не я же. А тебе известно, какой это тяжёлый труд быть с утра до вечера красивой? А сколько времени и средств

на это приходится тратить, ты знаешь?

– Нет, не знаю, – честно ответил Семён.

– А раз не знаешь, так и нечего глупые вопросы задавать.

– Хорошо, больше не буду. Но один неглупый можно?

– Неглупый можно. Только побыстрей, а то моя маршрутка подъезжает.

– А ты в церковь-то, зачем ходила?

– Как зачем? Затем же, зачем и все! – усмехнулась Бренда и, вскочив в подъехавшую маршрутку, крикнула:

– Грехи замаливала!

Проводив её грустным взглядом, Семён с разочарованием произнёс: «Опять мираж».

Развернувшись, Сеня неспешно поплёлся обратно, но, проходя мимо церковных ворот, он случайно увидел того самого безногого инвалида, которому ни за что ни про что отвалил пятьсот рублей. Только теперь этот инвалид уверенной походкой вышел из церковных ворот, подошёл к дорожному автомобилю, сел в него и уехал.

«Что за чудо! – удивился Семён. – Это ж, сколько надо молиться, чтобы так выздороветь?»

Озадаченный увиденным, Сеня подошёл к месту, где инвалид просил подаяние. Поначалу ничего подозрительного он не заметил; лишь деревянный ящик, да большая тряпка остались лежать на земле. Но стоило Семёну приподнять тряпку с земли, как его глазам сразу же открылась вся подноготная с чудесным исцелением. Под тряпкой зияли две ак-

куратно выкопанные ямки.

«Так вот, откуда ноги выросли!» – догадался Семён.

Фигуновы

Экстрасенс Иннокентий Фигунов усердно жестикулировал руками перед пышногрудой пациенткой, сидевшей у него в комнате в мягком кресле.

– Я вижу у вас песочек в почках, – произнёс он обеспокоенно. – Сейчас я его вымою мощной энергетической волной. Закройте глаза и расслабьтесь.

Пациентка закрыла глаза. Экстрасенс включил, спрятанный под столом электронагреватель и, выхватив из тарелки кусок колбасы, энергично зажевал.

– Вы чувствуете, как тепло распространяется по вашему телу? – пробормотал он невнятно.

– Что? – переспросила пациентка.

С трудом проглотив остатки колбасы, Иннокентий повторил:

– Я спрашиваю, вы чувствуете, как тепло распространяется по вашему телу?

– Да, чувствую, – сказала женщина. – Мне даже жарко становится.

– Очень хорошо, – констатировал Иннокентий, уставившись на пышную сексуальную грудь пациентки. – Это свидетельствует о том, что энергетическая волна эффективно освобождает ваше тело от шлаков и болезней. Я уже вижу,

как ваши почки становятся чище и здоровее.

Помахав усердно руками над грудью пациентки ещё пару минут, Фигунов устало выдохнул:

– Всё, выходим из расслабленного состояния. На сегодня хватит. Половина песка ушла, а над оставшейся частью я поработаю в следующий раз.

Пациентка открыла глаза и с облегчением произнесла:

– Спасибо доктор. Я чувствую, что мне стало гораздо лучше. А когда следующий сеанс?

– Через два дня в это же время.

Женщина достала из сумки две тысячи рублей и положила их на стол.

– Спасибо вам большое.

– И вам спасибо! – скромно произнёс Иннокентий.

Проводив клиентку, Фигунов снова вернулся в свою комнату, выключил электронагреватель и вышел на балкон. На балконе он увидел, увлечённого чем-то сына Витю.

– Эй, юное дарование, ты что тут делаешь? – спросил он. – Опять за кем-нибудь подсматриваешь?

Вопрос отца не был праздным. Дело в том, что Витя очень любил снимать на видеокамеру всякие происшествия и посылать их на телевидение. Несмотря на свои восемь лет он уже настолько поднаторел в скрытой видеосъёмке, что его можно было вполне считать профессиональным видеорепортёром остросюжетных происшествий. Да и по натуре своей Витя был просто чрезвычайно любопытен. Вот и сейчас, си-

дя на балконе, юный оператор занимался своим любимым делом. О чём он и сообщил отцу:

– Пока видеокамеру прикрепляю.

Иннокентий посмотрел на улицу.

– А что тут интересного?

– Пока ничего, – буркнул сынишка.

– Что, значит, пока? – насторожился отец.

– Ну, ты же сам говорил, что всё течёт, всё изменяется.

– Ну, говорил. Кстати, а где твоя скрытая видеокамера, которую тебе мама сдуру на день рождения подарила?

– Не знаю. Где-то в комнате.

– Так, – настороженно произнёс Иннокентий, – пойдём, покажешь.

– Ну, пап! – жалостливо заскулил Витя.

– Пойдём, покажешь, – потребовал отец.

Заметно погрузнев, Витя прошёл в комнату и пальцем показал на шкаф.

– Вон она лежит.

Отец подошёл к камере.

– Она не лежит, – возмущённо произнёс он. – Она записывает.

Иннокентий шлёпнул сынишку ладошкой по затылку.

– А ну-ка, давай удаляй всё, что ты тут записал во время моего сеанса!

Почесав рукой затылок, Витя подчинился.

– И в кого ты такой оболтус растёшь? – выругался отец.

На шум в комнату вошла мама.

– Опять конфликт поколений? – спросила она.

– Нет, это не конфликт поколений, это гораздо хуже! – пожаловался Иннокентий. – Полюбуйся на своё создание! Он уже за отцом шпионит! Если бы я не обнаружил его видеокамеру, наверняка бы мой сеанс в интернет выложил.

– Ничего я не шпионил! Я её просто положил на шкаф и всё, – попытался оправдаться Витя.

– На шкаф положил! А зачем ты её включил?

– Случайно. Я не научился ещё ей пользоваться.

– Так я тебе и поверил.

– Иннокентий! – воскликнула Надежда, – Ну что ты из-за какой-то видеокамеры ребёнка обвиняешь чёрт знает в чём! Это уму непостижимо.

– А моему уму это постижимо. Если наш сын в восьмилетнем возрасте начинает устанавливать скрытые видеокамеры по всем углам, то что с ним будет дальше? И что будет с нами?

– Не преувеличивай! Ребёнок всего лишь мечтает стать кинооператором и решил поиграться с видеокамерой, а ты уже нафантазировал себе невесту что.

– Защищай, защищай этого кинооператора. Не увидишь как, окажешься на каком-нибудь непристойном сайте в интимной сцене. Нет, тут надо решительно что-то предпринимать. Слушай, а что если нам этого оператора в танцевальный кружок записать? Пусть там свою энергию тратит.

– Я не смогу танцевать, – хмуро отозвался Витя.

– Почему?

– У меня слуха музыкального нет.

– Тогда в кружок изобретателей. Там музыкального слуха не требуется. Будешь ракеты космические придумывать.

– А в кружок изобретателей принимают с одиннадцати лет. А мне только восемь.

– Восемь, восемь, – передразнил отец, – а вреда от тебя, как...

Договорить глава семейства не успел. В дверь позвонили.

– Это наверно опять к тебе, – предположила Надежда.

Иннокентий прошёл в прихожую, открыл дверь. На пороге стоял пожилой мужчина.

– Здравствуйте, – вежливо произнёс гость. – У вас здесь на двери написано «Экстрасенс Фигунов». Это вы?

– Да я. Вы по поводу лечения?

– Да, по поводу. Болезни меня всякие одолели; и сердце болит и желудок и голова...

– Что ж, проходите, посмотрим.

Иннокентий пригласил мужчину в комнату, усадил его в кресло, а сам начал подготавливаться к сканированию.

– Как у вас комфортно, – сказал пациент. – Чувствуется позитивная энергетика!

– Да, я стараюсь, чтобы мои клиенты чувствовали себя, как дома, – похвалился экстрасенс, затем строго посмотрел на сына, который всё ещё стоял в комнате и сердито произ-

нёс. – А ну-ка, оператор, иди, погуляй!

Витя, нахмурившись, снова вышел на балкон.

– Прошу вас, закройте глаза, – попросил Иннокентий пациента.

Мужчина закрыл глаза. Уставившись на него пронзительным взглядом, и, прощупывая его своими всевидящими ладонями, экстрасенс несколько раз произнёс свои магические фразы:

– Расслабляемся и ни о чём не думаем... Расслабляемся...

Иннокентий снова включил электронагреватель.

– Вы чувствуете тепло? – спросил он.

Мужчина не ответил. Иннокентий повторил свой вопрос, но мужчина снова не отреагировал.

– Эй, товарищ, вы меня слышите?

Иннокентий взял пациента за руку. Пульс прощупывался, но крайне слабо. Испугавшись, Иннокентий выбежал в комнату к жене.

– Надя, у меня проблема! Пациент уснул и не просыпается.

– Как не просыпается? – заволновалась Надежда. – Только этого нам не хватало! Может, скорую вызвать?

– Ты что, с ума сошла! Какая скорая! У меня же нет лицензии!

– Что же тогда делать?

– Не знаю.

– Ну, попробуй ещё раз его разбудить! Потряси за плечо,

покричи над ухом!

– Может мне перед ним ещё сплясать? – иронично произнёс Иннокентий, но затем, подумав, сказал:

– Ладно, попробую ещё раз.

Супруги вместе вернулись в комнату к пациенту. Иннокентий взял пациента за плечи и начал его трясти.

– Эй, просыпайся! Слышишь, просыпайся!

Мужчина по-прежнему не реагировал.

– Ну, вот видишь! – беспомощно развёл руками Иннокентий.

– Кеша, – испуганно произнесла Надежда, – а может, он умер?

– Тяпун тебе на язык?

– Что же делать?

В этот момент в комнату с балкона просунулась голова Вити.

– А давайте его с балкона сбросим? – предложил он.

Уснувший мужчина вздрогнул и простонал.

– Да ты что, сынок! – испуганно воскликнула Надежда Матвеевна. – Он же живой!

– А ну, брысь отсюда! – рявкнул на сына Иннокентий. Затем, повернувшись к жене, сказал:

– Я знаю, что делать!

– Что?

– Нужно его из квартиры вынести.

– Куда?

– Да хоть в подъезд. Пусть там спит. А ну-ка, бери его за руки, а я за ноги.

– Кеша, я боюсь.

– А ты не бойся.

Иннокентий стянул пациента на пол и сердито шикнул на жену:

– Ну, что стоишь?

Ухватив брезгливо мужчину за конечности, супруги потащили его в подъезд.

– Кеша, у меня руки от такой тяжести отрываются! – застонала Надежда.

– Потерпи, осталось немного.

Наконец, Иннокентий и Надежда донесли бывшего пациента до окна и положили его на пол.

– А теперь сматываемся, – озираясь по сторонам, прошептал Иннокентий.

Супруги бегом вернулись в квартиру. Захлопнув за собой дверь, они прошли в комнату и, тяжело дыша, уселись на диван.

– Как ты думаешь, – спросила Надежда, – нас не арестуют?

– А тебя-то за что?

– За соучастие.

– Не переживай, я тебя не выдам.

– А ведь нам сегодня к родителям ехать, – вздохнула Надежда.

– Раз надо, значит поедem. Вызовем такси и поедem. День-

ги у нас есть...

Иннокентий просунул руку в карман, вынул оттуда несколько купюр, пересчитал их, затем резко поднялся и подошёл к столу.

– А где две тысячи? – спросил он.

– Какие две тысячи? – не поняла Надежда.

– Ну, те, которыми со мной пациентка расплатилась. Они на столе лежали, а теперь их здесь нет. Ты не брала?

– Нет, – с недоумением ответила Надежда.

– Виктор, – крикнул Иннокентий сыну, – ты деньги со стола не брал?

– Нет! – отозвался Витя с балкона, и, заглянув в комнату, предположил:

– Их наверно этот мужик уснувший спёр!

Иннокентий быстрым шагом направился к двери. Надежда засеменяла за ним. Вместе они снова вышли на лестничную площадку, затем поднялись к окну, около которого положили уснувшего пациента, но там его... уже не было.

– Вот, сволочь! – мрачно изрёк Иннокентий. – Ловко же он меня провёл. Это ж надо было такой спектакль разыграть! Пока я к тебе в комнату ходил, он прикарманил мой гонорар. Ворюга!

– А мы-то ещё этого борова на себе тащили, – пожаловалась Надежда. – У меня до сих пор рука болит.

– Ладно, чего теперь здесь стоять! – подытожил Иннокентий. – Пойдём домой!

Вернувшись в квартиру, супруги немного успокоились.

– А знаешь, – сказала Надежда, – с одной стороны деньги жалко, а с другой, у меня теперь на сердце полегчало.

– С чего это, вдруг?

– Ну как с чего? Арестовывать-то нас теперь не за что и ты можешь дальше спокойно заниматься лечением.

– Да, ты права, – согласился Иннокентий. – Деньги – дело наживное. Только впредь мне надо быть повнимательней с этими пациентами.

Старые штаны

Выйдя на пенсию, Матвей Захарович Воробьёв скучал недолго. Обнаружив в себе талант к сочинительству, он тут же с головой окунулся в атмосферу рифм и творческих изысканий.

Стихи давались ему легко. Слово за словом, строчка за строчкой и вскоре увесистый поэтический багаж новоиспечённого поэта разлетелся по интернету во всех социальных сетях.

Но, однажды, отложив в сторону, изрядно надоевшую лирику, Захарыч решил написать стихотворение о себе. Название к стихотворению он придумал быстро: "Биография поэта". Первая строчка тоже далась ему легко, и тут же отпечаталась красивым шрифтом на ярком экране:

«Дед мой был дворником, папка колхозником...»

«Во как!» – радостно крикнул Захарыч, вполне удовлетворённый таким оригинальным началом.

Не мешкая, он сразу же задумался над следующей строчкой, которая по замыслу автора должна была поведать читателю уже о самом поэте. Но тут поэт наморщил лоб, затем почесал затылок и обречённо выдохнул, как сдувшийся воз-

душный шарик.

«Вот, блины горелые, – заворчал Захарыч. – Жизнь прожил, а вспомнить нечего!»

Перебирая в памяти прожитые годы, он ещё раз попытался облачить в рифму хоть какой-нибудь эпизод из своего прошлого, но так ничего и не облачил.

«Вот она, проза жизни, в поэзию-то и не укладывается», – с горечью произнёс Захарыч и, взглянув в бесконечное голубое пространство вселенной, жалостливо позвал: «Муза, муза! Где же ты, моя красавица?»

В ответ из-под стола мяукнула кошка, которую жена Антонина Григорьевна в усмешку над мужем назвала Музой.

«Да не ты! – прикрикнул на кошку Захарыч. – Брысь!»

Кошка испуганно шмыгнула под кровать и затихла, а Захарыч снова забормотал:

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же... Я же всю жизнь... Я же всю жизнь...»*

«А что я всю жизнь? Ел, да спал, да на почте чужие посылки перелопачивал. В общем, ничего героического не совершил, никаких научных открытий не сделал, спортивных рекордов не поставил. Вот так!» – подытожил Захарыч и с обидой в голосе произнёс:

«Дед мой был дворником, папка колхозником,

Я же всю жизнь ящичком прослужил...»

Но тут лицо его заметно просветлело.

«А почему бы и нет! – обрадовался он. – Да, я не совершил ничего великого. Но в этом-то и кроется трагический смысл моего произведения. В обыденности существования. А на это, между прочим, не каждый, способен. Это вам не рекорды ставить. Здесь тоже героизм нужен. Чтобы вот так пренебрежительно бросить свою жизнь в топку времени и сказать: «А ну вас всех к лешему», и сгинуть в глубинах истории, как неизвестный солдат. И ведь какая драма вырисовывается! Какая беспросветная тоска! Аж, за душу берёт! Ой!»

Захарыч вытер нахлынувшую слезу.

«Вот она, судьба поэта!»

Разволновавшись, он взял со стола конфету, сунул её в рот, и тут же вообразил себе полный зал восхищённых читателей. Ну, и, конечно же, любимую жену свою Антонину, которая со слезами на глазах выходит к нему из зрительного зала и восклицает:

– Матвей, ты опять сладкое ешь?

Захарыч вздрогнул и обернулся. В творческом процессе он и не заметил, как в комнату вошла жена. Антонина Григорьевна с возмущением смотрела на полупустую тарелку на его столе и продолжала возмущаться:

– Ну, дай же своему желудку хоть немного отдохнуть! Ведь ты скоро в дверь не пролезешь!

– Сам не пойму, как я эту конфету в рот положил, – попытался оправдаться Захарыч, но видимо неудачно.

Антонина Григорьевна в невиновность мужа не поверила.

– Как же это можно положить в рот, не заметив, что? – пристыдила она мужа. – А если б ты туда гайку грязную положил? Что б тогда?

– Не знаю. Но подозреваю, что мой желудок живёт отдельной от меня жизнью. Пока я занимаюсь творчеством, он жрёт, что попало.

– Значит, желудок твой виноват? Может, мне с ним тогда разговаривать, а не с тобой?

– Сомневаюсь, что он тебя поймёт.

– А вот я посажу его и тебя на диету, тогда сразу поймёт.

– Да ты что! – забеспокоился Захарыч. – На диете я долго не протяну, а мне сегодня ещё в городскую администрацию надо сходить.

– Зачем?

– Как зачем! За наградой. Ты что забыла, что я на городском поэтическом конкурсе третье место занял? Ну, помнишь, я им ещё своё стихотворение по интернету послал?

– Не помню.

– Вот ты всегда так, – возмутился Захарыч. – Всякие мелочи помнишь, а важные события забываешь.

– Тоже мне, важное событие! – усмехнулась Антонина Григорьевна. – И какую они тебе там награду дадут? Какую-нибудь бумажку, на которой будет написано, что ка-

кой-то там... чужак занял третье место! Вот если бы они тебе денег дали!

– Ты ничего не понимаешь, – парировал Захарыч. – Тут главное не деньги, а внимание.

– Что ж, если тебе моего внимания недостаточно, тогда иди! – с некоторой долей обиды произнесла Антонина Григорьевна. – Только не забудь штаны поприличней одеть, а то эти только для огородного чучела и годятся. Когда уже ты их выбросишь?

– Никогда! – категорично заявил Захарыч. – Они мне удачу приносят. Я в них все свои лучшие произведения написал. А в новых штанах меня вдохновение не узнаёт.

Антонина Григорьевна усмехнулась.

– Да оно тебя и в старых не узнаёт.

– Ну, это мы ещё посмотрим. Вот послушай лучше моё новое стихотворение. Я его только начал писать.

Антонина Григорьевна устало вздохнула.

– Ладно, только побыстрей, а то скоро дети приедут, а у меня ещё борщ не сварился.

Захарыч прокашлялся и торжественно изрёк:

– *Биография поэта...* Ну, как название?

– Название, как название. Где-то я его уже слышала.

– Слышала, слышала! – рассердился Захарыч. – Я ж не один пишу стихи, поэтому и слышала.

– Ну, хорошо, давай дальше.

– Итак, «Биография поэта»...

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же всю жизнь ямщиком прослужил...»*

– Что скажешь?

– И это всё? – с недоумением спросила Антонина Григорьевна.

– Пока всё. Я же говорил, что это только начало. Ну, так как?

– Да, никак. Ерунда какая-то.

– Почему это ерунда? – расстроился Захарыч.

– Да, потому что на дворе уже двадцать первый век. Кругом компьютеры, люди в космос летают, а ты, видишь ли, ямщиком на лошади почту развозишь. Не смехи людей!

– Чудная ты, ей-богу. Это ж я образно, – запротестовал Захарыч. – У тебя что, воображения нет?

– Есть у меня воображение. Но ведь ты биографию пишешь, а не сказку, и значит, должен писать так, как было на самом деле, а не воображать.

Захарыч задумался. Критика жены показалась ему убедительной.

– Ты лучше вот так напиши, – немного подумав, сказала Антонина Григорьевна:

*«Дед твой был дворником, папка колхозником,
Ты же на почте всю жизнь прослужил».*

Захарыч с удивлением посмотрел на супругу.

– А знаешь, пожалуй, ты права.

– Я всегда права, – гордо объявила Антонина Григорьевна. – Только не забудь ещё добавить, что служил ты на своей почте за копеечную зарплату и провалялся всю жизнь на диване перед телевизором.

– Добавлю, если не забуду. Ты мне лучше скажи, где мои новые штаны?

– Да вон они на диване валяются, – махнула рукой Антонина Григорьевна. – Тоже, наверно, отдельной от тебя жизнью живут.

В комнату заглянула младшая дочь Воробьёвых, Мария.

– Мам, – крикнула она в комнату, – у тебя борщ всю плиту залил.

– Ой! – воскликнула Антонина Григорьевна. – Мой борщ! Ну, стоит только на минутку отлучиться, и на тебе!

В это же мгновение Антонина Григорьевна хлопнула мужа по руке, которая, воспользовавшись суматохой, потянулась к конфетам.

– Хватит на сегодня сладкого! – воскликнула Антонина Григорьевна и, выхватив со стола тарелку с конфетами, побежала на кухню. Мария тоже хотела последовать за матерью, но отец её остановил.

– Маша!

– Что?

– Зайди на минутку!

– Зачем? – насторожилась Мария.

– Зайди, узнаешь, – настойчиво произнёс Захарыч.

Мария с явным неудовольствием вошла в комнату.

– Опять что-нибудь сочинил? – пробурчала Мария. – Пап, у меня итак дел полно.

– Да не тарахти ты. Никуда твои женихи не денутся. Присядь-ка лучше вот сюда.

Захарыч пододвинул дочке стул, и когда она присела, с важным видом произнёс.

– Вот послушай! Биография поэта!

– Ну, ёпэрэсэтэ! – простонала Мария. – Я так и знала!

– Цыц! – прикрикнул на дочь Захарыч. – Мне твоё мнение важно узнать! Понятно?

– Понятно!

– Тогда слушай:

*«Дед мой был дворником. Папка колхозником,
Я же на почте всю жизнь прослужил...»*

– Ну как?

– А это всё?

– Пока всё.

Мария с облегчением выдохнула.

– А я-то думала, ты мне поэму решил прочитать.

– Ну, а мнение твоё какое?

– Положительное! Отлично написано! А главное коротко и ясно.

– Ты что, смеёшься?

– Ничего я не смеюсь. Сам ведь как-то маме говорил, что краткость – это сестра таланта!

– Ну, это я ей говорил, когда она мне о вреде сладкого лекцию читала. Ты же знаешь, если она об этом начнёт высказываться, то её не остановишь.

– Знаю. Но у тебя, правда, хорошо получилось. Пап, ты у нас просто гений! Ну, я пойду, а-а?

– Ладно, иди, – махнув рукой, пробурчал Захарыч.

Радиатор для тёщи

Семён вернулся домой уставшим и задумчивым.

– Почему так долго? – спросила Вера Матвеевна.

– Блуждал по миру и думал о жизни, – шутя, ответил Сеня.

– Ох, сынок, – вздохнула Вера Матвеевна, – ты бы лучше поменьше думал, да побольше учился.

Семён усмехнулся.

– Mam, у тебя, что не слово, то шедевр. Как же можно учиться не думая?

– Очень просто. За тебя уже давно обо всём подумали, а тебе осталось только это выучить... Воду принёс?

– Принёс.

Сеня передал матери пакет. Вера Матвеевна поцеловала сына.

– Спасибо, Сенечка!

Семён переобулся и прошёл в свою комнату.

– Mam, а ты что мне на день рожденья подаришь?

– Как и договаривались, куртку. Ты же сам просил. Или уже передумал?

– Передумал.

– А что же ты хочешь?

– Три тысячи.

– Зачем тебе три тысячи?

– Чтоб поменьше думать, – усмехнувшись, ответил Семён.

– Ну, хорошо, подарю тебе на день рожденья три тысячи.

– Спасибо!

В прихожей скрипнула дверь. На пороге с водяным радиатором на плече появился глава семейства, Василий Юрьевич.

– А почему меня никто не встречает? – громко спросил он.

– Да ты и до нас уже с кем-то навстречался, – с укором произнесла Вера Матвеевна и, кивнув на железяку, спросила. – А это что?

– Это радиатор для водяного отопления. Я тёщи обещал привезти.

Василий прошёл в комнату и бережно опустил радиатор на стол.

– Стой! – скомандовала Вера Матвеевна.

– Что? – с недоумением спросил Василий.

– Подними руки!

Глава семейства поднял вверх руки.

Вера Матвеевна подошла к мужу, безапелляционно хлопала его по карманам и, словно фокусник, выудила из заднего кармана несколько денежных купюр.

– Почему так мало? А ну, дыхни!

Василий Юрьевич дыхнул. Вера Матвеевна скривилась и замахала перед носом рукой.

– Опять в пиво конвертировал? И как тебе только нравится эту гадость пить! – сердито произнесла Вера Матвеевна.

– Верочка, да я же целую неделю только чай пил. Имею я право хоть в конце недели расслабиться после ночного дежурства? – примирительно произнёс Василий и тут же обратился к сыну. – Семён, а ты почему молчишь? Почему отца не защищаешь? Я тебя для чего на юриста послал учиться?

– А мы бытовые конфликты ещё не проходили, – с неохотой ответил Семён.

– Ну, всё, Вася, сливай воду! – развёл руками Василий Юрьевич. – Значит, опять я виноват. Тогда прошу суд исполнить моё последнее желание! Напишите на моём скромном маленьком памятнике большими буквами: "Здесь покоится прах самого виноватого в мире человека!"

– Рано тебе, пап, ещё об этом думать, – усмехнулся Семён. – Кроме того, на Руси и без тебя виноватых хватает.

– Эх, с вами каши точно не сварить, – махнул рукой Василий.

– Сварила уже, – сказала Вера Матвеевна, – пойдёмте кушать, да будем собираться к твоей любимой теще.

– Начинайте без меня, – устало произнёс Василий. – Я пока переоденусь.

Но, как только Вера Матвеевна и Семён вышли из комнаты, Василий тут же достал из шкафа стакан и подставил его под радиатор.

– Сливай воду, – радостно прошептал он и открыл вен-

тиль. Из радиатора полилась приятная на вид пивная струйка. Наполнив стакан пивом, Василий тут же его опорожнил и с удовольствием крякнул.

– И гадость иногда бывает в радость!

На такси быстрее

Фигуновы вызвали такси. Надежда и Иннокентий разместились на заднем сиденье, а Витюша уселся рядом с водителем. Чтоб хоть как-то развеять тоску, Витя достал планшет и, нацелив фотообъектив на водителя, несколько раз сфотографировал его.

– Ты что делаешь? – недовольно отреагировал таксист.

– Снимаю, – ответил Витя.

– Зачем?

– Для смеха. У меня на планшете карикатурная программа. Посмотрите, какой вы смешной получились! Нос, как у Буратино!

Витя засмеялся и показал водителю и родителям планшет, на котором на весь экран был изображён уродец с длинным отвратительным носом.

Таксисту такая версия своего изображения не понравилась.

– А ну-ка, удали это и не нервируй меня! – с негодованием произнёс он,

– Витя, – вмешалась мама, – немедленно удали эту фотографию и прекрати фотографировать!

– Ладно, удаляю, – подчинился Витя и, удалив фотографии, выключил планшет. Однако бездействия его хватило

лишь на несколько секунд. Витины руки потянулись к приборной панели.

– Не тронь кнопки, – зашипел на него обозлённый таксист.

На время Витю успокоил подзатыльник с заднего сиденья.

– Тебе же сказали, сиди смирно, – рыкнул ему в ухо Иннокентий Рудольфович.

Витюша притих, но снова лишь на короткое время. Физически он не мог сидеть смирно и, ничего не делая, смотреть в окно. Его творческое воображение переполняло всевозможными идеями и требовало их немедленной реализации. Даже в таких ограниченных условиях, как автомобиль. Ну, кем можно представить себя, сидя в автомобиле? Конечно же, водителем. А вообразить, что перед тобой настоящий руль и педали управления для будущего кинооператора вообще пару пустяков. И Витя, недолго думая, затарахтел губами, имитируя шум мотора, и закрутил руками воображаемый руль в зависимости от дорожной обстановки.

Таксист недовольно поморщился, но на этот раз возмущаться не стал.

– Пусть себе забавляется, – подумал он, – лишь бы не мешал.

Родители тоже ничего предосудительного в новой игре сына не увидели. Так они и ехали. Надежда с Иннокентием молча сидели на заднем сиденье, а таксист и Витя, синхронно выкручивая каждый свой руль, вели машину по город-

ским улицам. И всё бы было хорошо, да вот только городские улицы вскоре закончились, и машина выехала за город на прямую трассу. Крутить руль стало некуда, а просто так держать руки впереди себя Вите быстро надоело. Поэтому, когда в поле недалеко от дороги он увидел пасущуюся корову, то, не задумываясь, лихо закрутил свой воображаемый руль вправо на обочину и нажал ногой на воображаемую педаль тормоза. И всё бы ничего, если бы не злополучный человеческий фактор.

Таксист, уже привыкший синхронно с Витей управлять машиной, тоже повернул руль вправо и машина, затормозив, въехала в яму. Двигатель заглох. После небольшой паузы всеобщего оцепенения, пассажиры и водитель пришли в себя.

– Всё, – мрачно произнёс таксист, – дальше я с вами не поеду.

– Но почему? – забеспокоилась Надежда.

– Потому что не люблю приключений, – коротко объяснил таксист и, посмотрев на счётчик, добавил. – С вас триста рублей.

Иннокентий вынул из кармана триста рублей и отдал водителю. Таксист, положил деньги в бардачок.

– Прошу на выход.

Иннокентий, Надежда и Витя вышли из машины. Таксист завёл машину и уехал.

– Ну, вот мы и на природе, – иронично заметил Иннокен-

тий.

– Но что мы здесь будем делать? – растерянно произнесла Надежда. – Может, другое такси вызовем?

– А давайте корову подоим! – предложил Витя.

– Я тебе подою! Я тебе сейчас так подою! – возмутился Иннокентий. – Короче, на такси я с этим оболтусом больше не поеду. Корову доить мы тоже не будем. Если я не ошибаюсь, до тёщи ещё километров пять. А если пойти напрямки по полю, то и того меньше.

– Подожди, – встrepенулась Надежда, – ты что, хочешь, чтобы мы пошли по полю?

– Да. Это полезно для здоровья.

– Но не для моих туфель, – запротестовала Надежда. – Я их не для того покупала, чтобы ходить по траве и коровьим лепёшкам.

– Не беспокойся, с твоими туфлями ничего не случится. Мы пойдём по тропинке.

А автобусом дешевле

Василий Юрьевич, Вера Матвеевна и Семён подошли к автобусной остановке. Василий с радиатором на плече, Сеня с сумкой со святой водой, а Вера с сумкой с подарками. Установив всё это на автобусную скамейку, Вера Матвеевна с сомнением огляделась по сторонам.

– А может, на маршрутке поедем? Что-то желающих на автобус много.

– Да ты что, – возразил Василий, – из-за пяти остановок на маршрутку тратиться! Лучше за стакан доехать, чем за бутылку.

– А я бы тоже предпочёл маршрутку, – высказал своё мнение Семён.

Василий снова возразил.

– Сеня, не ищи лёгких путей. Путь к звёздам лежит через тернии.

– К каким звёздам? К коньячным? – язвительно спросила Вера Матвеевна.

– Эх, Вера, приземлённый ты человек, – уныло произнёс Василий.

В этот момент в небе, каркая, появилась большая стая ворон.

Семён и Василий Юрьевич с любопытством посмотрели

на скопление птиц.

– Хорошо летят, – сказал Василий.

– И маршрутки им не нужны, – пошутил Семён, но сам посмеяться не успел. Неожиданно на его плече образовалась белая струйка птичьего помета.

– Ёлки-палки! – воскликнул он от досады.

– Что такое? – обеспокоенно спросила Вера Матвеевна.

– Да вот полюбуйтесь, – с горечью выдохнул Сеня. – Ну, хоть из дома не выходи! Обязательно кто-нибудь настроение испортит.

Выдернув пучок травы, Семён принялся оттирать с плеча неприличное пятно.

– Не расстраивайся, сынок, с каждым такое может случиться, – попыталась утешить его Вера Матвеевна.

– Как видишь, не с каждым, – возразил Сеня. – Вон сколько кругом людей, а случилось именно со мной.

– Между прочим, это хорошая примета, – заметил Василий. – Богатым будешь.

– Если бы так, я бы уже давно миллионером был, – сказал Семён. – Со мной такое уже пятый раз случается.

– Наш папа ничего в приметах не понимает, – тут же заявила Вера Матвеевна. – Если тебя, сынок, таким образом... поместили, значит, ты у нас особенный.

– А это хорошо или плохо? – поинтересовался Сеня.

– Конечно, хорошо, – уверила сына Вера Матвеевна и, вынув из сумочки платок, предложила. – Дай-ка я платоч-

ком аккуратно вытру, а то ты этой травой ещё больше размажешь.

Вера Матвеевна принялась оттирать пятно на плече у Семёна.

– Подумаешь, пятнышко. Это такая мелочь, что и внимание на него не стоит обращать... Ну, вот и всё. Как будто ничего и не было.

– Спасибо, мам, – поблагодарил Семён.

Тем временем, к остановке подъехал переполненный автобус. Толпа ожидающих людей пришла в движение. Несмотря на это, Семёну и Вере Матвеевне удалось вскарабкаться внутрь салона. А вот Василия Юрьевича постигла неудача. Он попытался зацепиться свободной рукой за поручень, но случайно зацепился за какую-то пожилую женщину.

– Помогите, насильник! – закричала женщина и больно ударила Василия сумкой по голове. Василий отскочил в сторону, однако радиатор из рук не выпустил.

– Вася, – крикнула из окна автобуса Вера Матвеевна, – ты где?

– Кажется, отец не влез в автобус, – с сожалением произнёс Семён. – Как же он до бабушки доберётся? Ведь денег-то у него нет.

– Сам виноват, – раздражённо произнесла Вера Матвеевна. – Вот пусть теперь не за стакан, а за бесплатно добирается. Пешком.

Среди благоухающих цветов

Больше всего в жизни Мария не любила огород и всё, что с ним связано. Ещё с детства, склонившись над грядками, она поняла, что крестьянский труд не для неё. Боли в спине и трата своего драгоценного времени на борьбу с сорняками и насекомыми на фоне другой роскошной жизни, которую она видела по телевизору, наводили на Марию уныние и отчаяние. Ей хотелось иной, лучшей жизни. Такой, чтобы жить в большой квартире и ничего не делать. Однако сама достичь такого блаженства она не могла, и единственным для себя выходом из создавшегося положения видела только в замужестве. Выйти замуж за богатого жениха и, наконец-то, выбраться из старого родительского курятника. Это была её сокровенная мечта. Но где найти такого жениха? Вот в чём вопрос!

Среди местных потенциальных женихов искать было бесполезно. В этой массе преобладали в основном студенты и работяги. А вот в интернете выбор был намного больше. Именно там Мария и искала своё будущее счастье. Но, к сожалению, счастье это пока представлялось ей весьма туманным, а в её электронный ящик попадалась в основном всякая мелочь, не стоящая внимания, или уже отработанный материал.

И когда мать спрашивала её:

– Ну как дела, дочка?

Мария отвечала:

– Никак.

А потом подробно начинала рассказывать о множестве недостойных претендентах и об отсутствии достойных.

Мать слушала, сочувствовала, но потом советовала:

– Не гналась бы ты дочка за мечтами. Бери то, что можно потрогать руками. А то и это упустишь. Тебе ведь уже не восемнадцать. Как бы старой девой не остаться.

– Сама знаю, – с грустью говорила Мария. – Я и так уже снизила свои потребности. У меня теперь к жениху только два требования; чтобы был с квартирой и с хорошей зарплатой.

– И что же? Неужели даже таких нет? – удивлённо спрашивала мать.

– Во всяком случае, мне пока не попадались, – привычно отвечала дочь.

Но сегодня на её лице засияла улыбка, и она в доверительном тоне сообщила:

– Мам, ко мне вечером в гости приедет мужчина!

– Наконец-то! – всплеснула от радости руками Антонина Григорьевна. – И кто ж он такой?

– Зовут Аркадием. Говорит, что занимается бизнесом и живёт один в трёхкомнатной квартире.

– Это хорошо. А внешне? Сколько лет-то ему?

– Тридцать восемь с обыкновенной внешностью. Не красавец, но и не урод. Кстати, мам, а ты по этому случаю пирожков испечёшь?

– Испеку. Но пора бы тебе дочка уже самой научиться пирожки печь.

– Когда замуж выйду, тогда и научусь.

– Постой-ка, а ты ведь сегодня грядки обещала прополоть! – вдруг, вспомнила Антонина Григорьевна.

– Мам, вот умеешь ты настроение испортить. Ну, какие сегодня могут быть грядки? – отмахнулась Мария.

– Ну, ладно, ладно, – не стала настаивать Антонина Григорьевна, – я сама прополю.

Поле и бык

Иннокентий, а следом за ним Надежда и Витя прошли по извилистой тропинке уже половину пути. Вокруг благоухали полевые цветы, стрекотали кузнечики, и приятный свежий ветерок слегка касался вспотевших городских жителей.

– Какая благодать! – с удовольствием воскликнул Иннокентий. – Так и хочется упасть в траву и уснуть на пару часиков.

– Да тут кругом грязь, – брезгливо буркнула Надежда, то и дело поглядывая под ноги, – а в траве букашки всякие ползают. Заползут ещё, куда не надо.

– Нашла, кого бояться. Букашек. Да они умнее нас, если хочешь знать. Пчёлы, например, живут в своём пчелином государстве, и никаких революций у них нет. И все довольны. Вот у кого надо поучиться. А если уж кого бояться, так это людей. Вот они-то как раз и могут заползти, куда не надо.

– Пап, а почему? – поинтересовался Витя.

– Почему. Потому, что букашки живут по инстинктам, а люди как в голову взбредёт.

– Пап, но ведь это скучно, жить по инстинктам.

– Может быть и скучно, зато сподручно.

– Но если бы люди жили по инстинктам, то и прогресса никакого не было! И видеоканал тоже!

– Что ж, тогда бы ты занялся чем-нибудь более полезным, чем подглядыванием.

Неожиданно, рядом прожужжала большая зеленоватая муха и уселась на плечо Иннокентия.

– Вот, скотина летучая! – выругался глава семейства и тут же прихлопнул её своей всевидящей рукой.

– Пап, – сказал Витя, – а если бы муха жила не по инстинктам, то она бы тогда сообразила, что безопаснее садиться на коровью лепёшку, а не на тебя.

– Я смотрю, умный ты очень.

– А разве это плохо?

– Смотря где и когда. Если быть умным в хорошем деле, то хорошо, а если в плохом, то плохо.

– Пап, а мы скоро придём? Уже полчаса топаем, а конца не видно, – пожаловался Витя.

– Ещё один, наблюдательный выискался. Конца ему не видно! Подрастёшь, увидишь.

– Я устал, есть хочу.

– А это тебе в наказание. Это тебе урок, как правильно вести себя в общественных местах.

– Ну, хватит вам спорить! – встряла в разговор Надежда. – У меня такое ощущение, что мы заблудились.

– Ничего мы не заблудились, – возразил Иннокентий. – Идём верным курсом. Вон уже и дома показались.

– Боже мой! А это кто? – с испугом воскликнула Надежда, показывая на вышедших из небольшого оврага трёх рогатых

существ.

– Как что? Обыкновенные коровы, – успокоил Иннокентий.

– Нет, это не обыкновенные коровы, – с тревогой произнесла Надежда. – Одна из этих коров – бык. Смотри, как он набычился и выставил в нашу сторону свои ужасные рога! Кеша, мне кажется, он хочет нас забодать! Не случайно мне сегодня ночью приснилось, как за мной петух двухметровый гонялся!

– Не паникуй! – одёрнул жену Иннокентий. – Если будешь бояться, то бык это почувствует и уж тогда тебе точно не поздоровится.

– Я боюсь! Он смотрит прямо на меня! – простонала Надежда и спряталась от быка за спиной мужа.

– Спокойно! – сказал Иннокентий. – Идите за мной по тропинке и не обращайтесь на быка никакого внимания.

Выстроившись друг за другом, Фигуновы осторожно сделали несколько шагов вперёд, но быку это явно не понравилось. Он замычал и, выставив вперёд рога, тоже сделал несколько шагов навстречу.

– Кеша, стой! – взмолилась Надежда. – Ты не видишь, что он сумасшедший!

– Нет, он не сумасшедший, – сказал Витя. – Просто его раздражает красный цвет. А у тебя, мам, кофта красная.

– А ведь, Виктор прав! – поддержал сына Иннокентий. – Надюша, немедленно снимай кофту!

– С какой стати, я должна раздеваться! – возмутилась Надежда Я что, стриптизёрша?

– Брось ты эти условности. Сейчас выбор только из двух вариантов. Или мы идём к тёще, или к травматологу.

– Да, снимаю уже! – воскликнула Надежда и, быстро скинув кофту, осталась в красном бюстгальтере.

– Ну что, теперь все довольны? – с обидой в голосе произнесла она.

– Как видишь, нет! – воскликнул Иннокентий, поглядывая на быка, который по-прежнему угрожающе стоял на тропе. – У тебя же бюстгальтер тоже красный!

– Нет, только не это! – взмолилась Надежда. – Больше я перед этой скотиной ничего не сниму.

– Но что же нам тогда делать?

– Пап, – осенило Витю, – а ты маме свою рубашку отдай.

– Молодец, сынок! Как же я сам не догадался! – похвалил сына Иннокентий

– Витенька, ты у нас просто умница! – обрадовалась мама.

Иннокентий снял с себя рубашку и отдал её жене. Надежда тут же её одела и осторожно выглянула из-за спины мужа.

– Ну вот, теперь на мне нет ничего красного!

На этот раз бык никакой агрессии не проявил.

– Ура! Сработало! – воскликнул Витя.

– Тихо! – скомандовал Иннокентий. – Давайте ещё раз попробуем. Я пойду первым, а вы за мной! Идём спокойно и на быка не обращаем никакого внимания. Понятно?

– Понятно, понятно.

Семейство Фигуновых сделало несколько шагов вперёд, и о чудо! Бык равнодушно отвернулся, что-то промышчал своим коровам и пошёл восвояси.

Первые гости

Первыми в гости пожаловали Вера Матвеевна и Семён. Во дворе залаяла собака по кличке Муся и навстречу гостям из дома вышли Антонина Григорьевна и Матвей Захарыч. Встретив старшую дочь и внука объятиями и поцелуями, Антонина Григорьевна поинтересовалась:

– А где же Васенька?

– От автобуса отстал, – пояснила Вера.

– Как же так?

– Да вы не беспокойтесь, он и пешком доберётся, – успокоила Вера. – Вы-то как поживаете?

– Стареем потихоньку, – с оттенком грусти произнёс Матвей Захарыч.

– Лучше говорить, мудреем, – посоветовал Семён.

– Согласен, – сказал Матвей Захарыч, – мудрости нам не занимать. Жаль только вспомнить мы её уже не можем.

– А я вам святой воды привёз, – поспешил обрадовать Сенья. – Может она поможет?

– Вот, спасибо! – воскликнула Антонина Григорьевна. – Какой же ты у нас молодец!

Из дома вышла Мария.

– Кто молодец? – поинтересовалась она.

– Я, – хвастливо произнёс Семён. – Здравствуйте, Мария

Матвеевна.

– Здравствуй, Семён Васильевич.

– А почему вы меня по имени и отчеству называете? – с недоумением спросил Семён. – Я же ваш племянник.

– А почему ты меня по имени и отчеству называешь? Я же тебя всего на двенадцать лет старше.

– Так вы же моя тётя!

– Не называй меня тётей. Я ещё молодая.

– А как же мне тогда вас называть?

– Сеня, неужели самому трудно догадаться? – сделала замечание сыну Вера Матвеевна. – У моей сестры есть имя. Вот и называй её по имени; Маша или Мария. Понял?

– Понял, – буркнул Семён.

Когда гости зашли в дом, Антонина Григорьевна предложила им пообедать.

– Только без меня, – деловито объявил Захарыч. – Я сейчас уйду.

– Это куда же? – полюбопытствовала Вера.

– Идёт в городскую администрацию за наградой! – с гордостью ответила за мужа Антонина Григорьевна. – Наш папа третье место на городском конкурсе поэзии занял!

– Пап, оказывается ты у нас знаменитость? – льстиво произнесла Вера.

– Пока только местного значения, – скромно уточнил Захарыч.

– Подождите-ка, – с любопытством произнёс Семён, – а про какой конкурс вы говорите? Не про тот ли, о котором в местной газете писали?

– Он самый, – подтвердил Захарыч. – Я по интернету ещё месяц назад туда своё стихотворение послал.

– Дедуль, а ты не ошибся? – спросил Семён.

– В каком смысле? – насторожился Захарыч.

– В прямом. Насколько я помню, этот конкурс для детей младшего возраста.

Матвей Захарыч побледнел и обречённо опустил на стул.

– Ты что, шутишь?

– Сеня! – укоризненно произнесла Вера Матвеевна.

– А я-то тут причём! – развёл руками Семён. – Почитайте сами в интернете.

Мария включила интернет на своём смартфоне. Остальные родственники прижались к ней и с замиранием сердца склонились над экраном.

– Вот условия конкурса, – сказала Мария, – читаю: "...в конкурсе могут участвовать лица дошкольного и младшего школьного возраста..." Ой, я не могу! Вот так папуля наш прославился! Мало того, что третье место занял, так ещё и помолодел сразу лет на шестьдесят!

– Куда ж ты смотрел, ямщик хренов? – возмутилась Ан-

тонина Григорьевна.

– Да я эти чёртовы условия и не читал, – поникшим голо- сом признался Захарыч. – Я прочитал только, что объявлен конкурс, ну и послал туда своё стихотворение с анкетой.

– Тогда не понимаю, как у тебя твою анкету приняли? – всё ещё надеясь на чудо, спросила Антонина Григорьевна. – Разве ты не указал в ней свои шестьдесят семь лет?

– Указал, – утвердительно кивнул Захарыч. – Сейчас я вам покажу.

Захарыч пошёл в свою комнату. Через минуту оттуда по- слышался вопль разочарования:

– Что за чертовщина! Ну, как такое могло случиться?

Родственники быстро переместились в комнату к дедуш- ке.

– Ну, что на этот раз? – взволнованно спросила Антонина Григорьевна.

– Тося, ты представляешь, у меня почему-то шестёрка не пропечаталась, и вместо шестидесяти семи лет получилось семь. Я сейчас наверно помру.

Захарыч лёг на диван, сложил на груди руки и закрыл гла- за.

– Ты что, ополоумел, – всполошилась Антонина Григо- рьевна. – Из-за какого-то детского конкурса помирать со- брался. Пошлешь своё стихотворение на другой конкурс! Их сейчас столько развелось, что куда не плюнь – везде одни конкурсы!

– И то верно, пап, нашёл из-за чего расстраиваться, – сказала Вера.

– Ладно... – тихо произнёс Захарыч, – пожалуй, я полежу немного, успокоюсь,

– Ну, полежи, полежи, – с сочувствием произнесла Антонина Григорьевна.

Родственники молча начали выходить из дедушкиной комнаты. Вдруг, Захарыч позвал супругу.

– Тося!

– Что? – откликнулась Антонина Григорьевна.

– Дай мне что-нибудь сладенького. Оно мне при нервных расстройствах помогает.

На лице Антонины Григорьевны на мгновение отобразилось возмущение, и чуть было не вырвалась фраза: "А харя у тебя не треснет?" Однако сдержавшись, Антонина Григорьевна ласково произнесла.

– Сейчас, Матвеюшка, принесу.

Всё по-прежнему

Вера села в кресло.

– А у вас всё по-прежнему, – с удовольствием произнесла она. – Ничего не изменилось.

– Некому менять, – вздохнув, ответила Антонина Григорьевна, – вот и не изменилось. Вы с Надей разлетелись по своим квартирам, отец уже старый, а других мужиков нет.

– Может, Мария скоро кого-нибудь приведёт?

– Сегодня же и приведу, – ухмыльнувшись, сказала Мария.

– Интересно, кого же?

– Богатого и красивого.

– Ты правду говоришь или шутишь?

– А я всегда говорю правду.

– Батюшки, вот это сюрприз! Расскажи, я стораю от любопытства.

– Хочешь узнать, кто на меня такую позарился?

– Ну, зачем ты так, Маша? Я же тебе только добра желаю.

– Всё равно ничего не расскажу. Сглазите ещё. А как время подойдёт, сами всё узнаете.

– Ну, хорошо, хорошо. В любом случае, ты, Машенька, всегда можешь рассчитывать на нашу помощь.

Мария усмехнулась.

– Тогда пусть нам Сеня поможет колодец выкопать! Он молодой, здоровый. Ему и лопата в руки!

Семён недобро взглянул на Марию.

– Одному без напарников мне не осилить.

– А твой папочка и Надин экстрасенс, чем тебе не напарники? Один мастер по поиску воды, а у другого энергии, как у экскаватора. Втроём быстро управитесь.

– Представляю, какой хороший отдых у нас получится! – погрузнев, отреагировал Сеня.

– Между прочим, активный отдых полезен для студентов, – поучительно заметила Мария.

– Так-то оно так, но после активного отдыха придётся ещё неделю отдыхать.

– Сеня, тебе ли жаловаться? – вмешалась мама. – Отдохнёшь.

– А где копать-то? – спросил Семён

– Посреди огорода, – пояснила Мария.

– Ладно, пойду, посмотрю, – расстроено пробурчал Семён.

Призрак на огороде

Семён подошёл к собаке, погладил её, затем осмотрелся.

– Как же здесь хорошо, – с наслаждением подумал он, – чистый воздух, птички поют и тишина.

Прихватив у сарая лопату, юный землекоп прошёл в огород, очертил на земле круг предполагаемого места для колодца, и... Вдруг за спиной кто-то с ним поздоровался.

Обернувшись, молодой человек увидел за забором соседку. Ей было уже за семьдесят, жила она одна, и выглядела очень усталой.

– Здравствуйте, тётя Ань, – приветливо ответил Сеня.

– Уж, не колодец ли собрался копать? – спросила соседка.

– Пока только планирую.

– Не копай. Его и без тебя выкопают, – как-то странно произнесла тётя Аня.

– Как без меня? Кто? – с недоумением спросил Семён.

– Чужие люди.

– Что-то я желающих не вижу.

– А вот завтра и увидишь.

– Что ж, тогда подожду до завтра, – усмехнувшись, произнёс Семён, приняв слова соседки за шутку. – Ну, а вы-то, как поживаете?

– Хорошо. Только тоска меня одолевает.

– Может, вам какая-нибудь помощь требуется? Так вы скажите!

– Неудобно мне тебя, Сеня, просить.

– Ну. что вы! Соседи должны помогать друг другу, – справедливо заметил Семён.

– Что ж.., если тебе не трудно... Мне бы сорняки перед домом выдернуть, а то сама я уже не могу. Сил нет.

– И всего-то! Это не проблема, – спокойно произнёс Семён. – Вы только покажите где, я их мигом повывёргну.

– Спасибо, тебе, Сеня! – поблагодарила тётя Аня. – Добрый ты. А сорняки вон там перед крыльцом. Пойдём, покажу.

Семён перелез через забор и пошёл следом за соседкой. У крыльца они остановились.

– Вот здесь, – показала рукой тётя Аня на небольшой клочок земли, заросший высокой травой. – Уж, и не знаю, справишься ли?

– Не беспокойтесь, справлюсь! – заверил соседку Семён.

Засучив рукава, он склонился над сорняками и энергично принялся за работу. Однако дело это оказалось не простым. Некоторые растения настолько крепко приросли к земле и обширно раскинули свои корни, что вырывать их приходилось с большим усилием. Неожиданно в травяной гуще, Сеня увидел красивый белоснежный цветок. Опутанный сорняками, он, словно маячок, блестел ярко-белыми лепестками на зелёном тенистом фоне.

– Смотри-ка, выжил среди этой серости! – посочувствовал Сеня. – Сейчас я тебя вызволю.

Юноша осторожно выдернул несколько сорняков и цветов ожил.

– Ну, вот, теперь тебе никто не помешает. Цвети и делай мир лучше.

Полюбовавшись цветком, Семён продолжил работу и вскоре запущенный участок засиял порядком и чистотой. Распрямившись, Сеня вытер пот со лба и огляделся. Соседки рядом не было.

– Тётя Ань! – громко позвал он.

Соседка не отозвалась. Тогда Семён позвал её ещё раз. И снова ему никто не ответил.

– Может в дом ушла? – предположил юноша.

Не спеша он подошёл к крыльцу, однако дверь в дом оказалась закрытой на навесной замок.

– Странно, – пожал плечами Семён.

Приезд Фигуновых

Пропутешествовав по полю около часа, Фигуновы, наконец, подошли к дому родителей. Во дворе снова залаяла собака. Из дома вышла Антонина Григорьевна. Увидев невесёлых и уставших гостей, она с беспокойством спросила:

– Наденька, Кеша, что с вами? Почему вы такие уставшие? И дитё такое невесёлое.

– Дитё уже навеселилось, – хмуро ответил Иннокентий. – Да так, что мы из-за него в аварию попали!

– В аварию! – испуганно воскликнула Антонина Григорьевна. – Боже мой!

– Мамочка, не волнуйся. Кеша преувеличивает. Просто нас таксист дальше везти отказался. Вот мы целый час по полю и шли. Устали так, словно вагон с углём разгрузили.

– Бедненькие! – взволнованно произнесла Антонина Григорьевна. – Ну, проходите в дом, отдохните.

– Бабушка, а как собаку зовут? – спросил Витя.

– Муся, – коротко ответила Антонина Григорьевна.

Надежда и Иннокентий пошли в дом, Антонина Григорьевна за ними, а Витя остался во дворе.

– А тебе что, – прикрикнул на него отец, – отдельное приглашение надо?

– А я не хочу отдыхать, – решительно заявил Витя.

– Ты же сам говорил, что устал!

– Отстань от него, – шикнула на мужа Надежда, – пусть делает, что хочет.

– Что хочет! – продолжал ворчать Иннокентий. – Да он здесь такого понаделает...

Витя притих. Дождавшись, когда родители с бабушкой ушли в дом, он подошёл к собаке и скомандовал:

– Муся, сидеть!

Но Муся лишь радостно замахала хвостом.

Витя дал ей несколько кусочков печенья, которые случайно завалялись у него в кармане.

– Бери, я сегодня добрый, – сказал Витя и снова скомандовал. – Сидеть!

Однако Муся по-прежнему лишь замахала хвостом.

– Не хочешь? – рассердился Витя. – Придётся заняться твоим воспитанием.

Мальчик зашёл в дом и напрямик направился на кухню. На кухне что-то готовила Вера Матвеевна. Увидев племянника, она радостно воскликнула:

– Витенька! Какой же ты стал большой! Ну, расскажи, как поживаешь?

– Плохо, – кратко ответил Витя.

– Почему? – удивилась Вера Матвеевна.

– Недоедаю.

От неожиданного известия Вера Матвеевна села на стул.

– Как недоедаешь? А разве мама тебя не кормит?

– Она на машину копит. А я с хлеба на воду перебиваюсь, – ответил Витя и тут же попросил. – Тётъ Вер, можно я колбаски немножко возьму?

– Ну, конечно, можно, – сказала Вера Матвеевна.

Витя взял из тарелки всю колбасу и, пробубнив на ходу «спасибо», вышел из кухни.

– Ничего не понимаю, – с удивлением произнесла Вера Матвеевна.

Витя снова вышел во двор к собаке.

– А вот и колбаска, – сказал он и сразу же предупредил, – но её нужно заслужить. Понятно?

Муся гавкнула.

– Сидеть! – скомандовал Витя, показывая собаке обещанную награду.

Муся жадно взглянула на заветный кусочек и жалобно закулила.

– Сидеть! – ещё раз повторил команду Витя.

Но Мусе не хотелось сидеть. Мусе хотелось колбасы.

– Ах, так! – возмутился юный дрессировщик. – Тогда ничего не получишь!

Витя демонстративно положил кусок колбасы перед Мусей, но на таком расстоянии, что дотянуться до него у собаки не было никакого шанса. И когда Муся рванулась к лаком-

ству, натянувшаяся цепь остановила её всего в нескольких сантиметрах от цели. От досады Муся разразилась отчаянным лаем.

Вскоре на шум из дома выбежала Мария.

– Эй, вундеркинд, – прикрикнула она на Витю, – тебе что заняться нечем?

– Нечем, тётъ Маш, – как ни в чём не бывало, ответил Витя.

– Какая я тебе тётя? Называй меня просто Марией. Понял?

– Понял.

Мария подошла к собаке и пододвинула ей колбасу. Муся с азартом набросилась на еду.

– Кстати, – обратилась Мария к Вите, – если тебе скучно, я могу с тобой поиграть. Хочешь?

– Хочу, – заинтересовался Витя. – А во что?

– В разбойников. Хочешь быть их главарём?

– Да, – обрадовано ответил Витя.

– Тогда слушай меня внимательно.

Мария подошла к Вите поближе и тоном заговорщика начала рассказывать подробности.

– Так вот, ты со своей бандой грабишь банки. Полиция с ног сбилась, разыскивая тебя, а ты каждый раз, словно невидимка, ускользаешь от них. И за это они прозвали тебя неуловимым. Ну как, нравится?

– Нравится. А дальше что?

– А дальше тебя всё-таки поймали и отправили на каторгу... к нам на огород. Теперь тебе, как каторжанину, нужно прополоть здесь все грядки. А я буду надсмотрщиком и буду показывать тебе, где и что нужно полоть.

– У-у, ещё чего? – разочарованно заскулил Витя. – Сама пропальвай свои грядки. Я не хочу в такую игру играть.

– Ты что, не хочешь быть главарём?

– Нет, не хочу.

– Эх, ты, слабак! Ну и слоняйся тогда здесь рядовым и никому не нужным мальчишкой.

– Ну и послоняюсь.

– Ну и слоняйся.

Мария с пренебрежением посмотрела на Витю, но тут заметила, как через соседский забор перелез Семён.

– А ты откуда? – с удивлением спросила она у него.

– Соседка попросила помочь сорняки повыдёргивать, – устало произнёс Сеня. – Вот я и поразмялся маленько.

– Какая соседка? – не поняла Мария.

– Тётя Аня.

– Ты что, на солнце перегрелся? – с недоумением произнесла Мария. – Она пять дней назад умерла. И в доме никого нет.

Сеня с недоумением посмотрел на Марию, затем на соседский дом.

– Ну, что молчишь? – продолжала допытываться Мария.

– А что говорить? Наверно, и впрямь перегрелся, – расте-

рянно произнёс Семён.

– Ну, и племяннички у меня! – возмутилась Мария. – Один лентяй, каких свет не видел, а другой сорняки у соседей дёргает! Да ты бы лучше у нас грядки прополол!

– Прополою и у нас, – пообещал Семён. – Только отдохну немного.

Не желая больше пререкаться, Семён вернулся в дом. Происшествие с соседкой его шокировало.

– Одно из двух, – подумал Семён, – или я сошёл с ума или произошло что-то необъяснимое.

Семён и дедушка

Семён постучал в дверь к дедушке.

Захарыч сидел за столом перед компьютером.

– Дедуль, к тебе можно?

– Конечно, можно. Заходи.

– Говорят, тётя Аня умерла?

– Да, от инфаркта. Хорошая была женщина, добрая.

– Дедуль, а ты веришь в то, что душа вечна? – поинтересовался Семён.

– Душа-то может быть и вечна, а вот мы нет, – с горечью произнёс Захарыч. – Во всяком случае, со мной на кладбище моя душа лежать не собирается. Выбросит меня, как старые использованные тапочки и улетит.

– Грустно всё это.

– Да, невесело.

– Дедуль, а ты чем сейчас занимаешься? Стихотворение сочиняешь?

– Угадал. На биографическую тему пишу. О жизни своей хочу рассказать, но кое-что не получается. Споткнулся на третьей строчке, как в стенку упёрся. Хочешь, начало прочитаю?

– Хочу.

– Ну, тогда слушай.

Захарыч чуть отодвинулся от компьютера и с выражением произнёс:

*«Дед мой был дворником, папка колхозником.
Я же на почте всю жизнь прослужил...»*

– Ну, как?

– Хорошо, – одобрительно оценил Сеня. – И размер, между прочим, песенный. Дедуль, а что если тебе песню из этого стиха сделать? В стиле шансона! Вот было бы круто!

– Песню, говоришь?

– Ну да. Таковую, чтоб за душу брало.

– Заманчиво. Пожалуй, я над этим подумаю.

– А что тут думать. Давай сейчас и попробуем. Например, можно вот так спеть. Семён выдержал небольшую паузу и пропел на блатной мотив.

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же всю жизнь по карманам шнырял...»*

– Стой, стой! По каким ещё карманам? – запротестовал Захарыч. – Я всю жизнь на почте проработал.

– Ну, тогда по посылкам!

– Ты что, с ума сошёл? – возмутился Матвей Захарыч, – Деда родного в уголовники записываешь!

– Но это же будет песня! Образ! Главное, чтобы публике

нравилось!

– Нет, такой образ меня не устраивает, – категорично заявил дедушка и снова забормотал.

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же всю жизнь по карманам шнырял...»*

– Тьфу! Ну, вот, теперь прилипла, не отлепишь! И надо же было тебе такую мерзость придумать!

– Извини, дедуль. Я ж хотел, как лучше!

– Хотел, хотел. Ко мне вдохновение пришло, а ты его под зад коленом...

– А может, тогда так? – предложил Семён.

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же великим писателем стал...»*

– Здравсьте! То ты меня в уголовники записываешь, а теперь в великие писатели! А тебе не кажется, что это, мягко говоря, не скромно?

– Так ведь если сам себе не похвалишь, никто не похвалит. Многие великие писатели тоже не сразу великими стали. Это уже потом потомки спохватились.

– А я, выходит, раньше потомков спохватился?

– Ну и что! Поэт в России всегда видит дальше других.

– Нет, Сеня, твои предложения мне не подходят. Ска-

жу больше, от таких предложений и до творческого кризиса недалеко. А я и так уже стою на его грани.

– Дедуль, между прочим, от творческого кризиса есть одно хорошее средство.

– Какое?

– Срочная смена обстановки. Все поэты так делают. Когда у них, что-то не пишется, они сразу же едут куда-нибудь за новыми впечатлениями!

– Ну, это я и без тебя знаю. А ты что же, предлагаешь мне набраться новых впечатлений?

– А почему бы и нет. Хочешь, давай вместе прогуляемся!

Захарыч почесал затылок.

– На просто так прогуляться мне времени жалко... Хотя, может быть ты и прав. Я действительно засиделся! Закис, как капуста в бочке! Но только куда же нам сходить?

– А куда тебе надо, туда и сходим.

Захарыч задумался.

– А что если в парикмахерскую? Я уже давно собирался подстричься.

– Отличная идея! – поддержал Сеня.

– Что ж, тогда не будем терять время, – засуетился Захарыч. – Но только перед уходом мне надо кое-что проверить.

Захарыч выключил компьютер и на клочке бумаги написал: "компьютер выключен". Затем он закрыл форточку и снова сделал запись: "Форточка закрыта".

– Так, а теперь по мелочи. Носки я надел, ботинки надел,

штаны... тоже... Не забыть бы ещё дверь закрыть.

Все эти действия Захарыч также записал на листок бумаги.

– Дедуль, а зачем ты всё это записываешь? – спросил Семён.

– Для спокойствия. Вот, к примеру, выйду я на улицу и, как обычно, засомневаюсь. А выключил ли я компьютер? А закрыл ли форточку? Раньше приходилось возвращаться, перепроверять. А теперь я достаю бумажку и в ней всё чёрным по белому написано.

– Хитро придумано.

– Жизнь вынуждает шевелить мозгами.

Дед и внук вышли из комнаты, закрыли дверь на ключ и зафиксировали этот факт на бумажке.

Во дворе Захарыч остановился.

– Сеня!

– Что, дедуль?

– Будь добр, подожди меня. Я на дорожку по маленькому схожу.

– Уже жду.

Захарыч торопливо засеменил в туалет. А Сеня остался перед домом. Ожидая деда, он с удовольствием смотрел на природу и с наслаждением слушал пение птиц. Но, вдруг, он услышал странный свист.

– Что это? – подумал Семён. – На соловья не похоже. Уж не скворец ли? Нет, не он. Как-то жалостливо свистит.

Сеня пошёл на свист, надеясь увидеть странно поющую птицу, но наткнулся на уличный туалет. Именно оттуда и раздавался этот неприятный звук. Через несколько секунд свист прекратился и из туалета вышел, изрядно вспотевший, Захарыч.

– Дедуль, а что за птица сейчас свистела? – поинтересовался Семён. – Уж, не перелётная ли?

– Нет, не перелётная, – спокойно ответил Захарыч. – Это я.

– Но зачем? – с недоумением спросил Сеня.

– По нужде. Простатит у меня хронический, – объяснил Захарыч. – Из-за него не могу нормально в туалет сходить. Вот стою, и не получается. А когда начинаю посвистывать, то вроде бы как отвлекаюсь, и облегчение приходит.

– Понятно, – кивнул с сочувствием Семён. – Это психологический эффект срабатывает?

– Не знаю. Может быть. Скажу только одно, Сеня. Если хочешь жить без психологических эффектов, береги здоровье смолоду.

– Постараюсь, – пообещал Семён.

Дед и внук вышли из калитки и направились в парикмахерскую.

Электронная гадалка

– Жениха всё высматриваешь? – спросила Вера у Марии.

– А чего его высматривать. Когда придёт, тогда и придёт.

– А что, у Машеньки жених появился? – встрепенулась

Надежда.

– Появился.

– Поздравляю. И кто же он?

– Мария не хочет о нём раньше времени рассказывать. Боятся, что мы сглазим, – поделилась секретом Вера.

– А я не глазливая.

– Всё равно ничего не скажу, – сказала Мария.

– Ну, не хочешь и не надо, – равнодушно произнесла Надежда. – В наш информационный век и по интернету про любого человека можно всё узнать.

– Это как же?

– Очень просто. Программы такие есть, – пояснила Надежда. – Я недавно скачала из интернета одну такую. Электронная гадалка, называется. Так вот, она по фотографии может о любом человеке почти всё рассказать. Я для проверки подсунула ей фото Иннокентия. Так она про него такое наговорила!

– И что же она тебе наговорила?

– Всё. И то, что ему сорок один год, и то, что его зовут

Иннокентием, и даже про характер угадала. Вот только про профессию ошиблась.

– Уж, не назвала ли она его министром здравоохранения?

– Нет, не министром.

– А кем же?

– Да глупость какую-то написала.

– Ну, скажи, не стесняйся, здесь все свои.

– А я и не стесняюсь. Представляете, эта гадалка написала, что мой Кеша мошенник.

– Ну, это не такая уж большая ошибка, – усмехнулась Мария.

– Ага, тебе лишь бы посмеяться, а я из-за этого столько натерпелась! Кеша, как узнал о себе такое, так чуть было мой смартфон в окно не выбросил. А потом ещё хотел на создателей программы в суд подать, но только их не нашёл.

– Батюшки! – всплеснула руками Антонина Григорьевна. – Что творится!

– Не то слово, – с возмущением произнесла Надежда и тут же предложила сестре:

– Маш, а хочешь, мы сейчас твоего жениха этой гадалке скормим?

– Что значит, скормим! Он что тебе кусок сосиски что ли?

– Причём тут сосиска! Просто интересно! Разве тебе самой не хочется узнать, за кого ты замуж собралась? А вдруг он маньяк какой-нибудь?

– А для Машеньки главное, чтобы жених был богатый, – съязвила Вера. – Так что маньяк с квартирой тоже подходящий вариант.

– Ну, что вы на меня набросились! – огрызнулась Мария. Затем махнула рукой. – Ладно, давай свою гадалку!

– А ты давай фотографию!

Мария передала фотографию жениха со своего смартфона на смартфон Надежды. Та в свою очередь загрузила полученную фотографию в электронную гадалку и нажала на кнопочку «старт». Через несколько секунд на экране смартфона показался результат.

– Ничего не понимаю, – с недоумением произнесла Надежда, растерянно уставившись на экран.

– Что?

– Опять что ли ошиблась.

– Ну, говори же, не томи!

– Она написала, что и твой жених тоже мошенник.

– Как мошенник?

Мария взглянула на результат.

– Ерунда какая-то! Для этой гадалки, наверно, все люди мошенники! И правильно тебя Иннокентий ругал. Скачиваешь из интернета всякую ерунду, да ещё и другим предлагаешь.

– Тихо! – насторожилась Надежда, пряча смартфон в сумочку. – Кажется, Кеша идёт!

На кухню зашёл Иннокентий.

– Антонина Григорьевна, вы говорили, что у вас есть чем подзарядиться! – деловито спросил он.

– Конечно, есть, – приветливо отозвалась тёща. – Присаживайся, Иннокентий, сейчас я тебя борщом угощу. А то ты, небось, столько много энергии на своих пациентов тратишь, что и для себя ничего не остаётся.

– Бывает и такое, – сказал Иннокентий. – Но больше всего мою энергию высасывает наш юный кинооператор.

Иннокентий сел за стол. Антонина Григорьевна поставила перед зятем полную тарелку наваристого борща. Иннокентий попробовал пару ложек, и на его лице отобразилось само блаженство.

– Это бесподобно! – восхитился он. – Давненько я такого вкусного борща не ел!

– А что так? На еде что ль экономите? – с намёком спросила Вера.

– С какой стати? – удивился Иннокентий.

– Витя сказал, что вы на машину копите, а он из-за этого недоедает.

Иннокентий от услышанного подавился борщом и закашлял.

– Надя, ты слышишь, что твоё создание про нас рассказывает? Я ведь тебя предупреждал! Хорошо ещё, что в шпионы нас не записал!

– Вера, – не удержалась Надежда, – ну, ты сама подумай, что ты говоришь! Витя пошутил, а ты уже и уши развесила.

Не зря тебя Верой назвали.

– Ну, хватит вам спорить! – сказала Антонина Григорьевна. – Не мешайте Иннокентию кушать!

– Да уж, Иннокентий Рудольфович, заправляйтесь по полной, – с усмешкой произнесла Мария, – а то ведь мы для вас работу приготовили.

– Какую? – насторожился Иннокентий.

– И вам, и Василию, и Сене нужно выкопать колодец в огороде.

– Увы, Машенька, вынужден вас разочаровать, – с сочувствием произнёс Иннокентий. – Лично я копать не смогу, у меня рука болит. Намахался за день перед клиентами. Единственное, что я могу, так это зарядить остатками своей энергии Сению и Василия. А они вам тогда не только колодец, но ещё и бассейн рядом выкопают.

– Понятно. Значит, понадобятся только две лопаты. Думаю, Сеня и Василий будут вам очень благодарны, – усмехнулась Мария.

– Мой долг, Машенька, помогать людям, – заявил Иннокентий. – Кстати, судя по опухшим векам на вашем лице, в ваших почках имеется песочек. Могу за пару сеансов очистить вас и от песка и от прочей желчи.

– Спасибо, не надо, – фыркнула Мария. – Очистите лучше за собой тарелку.

Во дворе залаяла Муся. Мария выглянула в окно.

– Странно, никого нет, а собака лает.

– Собака просто так лаять не будет, – заметила Антонина Григорьевна. – Пойду-ка я посмотрю, в чём дело.

А вот и Василий

Выйдя во двор, Антонина Григорьевна прикрикнула на собаку:

– Тихо, окаянная!

Однако Муся не унималась и продолжала лаять в сторону кустов у калитки.

Из дома следом за мамой вышли Вера с Надеждой, и Иннокентий с тарелкой борща. Оставшись на крыльце, он всё ещё продолжал кушать, с любопытством наблюдая за происходящем. Откуда-то из сарая появился и Витя.

Антонина Григорьевна с опаской подошла к кустам.

– Эй, кто там? – спросила она, приблизившись к кустам. – А ну, выходи! Выходи, кому говорю!

– Бабушка, а давай, я туда камень брошу? – предложил Витя.

– Не надо туда ничего бросать! – запретила Надежда.

Антонина Григорьевна подошла ещё ближе и раздвинула рукой ветки.

– Ой! – испуганно отпрянула она в сторону.

– Что там? – спросила Надежда.

– Там чьи-то ноги! – прошептала Антонина Григорьевна.

За ветками послышалось недовольное мычание.

– Я боюсь! – воскликнула Надежда.

– Тихо, оно выползает! – предупредила Антонина Григорьевна.

Все замерли в ожидании. Ветки, между тем, зашевелились и из кустов, словно из мрака... восстал Василий.

– Вася, это ты? – с удивлением произнесла Антонина Григорьевна.

Василий посмотрел на тещу сонными и ещё неотрезвевшими глазами.

– Ну, а кто ж ещё! Здрасьте, всем!

– Вася, а что ты здесь делаешь? – спросила Антонина Григорьевна.

– Ничего. Просто прилёг отдохнуть.

– А почему в дом не зашёл? Я бы тебе на диване постелила.

– В доме душно. А я вот вам подарочек привёз!

Василий поднял с земли радиатор.

– Ой, Васенька, спасибо тебе большое!

К Василию подошла, до сих пор молчавшая, Вера и, внимательно осмотрев мужа, спросила.

– А мне интересно, на какие деньги ты так выглядишь?

– Об этом науке пока неизвестно, – отшутился Василий.

– Нет, вы посмотрите на него! Он ещё смеётся! А как ты будешь в таком состоянии радиатор свой вставлять?

– Не переживай, Верочка! Свой радиатор я в любом состоянии вставлю.

В парикмахерской

Захарыч и Семён вошли в парикмахерскую. Семён сел на стульчик в прихожей, а Захарыч, поздоровавшись с парикмахершей, прошёл в небольшой зал. Парикмахерша с удивлением посмотрела на него.

– Вы ничего не забыли? – спросила она.

– Вроде нет, – Захарыч вынул из кармана свою памятку и прочитал: – Компьютер выключил, дверь закрыл...

– А в зеркало посмотрели?

– Нет.

– Ну, так, посмотрите!

Захарыч подошёл к зеркалу и побледнел. Ниже пояса он увидел широко распахнутую ширинку, из-под которой торчали его любимые полосатые трусы.

– Ой, я щас помру! – простонал Захарыч, спешно застёгивая молнию на ширинке.

– Помирать дома будете, а сейчас садитесь в кресло, – спокойно сказала парикмахерша.

Захарыч сел в кресло, продолжая причитать.

– Какой позор! В таком виде по городу!

– Ну, что вы так переживаете? – успокоила его парикмахерша. – Подумаешь трусы чуть были видны. Сейчас вон мужики вообще без штанов в одних трусах ходят.

– Вы имеете в виду шорты?

– Какая разница! Названием ноги волосатые не прикроешь.

– Ладно, я уже спокоен.

– Вот и хорошо. Как стричь будем?

– Доверяю вашему вкусу, – сказал Захарыч и, чтобы хоть как-то улучшить настроение, пошутил:

– Представьте, что мы с вами в Париж едем!

– Да вы что, дедушка, конопля что ль объелись? – возмутилась парикмахерша. – Я вас тогда так постригу, что стыдно будет из дома выйти, не то, что в Париж...

– Ну, тогда просто покороче, – пробормотал Захарыч, осознав, что ляпнул лишнего. – Сантиметра два оставьте.

– У меня линейки нет.

– А вы приблизительно.

Парикмахерша включила машинку и небрежно начала стричь седоватую голову Захарыча. Причём делала она это как-то размашисто, словно стригла не волосы, а строгала рубанком чурбан. Захарыч испуганно уставился в зеркало. О причёске он уже не думал. Главное для него было сохранить свои уши, над которыми с угрожающим визжанием то и дело проносилась машинка. Тем временем, в кармане у парикмахерши зазвонил телефон и она, не прекращая стричь, принялась разговаривать по телефону:

– Любочка, привет!.. Что делаешь?.. Суп варишь?.. Какой?.. Рыбный!.. Ты же рыбу не умеешь чистить!.. Сейчас я

тебе объясню.

Леночка пришла

Прослав мастером на все руки, Василий был для Антонины Григорьевны незаменимым зятем. При нём в доме сразу же всё ремонтировалось и обновлялось. Вот и сейчас во дворе под руководством тёщи он прибивал расшатавшиеся доски на сарае. А недалеко от них, изнывая от безделья, сидел на лавочке Витя и бесцельно стучал молотком по земле.

– Витя, ты бы хоть чем-нибудь полезным занялся! – сказала ему Антонина Григорьевна.

– А чем?

– Ну, попроси папу, чтобы он с тобой на озеро сходил. У нас рядом такое хорошее озеро. Там и покупаться можно и рыбу половить.

– Да ну-у! Знаю я это озеро. Там вода, как в луже, а рыба как в болоте.

Антонина Григорьевна с сожалением покачала головой, а Витя продолжил бить молотком по земле.

Но вскоре однообразный стук во дворе прервала, подошедшая к калитке соседка с шестилетней дочкой Леной.

– Антонина! – крикнула она из-за калитки. – Можно тебя на минуточку!

Антонина Григорьевна подошла к калитке.

– Тоня, дорогая, выручи! – попросила соседка. – Приюти

до утра мою Леночку! А то мне сегодня в ночную смену, а муж ещё с командировки не вернулся.

Антонина Григорьевна с сочувствием посмотрела на девочку.

– Ну, конечно, приутим, – ласково произнесла она. – И присмотрим, и накормим. А внучок мой, Витя с Леночкой поиграет.

Антонина Григорьевна обернулась и помахала рукой.

– Витя! Витя! Иди сюда!

Витя бросил молоток и подошёл к бабушке.

– Витенька, посмотри какая хорошая девочка к нам в гости пришла! Её зовут Лена. Вот тебе и компания. Поиграй с ней во что-нибудь!

Витя оценивающе посмотрел на Леночку.

– А во что мне с ней играть? – напыжившись, спросил он.

– В Красную шапочку! – пролепетала Леночка.

– Вот, правильно Леночка говорит. Поиграйте в Красную шапочку! – одобрительно воскликнула Антонина Григорьевна, пропуская девочку в калитку.

Соседка погладила дочку по головке.

– Умница моя! Ну, иди, иди. А завтра утром я тебя заберу.

Рубль упал, как комета

Захарыч сидел в кресле и испуганно смотрел на себя в зеркало.

– Ну, вот и всё, – сказала парикмахерша, сняв с клиента белое покрывало. – Ах, какой красавец стал. Домой придёте, жена не узнает.

– Узнает, – невесело отозвался Захарыч. – Но всё равно, спасибо.

– Пожалуйста. С вас двести рублей.

Дрожащими руками Захарыч расплатился за оказанную услугу и, скрипя суставами, поспешил прочь из зала в коридор, где его дожидался Семён.

– Ну как? – спросил Захарыч внука.

– Бывает и хуже, – честно ответил Семён, осматривая причёску.

– Чуть было ушей не лишился, – пожаловался Захарыч.

– Зато голове теперь легче дышать, – резонно заметил Сеня.

Покинув без сожаления парикмахерскую, Сеня и Захарыч вышли на тротуар. Недалеко от парикмахерской они увидели кондитерский ларёк, на котором крупными буквами было написано:

*«Рубль упал, как комета!
Кризис опять, твою мать!
Люди, скушайте конфеты!
Будет хоть что пососать!»*

В ларьке под плакатом со скучающим видом сидела молодая продавщица. Захарыча сразу потянуло к сладкому. Он подошёл к ларьку и спросил:

– Скажите, а шоколад "Слава" или "Вдохновение" есть?

– Нет, – ответила продавщица. – Вдохновение ещё не подвезли, а славу уже разобрали.

– Жаль.

Захарыч хотел ещё что-то спросить, но прокричавший у квасной палатки зазывала, перебил его. Одетый в полосатый комбинезон, изображающий бочку, рекламный глашатай доносил до прохожих весть о целебном квасе!

Посмотрев на зазывалу, Сеня узнал в нём бывшего одноклассника.

– Олег, ты ли это? Привет!

– Привет! – обрадовано воскликнул Олег и крикнул прохожим.

– Граждане, к нам пришёл наш постоянный клиент, Семён! Ещё месяц назад он умирал от язвы желудка, а теперь за один присест может запросто съесть литр прокисшего молока, килограмм протухшей рыбы и двести грамм просроченного майонеза! И всё это благодаря нашему целебному

квасу!

– Ты что! – смутился Семён. – Да я после такого обеда неделю из дома не смогу выйти!

– А как насчёт стаканчика кваса? – предложил Олег.

– Ну, это другое дело!

– Тогда прошу к нашему шалашу!

Олег подвёл Сеню к палатке. За ними потянулся и Захарыч.

– Познакомься, это мой дедушка, Матвей Захарыч! – представил его Семён

– Очень приятно!

Олег и Захарыч пожали друг другу руки.

– Давненько мы не виделись! – сказал Олег.

– Да, давно. Как поживаешь-то? – спросил Семён.

– Лучше всех. А ты?

– Ну, раз ты лучше всех, значит, я чуть похуже.

Олег наклонился к окошку квасной палатки.

– Три стаканчика, пожалуйста!

В палатке зашипело, забулькало и вскоре на прилавке появились три стакана с пенистым квасом.

– А ты, я смотрю, как был неисправимым пессимистом, так им и остался, – усмехнулся Олег.

– Пессимизм помогает жить, ибо это самое лучшее лекарство от разочарований.

– А мне разочаровываться некогда, – сказал Олег, отпивая глоток кваса. – Кручусь, как белка в колесе, деньги за-

рабатываю.

– На что, интересно? – полюбопытствовал Семён, тоже пригубив целебного напитка.

– А деньги мне для здоровья полезны, – жизнерадостно ответил Олег. – С деньгами я чувствую себя хорошо, а без денег плохо. Ну как квас?

– Отличный!

– Нет ничего лучше в жару, чем стакан кваса! – с удовольствием произнёс Захарыч.

– Ну, разве, что два стакана! – пошутил Олег.

Все засмеялись.

– А каким ветром вас сюда занесло? – спросил Олег.

– Да так, решили немножко отдохнуть, развеяться.

– Отдохнуть? Тогда у меня к вам есть прекрасное предложение! Отдохнёте по полной программе, да ещё и денег за это получите!

– Это где ж так отдыхают? – заинтересовался Сеня.

– В нашем местном театре.

– Не понял.

– Объясняю. Я месяц назад пристроился туда в группу поддержки. Хожу на спектакли, кричу браво, хлопаю в ладоши. И мне за это платят.

– Здорово! И много можно нахлопать?

– Тысячу за представление! А сегодня у нас в театре будет юмористический концерт. Сам Ефим Бедокур приедет. Вот я вам и предлагаю, отдохнуть и получить за это деньги. Ну,

чем не светлое будущее?

– По тысяче за браво? – уточнил Семён.

– В данном случае даже браво кричать не придётся. Юмористы предпочитают, чтобы над ними просто смеялись.

– Дедуль, что скажешь? – спросил у Захарыча Сеня.

– По моему, хорошее предложение, – отозвался Захарыч. – Смех продлевает жизнь, а я уже давно не смеялся.

– Тогда решено, – подытожил Семён, – мы идём!

– Иного ответа я и не ожидал, – сказал Олег. – Только подождите минуточку. Мне нужно снять с себя эту рекламную оболочку.

Олег быстро освободился от комбинезона и сложил его в сумку.

– Всё, теперь мы можем идти наслаждаться искусством.

В театре

На театральной площади было уже многолюдно. Тем не менее, Олег быстро нашёл своих коллег. Группа поддержки стояла недалеко от входа в театр и представляла из себя довольно-таки разношёрстную публику; какой-то толстячок неопределённого возраста, студент в очках, маленький пенсионер, неопрятно одетый мужчина и ещё несколько безликих персонажей. Но самым заметным среди всех был старший группы, бывший оперный певец, Вальдемар Ключников. Как и полагается звезде, своими крупными размерами он притягивал к себе окружающие его объекты.

– Вальдемар, – сразу же обратился к нему Олег, – я ещё двух членов привёл.

– Ну что ж, лишние члены нам только во благо! – пробасил Вальдемар и, взглянув на новеньких, спросил:

– Надеюсь, Олег вам объяснил, что нужно делать?

Захарыч и Семён утвердительно закивали головами.

– Да, конечно, объяснил.

– Хорошо, – сказал старший, и тут же обратился ко всей группе:

– Итак, все в сборе! Приступим к инструктажу. Задача у нас простая; смеяться и хлопать. У всех сегодня хорошее настроение?

– Да! – слышались робкие голоса.

– Не слышу! – крикнул Вальдемар.

– Да! – закричали члены группы.

– Не вижу улыбок на лицах! – снова крикнул старший, –

А ну ещё раз!

– Да! – на этот раз уже весело и громко загалдели все участники поддержки.

– Вот это другое дело! – удовлетворённо произнёс Вальдемар. – А теперь объявляю разминку!

Скорчив жалостливую физиономию, бывший оперный певец пробасил:

«Напечатали в Фейсбуке

Объявление от гадюки:

«Ядовитая змея

Снова ищет жениха!»»

Все члены группы дружно засмеялись; задорно засмеялся Олег, раскатисто заржал толстяк, на полтона ниже захихикал студент в очках, загоготал маленький пенсионер, а неопрятно одетый мужчина запричитал: «Ой, я не могу! Ой, я не могу!» Засмеялись и Захарыч с Семёном.

– Отлично! – подытожил Вальдемар. – На этом разминка закончена! Прошу всех получить билеты!

Члены группы взяли у старшего билеты и направились в театр.

В фойе театра Олег подошёл к раздевалке, чтобы сдать свой рекламный костюм, а Семён с Захарычем, оставшись наедине, оживлённо обменялись мнениями.

– Первый раз в жизни почувствовал себя идиотом! – сказал Семён. – И как же мы будем дальше изображать из ёлки берёзу?

– А ты представить себе что-нибудь смешное? – посоветовал Захарыч.

– Что, например?

– Ну, например, что к тебе домой пришёл глава центрального банка в обносках и попросил сто рублей взаймы.

– Нет, это вряд ли меня рассмешит, – признался Сеня.

– Тогда остаётся только одно, – со вздохом произнёс Захарыч – щекотать друг друга.

Сеня усмехнулся.

– Только, дедуль, не перепутай меня с какой-нибудь старушкой.

– Постараюсь.

В театре раздался звонок, и зрители потянулись в зал.

Вскоре подошёл Олег.

– Ну что, бойцы театрального фронта, – сказал он, – пора по местам!

По пути в зал, Олег угостил своих коллег булочками, затем новоиспечённые члены заняли свои места и приготовились к представлению. Тогда они ещё не знали, какое нелёгкое испытание им придётся пережить.

А представление уже начиналось. На сцену вышел ведущий и, сообщил зрителям о том, что им всем сегодня скажочно повезло, так как перед ними выступят лучшие из лучших, и всё это не по телевизору, не во сне, а наяву!

– Итак, уважаемые зрители, – громогласно объявил ведущий, – встречайте! Ефим Бе-до-кууур!!!

В зале раздались аплодисменты. Особенно громкие из группы поддержки.

– А чего мы хлопаем-то, он же ещё ничего не сказал? – спросил Семён у Олега.

– От любви, Сеня, от любви, – коротко объяснил Олег и, поднявшись с кресла, зааплодировал стоя.

Наконец, на сцену вышел круглолицый человек среднего роста. Он подошёл к микрофону и доверительно сообщил всему залу:

– У меня вчера тёща спросила: «Ты варёные макароны любишь?» Я отвечаю – люблю. «А хочешь?» Я отвечаю – хочу. А она мне говорит: «Тогда налей в кастрюлю воды, доведи её до кипения, и брось туда макароны».

В зале раздался смех. Засмеялся Олег, раскатисто заржал толстяк, на полтона ниже захихикал студент в очках, загоготал, словно гусь на водопое, маленький пенсионер, а неопрятно одетый мужчина запричитал: «Ой, я не могу! Ой, я не могу!»

Семён посмотрел на Захарыча. Тот тоже смеялся. Но было заметно, что фальшивит. Заулыбался и сам Семён. Но не из-

за шутки артиста, а глядя на группу поддержки.

Бедокур же всё не унимался.

– Встречаю я своего бывшего одноклассника, заядлого рыболова. Спрашиваю у него: «Далеко собрался?» «В баню», – отвечает. Я говорю: «Серёга, какая баня? Ты ж с детства мыться не любил! За тобой ещё мать по двору с хвостотиной гонялась, чтоб тебя в ванну затащить! Ты ж единственный в классе был, кого учительница никогда к доске не вызывала! Тебя ж с работы из-за твоего запаха выгнали. От тебя даже жена ушла!» А он говорит: «Это всё ерунда! От моего запаха рыба перестала клевать!»

Зал в очередной раз взорвался от смеха. И снова засмеялся Олег, и снова заржал толстяк, захихикал студент в очках, загоготал маленький пенсионер. А неопрятно одетый мужчина запричитал: «Ой, я не могу! Ой, я не могу!»

– Когда же это всё закончится? – опасаясь за своё здоровье, подумал Семён.

– Никогда! – прогремело в микрофон со сцены. – Никогда больше ничего не подарю тёще. Я в прошлый день рожденья подарил ей кобеля, а она назвала его моим именем.

Очередной взрыв смеха навёл Семёна на размышления.

– А чего тут обижаться? – подумал он аплодируя. – Ну, подумаешь, собаку назвали твоим именем. Вот если бы тебя назвали собачьим. Тогда другое дело!

Однако сам Бедокур от этого ничуть не расстроился. Вежливо раскланявшись, он взял в охапку, подаренные букеты

цветов, и под аплодисменты и крики браво, вынес их за кулисы.

На сцене снова появился ведущий.

– А теперь, уважаемые зрители, – крикнул он в микрофон, – перед вами выступит непревзойдённый мастер по художественному свисту Евгений Блатосян! Встречаем!

Зал зааплодировал!

К микрофону из-за кулис выбежал смешной маленький человечек и, похлопывая себя ладошками, словно крылышками, засвистел какую-то мелодию. Семён засмеялся.

– Ты что! – толкнул его локтем Олег, – Сейчас смеяться не надо. Это же не юморист.

– Извини, не сдержался, – честно признался Семён и отвёл взгляд в сторону, дабы не рассмеяться снова. Но тут он увидел странно съёжившегося дедушку. Захарыч покраснел как варёный рак и притих, будто нашкодивший кот.

– Дедуль, расслабься. Сейчас смеяться не надо, – тихо сказал Семён.

– Сеня, а мне сейчас не до смеха, – мрачно произнёс Захарыч.

– Почему?

– Я из-за этого свистуна, кажется... обмочился, – дрогнувшим голосом произнёс Захарыч

– Как, обмочился? – ужаснулся Сеня.

– Натурально. Прямо в новые штаны. Наверно, психоло-

гический эффект сработал.

– Кошмар! Что же теперь делать?

– В туалет надо идти.

– А как же деньги?

– Ну их к лешему! Обойдёмся.

Поднявшись со своих мест, Захарыч и Сеня поспешили выйти из зала.

– Вы куда? – спросил Олег.

– В туалет, – коротко бросил Сеня.

Выйдя из своего ряда, Захарыч и Семён направились к выходу. Увидев, идущего в раскорячку, дедушку, стоявший у двери, охранник толкнул локтем служащую театра и, заикаясь, произнёс.

– Смот-т-т-ри, ещё один об-об-обложался!

– Вот из-за таких облажавшихся все уборщицы на больничный ушли! – укоризненно произнесла служащая.

Но ни Захарыч, ни Семён их уже не слышали. Не оглядываясь, они вбежали в туалет.

– Сеня! – жалобно простонал Захарыч, закрывшись в кабинке.

– Что, дедуль?

– Как же я в таких штанах домой пойду?

– Может, в магазине новые купить? – предложил Семён.

– Нет, магазин отпадает. Я деньги забыл взять.

– Тогда давай домой позвоним?

– Только не это! Засмеют! Сеня, придумай что-нибудь

ещё!

– Ну, есть ещё один вариант! – немного подумав, сказал Семён

– Какой?

– Взять штаны взаймы.

– Как, взаймы? У кого? А если они мне не подойдут? – забеспокоился Захарыч.

– Подойдут, – уверенно заявил Семён. – Подожди, дедуль, я скоро вернусь.

Не объясняя более ничего, Семён спешно вышел из туалета.

Пиво и Кинг-Конг

Иннокентий мечтательно раскачивался в кресле-качалке.

Незаметно в комнату вошёл Василий с радиатором.

– Иннокентий! – прошептал он тихим голосом.

– Что? – вздрогнул от неожиданности Иннокентий.

– Дело есть.

– Какое ещё дело? Колодец что ли копать?

– Нет. Воду сливать.

– Какую ещё воду?

– Хорошую.

Василий поставил радиатор на стол. Затем вынул из кармана два стакана и поставил рядом с радиатором.

– Что это значит? – спросил Иннокентий.

– Ну, не устанавливать же мне в отопительную систему радиатор с пивом.

– В первый раз вижу такую ёмкость! А что за сорт? – поинтересовался Иннокентий.

– Бесплатный, – коротко ответил Василий.

– Понятно. Значит, от каждого по способностям, каждому по потребностям!

– Вот за это давай и выпьем! – предложил Василий, разливая пиво по стаканам.

– Не возражаю!

Василий и Иннокентий выпили.

– Хорошее пиво! – крикнув от удовольствия, похвалил Иннокентий.

– Свежее!

– Кстати, Вась, а как у тебя печень? Не побаливает?

– Нет. А что?

– А то б я её тебе за пару сеансов...

– Не надо, – наотрез отказался Василий. – Давай лучше выпьем за здоровье!

– Только каждый за своё, – уточнил Иннокентий.

– Почему?

– Ну, как почему! Если я буду пить за чужое здоровье, и все станут здоровыми, кто ж тогда ко мне лечиться пойдёт?

– Логично, – согласился Василий и тут же предложил новый вариант:

– Тогда давай каждый за своё!

– Вот это другое дело.

Иннокентий подставил под кран свой стакан и повернул вентиль.

Однако вместо приятной пивной струйки из крана вылилось лишь несколько капель, затем что-то зашипело и замолчало.

– Не понял, – озадачено произнёс Иннокентий.

– Кончилось! – словно на похоронах мрачно изрёк Василий.

– Недолго музыка играла, – с сочувствием произнёс Ин-

нокентий. – Ну, ладно, Вась, не расстраивайся. Всё хорошее рано или поздно кончается. Такова жизнь.

Неожиданно за окном раздался чей-то рёв, топот и оглушительный визг. Иннокентий насторожился.

– Что это?

– Понятия не имею, – пожал плечами Василий. – Может террористы?

– Да что ты! – испуганно произнёс Иннокентий. – Какие ещё террористы? Я только жить начинаю.

Мужчины прильнули к окну. Во дворе никого не было.

Но тут рёв, топот и оглушительный визг повторился. Только уже совсем рядом, за дверью. Иннокентий подбежал к двери и прильнул к ней ухом.

– Нет, Вась, это не террористы, – догадался он. – Это гораздо хуже. Открыв дверь, Иннокентий выглянул в коридор. В коридоре его любимый сын Витя, изображая чудовище, с рёвом носился за перепуганной Леночкой.

– Вы что вытворяете? – воскликнул Иннокентий. – Ты что ревёшь, как корова недоенная? – обратился он к сыну. – А ты что визжишь, как сирена противопожарная? – спросил он у девочки.

– Мы играем, – ответил Витя.

– Во что вы играете?

– Я Кинг-Конг, а она Красная шапочка.

– Что это ещё за самодеятельность? Вы что, нормальных игр не знаете? – рассерженно воскликнул Иннокентий.

– Каких?

– Каких! А планшет я тебе для чего купил? Там у тебя этих игр видимо невидимо! Вот в них и играйте! Понятно?

– Понятно, – уныло пробурчал Витя.

Возвращение из театра

Семён открыл калитку и махнул кому-то рукой. Через несколько секунд у калитки появился человек в рекламном костюме квасной бочки. Это был Захарыч.

– Дедуль, – вполголоса произнёс Сеня, – дорога свободна!

– Данные принял! – с отдышкой прошептал Захарыч и, надеясь незаметно добраться до своей комнаты, тихо шагнул во двор. Однако пройти незамеченным ему было не суждено. Первой, не узнав своего хозяина, забила тревогу Муся. Затем откуда-то выбежали Витя с Леночкой. В отличие от Муси, дедушку они узнали сразу, о чём и оповестили всех остальных. И случилось то, чего Захарыч боялся. Финишный отрезок своего нелёгкого пути, ему пришлось преодолевать под изумлёнными взглядами родственников.

– Матвей, это ты? – с недоумением произнесла Антонина Григорьевна. Что у тебя с головой? Где твои новые штаны?

– Штаны со мной, голова в порядке, – буркнул на ходу Захарыч и, добравшись до своей комнаты, тут же закрылся на замок.

– Какой кошмар! – ужаснулась Вера.

– То-то мне ночью приснилось, как за мной петух двухметровый гонялся! – воскликнула Надежда.

– Да что ты всё со своими петухами! – одёрнул жену Ин-

нокентий.

Антонина Григорьевна обеспокоенно постучала в дверь.

– Матвей, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – отозвался Захарыч.

– Открой!

– Не открою!

Озадаченные родственники тут же ринулись за разъяснениями к Семёну, а так как врать Сеня не умел, то он и рассказал всё, что с ними произошло.

Он и стихи писать горазд

Иннокентий подошёл к комнате тестя, энергично потёр руки, концентрируя в них свою мощную энергию, затем постучал в дверь.

– Матвей Захарыч, откройте, это я, Иннокентий!

– Ты один? – спросил Захарыч из комнаты.

– Один.

Захарыч открыл дверь. Он уже переоделся в свои привычные старые штаны и чувствовал себя вполне комфортно.

– Заходи.

Иннокентий вошёл в комнату и сел на стул. Захарыч расположился в своём любимом кресле.

– Как настроение, Матвей Захарыч? – бодро поинтересовался Иннокентий.

– Нормальное, – вяло ответил Захарыч.

– А Антонина Григорьевна сказала, что у вас какие-то проблемы?

– Какие проблемы? Нет у меня никаких проблем.

– Ну, что вы якобы из-за какого-то конкурса расстроились?

– Ах, это! Так я уже о нём давно забыл, – отмахнулся Захарыч.

– А ваши приключения с Сеней?

Захарыч недовольно поморщился.

– Всё-таки проболтался, юрист хренов!

– Ну, зачем вы так, Матвей Захарыч, Сеня нам из благородных побуждений всё рассказал.

– Ладно, проехали. Зато теперь мне снова хочется творить!

– Это хорошо. А как у вас со здоровьем? Сердце не болит? Если что, так вы только скажите, я за пару сеансов...

– Нет, Иннокентий, сердце у меня не болит... У меня душа болит, – с горечью сказал Захарыч. – Вот можешь ты мне душу за пару сеансов вылечить?

– Увы, Матвей Захарыч, о душе медицине мало что известно, – честно признался Иннокентий.

– А известно ли медицине, почему люди так мало живут? – спросил Захарыч.

– Мало? Интересно, а сколько же вы хотите?

– Ну, хотя бы лет триста.

– Эка, вы хватили, Матвей Захарыч! Триста лет! А стоит ли? Вы ведь в свои шестьдесят семь уже мало что помните, а что с вами будет в двести шестьдесят семь?

– Не знаю. Но хотелось бы...

– Представляю, сколько бы вы за это время стихов насочиняли! Ужас! То есть, я хотел сказать, что долго пришлось бы перечитывать.

– Между прочим, Иннокентий, писать стихи – это тебе не руками махать, – сказал Захарыч. – Я вот сегодня целый день

пытаюсь написать стихотворение о своей жизни, а написать смог только две строчки.

– Неужели, это так трудно? – удивился Иннокентий.

– Без вдохновения лучше и не начинать. А оно меня в последнее время не жалуёт.

– Нашли о чём переживать, Матвей Захарыч. Вдохновение. У меня этого вдохновения вагон и маленькая тележка. Берите, не жалко.

– Да, как же я его возьму? Оно ж неосяземо.

– А зачем мелочиться? – деловито произнёс Иннокентий, – Я с вами готовым результатом поделюсь. Вот прочтите мне свои две строчки, а я вам тут же ещё пару выдам.

Захарыч засомневался:

– Ещё один помощник выискался. Мне мой внучок уже выдал пару строчек. Да таких, что пришлось из дома бежать.

– Не беспокойтесь, Матвей Захарыч, я в стихах знаю толк и в юридических заведениях не обучался.

– Ладно, – согласился Захарыч, – разве что ради эксперимента.

– Ради искусства, Матвей Захарович.

– Ну, тогда слушай...

Захарыч, прокашлялся и с выражением произнёс:

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же на почте всю жизнь прослужил...»*

– А дальше, как в стенку упрусь.

– Ничего. Сейчас мы эту стенку перепрыгнем, – пообещал Иннокентий.

– Кеша, – воскликнул Захарыч, – только у меня к тебе просьба – без уголовщины!

– Хорошо, хорошо. Если без уголовщины, то так и напишем.

Иннокентий для торжественности поднялся, и железным голосом отчеканил:

*«Не называйте меня уголовником,
Я миллионами не воровал!
Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же на почте всю жизнь пропахал...»*

– А-а, каково, Матвей Захарыч? Почти, как у Лермонтова! Что скажите?

– Во-первых, – сказал Захарыч разочарованно, – во времена Лермонтова не было колхозников. А во-вторых, Иннокентий, ты же мне обещал не использовать в тексте никаких уголовников. А что в результате?

Иннокентий на мгновение задумался.

– Да, Матвей Захарыч, пожалуй, вы правы. Извините. Это я машинально. Понимаете, к колхознику не очень много слов по рифме подходит. Сейчас я подумаю. Итак, колхозник, полковник, беспризорник, подзаборник... Нет, это всё не

то...

– Вот и я не могу подобрать подходящего слова, – пожаловался Захарыч.

– Подождите-ка Матвей Захарыч! А что если нам вообще отказаться от колхозника! – предложил Иннокентий. – Я, как врач считаю, что слово, к которому по рифме не подбирается ничего хорошего, нужно просто взять и удалить, как больной зуб, не подлежащий лечению.

– Да ты что, Иннокентий! – запротестовал Захарыч. – Без этого слова вся композиция рухнет. Да и привык я уже к нему.

– Тогда я предлагаю о нём временно забыть!

– Как забыть?

– А вот так! Как о полученных займы, ста рублях! А сейчас, Матвей Захарыч, послушайте, я уже новый куплет сочинил. Принимайте продолжение!

– Кеша, только без уголовщины! – встрепнулся Захарыч.

– Хорошо, хорошо, – обнадёжил тестя Иннокентий, – я всё учёл. Итак:

*«Язва меня вместо совести мучает,
Печень распухла, и спать не даёт,
Пью я теперь лишь от случая к случаю,
Если давление не подведёт...»*

– А-а, Матвей Захарыч, каково?

– Кеша, ты что, смерти моей хочешь? – запротестовал Захарыч. – Причём тут язва? Причём тут давление? Я жизнь свою хочу изобразить, а не выписку из амбулаторной карты!

Иннокентий на мгновение задумался.

– Да, Матвей Захарыч, вы снова правы. Это я машинально. Занесло. Поддался, так сказать, влиянию профессиональной деятельности. Но не будем отчаиваться, Матвей Захарыч. Главное, творческий процесс уже пошёл...

– Подожди-ка! – настороженно произнёс Захарыч, и, учащённо вдыхая воздух, спросил. – Ты чувствуешь?

– Что?

– Как что! Это же запах моих любимых пирожков с повидлом! И доносится он с кухни.

– А это имеет какое-то значение?

– Имеет! – с возмущением пробурчал Захарыч. – Это Антонина, таким образом, пытается меня из комнаты выманить. Она думает, что я не устою и побегу к ней, как Муся за колбасой. А вот шиш я ей побегу!

Захарыч показал фигу, и встал с кресла.

– У меня тоже сила воли есть! – сказал он и, вдруг, словно зомби направился к двери.

– Вы куда, Матвей Захарович? – с изумлением воскликнул Иннокентий, последовав за тестем.

Но Захарыч его уже не слышал. Уверенной походкой он вышел из комнаты в коридор, где в это время лёжа на полу прикручивал к трубам свой радиатор Василий, лихо пе-

решагнул через него и громко провозгласил:

– Она думает, что я за пирожок поэзию продам! А вот шиш я ей продам!

Ещё мгновение и Захарыч скрылся за дверью.

– Вот тебе и сила воли! – озадаченно произнёс Иннокентий, затем, взглянув на Василия, спросил:

– Ну, что, Вась, теперь не замёрзнем?

– Вы-то, может, и не замёрзнете, – невесело отозвался Василий, – а я уже замерзаю.

– Как? – не понял Иннокентий. – На улице же плюс тридцать!

– Так то на улице, а у меня внутри минус.

Очень приятно, Аркадий

Когда Иннокентий пришёл на кухню, Вера Матвеевна, Надежда и Сеня сидели на диванчике, Антонина Григорьевна стряпала у плиты, Мария стояла у окна, а Матвей Захарович за столом уплетал пирожки.

– Приятного аппетита! – пожелал ему Иннокентий.

– Спасибо! – кивнул Захарыч, не отрываясь от любимого занятия.

– Ну, как, вкусно? – спросила его Антонина Григорьевна.

– Бесподобно, – с просветлённым лицом ответил Захарыч.

– В меру хороший аппетит – признак хорошего здоровья, – заметил Иннокентий.

– Это ж надо было столько натерпеться! – покачала головой Вера. – А ты, Сеня, додумался! Повёл пожилого человека в театр! Ну, сводил бы его куда-нибудь в огород. Там всё-таки спокойней.

– Я ж не знал, что так получится! – попытался оправдаться Сеня.

– Сеня ни в чём не виноват, – заступился за внука Захарыч.

– Ничего, ничего! – успокоил всех Иннокентий. – Главное, что все живы и здоровы и мы, наконец-то, сможем отведать наших любимых пирожков!

– Кеша, а ты свою долю уже съел! – напомнила Надежда.

– Неужели? – погрузнел Иннокентий и, присев рядом с Захарычом, с сожалением произнёс. – Какое же это трагическое для России слово – доля! Я ещё со школьной скамьи невзлюбил все эти доли; десятые, сотые, тысячные... Ужас! Поначалу я их округлял, но когда учитель округлил мою оценку до двойки, пришлось смириться.

– Да нет у нас никаких долей! Надежда просто пошутила, – сказала Антонина Григорьевна, устанавливая на стол ещё две тарелки с пирожками. – Кушайте, сколько хотите! Всем хватит!

– Антонина Григорьевна, вы просто ангел! – воскликнул Иннокентий.

В кухню вошёл Василий.

– Всё, радиатор я установил, – громко отрапортовал он.

– Молодец! – похвалила зятя Антонина Григорьевна и, поцеловав его, пригласила к столу откусать пирожков.

Василий сел за стол, но тут же заёрзал на стуле.

– Что-то стул у вас поскрипывает, – сказал он Антонине Григорьевне

– Старый, вот и поскрипывает, – вздохнула Антонина Григорьевна.

Василий приподнялся и посмотрел на стул.

– Ерунда, здесь просто пару болтов нужно подкрутить.

Вынув из кармана универсальный ключ, Василий принялся подкручивать болты.

Неожиданно за окном раздался автомобильный гудок. Первой в окно посмотрела Мария.

– Это Аркадий приехал! – радостно воскликнула она и выбежала из кухни.

Все остальные родственники переместились ближе к окну.

– Дождалась, – то ли с усмешкой, то ли с завистью, сказала Надежда.

– А ничего, симпатичный, – оценила жениха Вера.

– И машина-то, какая дорогая! – вглядываясь, воскликнула Надежда. – Никак, директор оптового склада!

Семён тоже подошёл к окну полюбопытствовать и... обомлел. В приехавшем, модно одетом, госте, он узнал того самого псевдобезногого инвалида, которому, ни за что, ни про что, подарил пятьсот рублей.

– Нет, это кто угодно, только не директор оптового склада, – сказал он.

Прошло ещё несколько минут томительного ожидания и на пороге кухни торжественно появились Мария и Аркадий с огромным букетом красивых цветов.

– А вот и Аркадий! – громко объявила Мария. – Прошу любить и жаловать!

– Ну, давайте знакомиться! – ласково сказала хозяйка дома. – Я мама, Антонина Григорьевна!

– Очень приятно! – кивнул головой гость. – А я Аркадий!

– А это мой папа! – показала на отца Мария.

– Матвей Захарыч! – представился глава семейства.

– Очень рад! Аркадий!

– А это мои сёстры; Вера и Надя! А это их мужья, Василий и Иннокентий! Иннокентий у нас известный экстрасенс, а Василий мастер на все руки.

– Сколько прекрасных людей!

– А это мой племянник, Семён, – сказала Мария. – Он учится на юридическом факультете.

Узнав в молодом человеке растяпу-благодетеля, Аркадий немного смутился.

На юридическом? – переспросил он.

– Да, – ухмыльнувшись, произнёс Сеня.

– Ну, и как там наши законы? Ужесточаются или наоборот?

– Для кого как.

– То есть?

– Ну, для тех, кто их пишет, смягчаются, а для тех, кто по ним живёт, ужесточаются.

– Скажи, пожалуйста! А я и не знал.

В разговор вмешался Иннокентий.

– А что это у вас, Аркадий, лицо побледнело? Если что болит, обращайтесь ко мне. Я за пару сеансов избавлю даже от инвалидности.

– Не беспокойтесь, я абсолютно здоров, – отказался Аркадий. – Давайте лучше отметим наше знакомство!

Аркадий достал из сумки две бутылки шампанского и по-

ставил их на стол.

О-о! Вот это по-нашему! – обрадовался Василий. – Жаль, только калибр мелковат, но для артподготовки подойдёт!

– Вася, ты неисправим! – с укором произнесла Антонина Григорьевна

– Так если уж отдыхать, так весело!

– А мы с дедушкой уже навеселились, – вставил слово Семён.

– Ну, значит, будете только закусывать!

На кухне послышался смех. Родственники сели за стол. Мария поставила букет цветов в вазу, Антонина Григорьевна разложила на стол тарелки с едой, а Василий открыл бутылку с шампанским и разлил его по бокалам.

– Может, нам виновник торжества что-нибудь скажет?

– Вася, ну, что ты всё торопишься. Дай людям сначала покушать, – сделала замечание Вера.

– Ничего, покушать мы всегда успеем, – сказал Аркадий, поднимаясь из-за стола с бокалом шампанского. – Я, извините, красиво говорить не умею, поэтому скажу просто... от сердца. Сегодня я встретил свою любовь и всем кто хочет разделить со мной мою радость, предлагаю поднять бокалы и выпить за наше с Машей счастье!

– Замечательно! – воскликнула Вера.

– Bravo! – восторженно произнесла Надежда.

– За это стоит выпить! – подытожил Василий.

Родственники выпили шампанское и принялись за закус-

ку.

– Кстати, а почему у нас не слышно музыки? – спросил Аркадий.

Вынув из кармана смартфон, он включил проигрыватель и положил на стол. Из смартфона зазвучала красивая мелодия. Аркадий подошёл к Марии и пригласил её на танец.

– Машенька, прошу вас!

Мария улыбаясь, приняла приглашение.

Глядя на танцующих, не удержались и Василий с Верой, и Иннокентий с Надеждой. Зажигательная музыка подняла их из-за стола и закружила по кухне.

– Присоединяйтесь, Антонина Григорьевна! – крикнул Иннокентий.

– Куда мне! – смутившись, отозвалась Антонина Григорьевна. – Я своё уже оттанцевала. Это дело молодых.

– Не скромничайте, Антонина Григорьевна! В душе мы все молодые, а уж вы и подавно. Давайте за компанию!

– Ладно, уговорил! – воскликнула Антонина Григорьевна и подошла к Семёну. – Сеня, поддержи меня, а то упаду!

Семён упрашивать себя не заставил. Но не успел он с бабушкой сделать и несколько шагов, как во дворе оглушительно завывла автосигнализация.

– Это же моя машина, – забеспокоился Аркадий.

Взглянув в окно, гость взял со стола смартфон и поспешно вышел из кухни. Мария последовала за ним.

Приблизившись к автомобилю, Аркадий и Мария увидели в нём Витю и Леночку. Витя сидел за рулём, а Леночка сидела рядом.

– Это ещё что такое? – спросил Аркадий.

– Это Витя с Леночкой! – воскликнула Мария и, не скрывая возмущения, отчитала маленьких озорников:

– Вы что тут делаете? А ну-ка, вылезайте из машины! Ишь, игрушку нашли!

– Мы не виноваты, – пропищала Леночка, выкарабкиваясь из автомобиля, – Витя хотел меня от волка спасти.

– Кошмар какой-то, – недовольно буркнула Мария.

– Мы больше не будем, – пообещал Витя, с неохотой покидая место водителя.

– Это ты своим родителям будешь говорить, – парировала Мария. – А вот, кстати, и они.

К машине подошли Надежда и Иннокентий.

– Надя, посмотри, что ваш сынок натворил! Он чуть было машину не угнал! – пожаловалась Мария.

– Вот, оболтус! – возмутился Иннокентий. – Я же сказал тебе во что играть! Где твой планшет?

– Он сломался, – виновато произнёс Витя.

– Как сломался? Я его только месяц назад купил!

– Вирус в него попал, и теперь он требует денег.

– Чего! Каких денег? – с возмущением воскликнул Инно-

кентий. – А ну, давай его сюда!

Витя пошёл в дом за планшетом.

– С вашим Витей не соскучишься, – сказала Мария Иннокентию, глядя вслед племяннику. – Он и дома такой неугомонный?

– Не то слово.

– Хорошо хоть у нас в доме покой и тишина. Хотя, честно говоря, уж и не знаю, что лучше.

– Лично я предпочитаю тишину, – высказал своё мнение Аркадий, закрывая дверцу автомобиля на замок.

Мария усмехнулась.

– А хочешь, я тебе наш сад и огород покажу? – предложила она.

– Конечно. С удовольствием посмотрю.

– Кстати, Машенька, – вмешался в их диалог Иннокентий, – а выкопать колодец ты Аркадию предложить не хочешь?

– Нет, не хочу, – коротко ответила Мария, – у Аркадия нет на это свободного времени.

– А что за колодец? – поинтересовался Аркадий.

– Да обыкновенный колодец. Мама хочет выкопать для полива, – пояснила Мария. – Вот я и предложила нашим мужчинам сделать доброе дело. Но пока никакой активности с их стороны не вижу.

– А зачем же самим копать? – спросил Аркадий. – Можно обратиться в строительную фирму.

– Самим дешевле.

Синь-Сянь

Вскоре вернулся Витя.

– Пап, я принёс, – сказал он, протягивая отцу планшет.

Иннокентий взял планшет, включил его и уткнулся в экран. Планшет слегка загудел, затем на экране появилась надпись: «Здравствуй, дорогой друг! С сожалением сообщаем тебе, что в твоём планшете поселился нехороший мистер Синь-Сянь. Этот Синь-Сянь уже через сорок четыре часа безвозвратно удалит с твоего планшета все данные, и твой планшет перестанет работать. Ты наверно сейчас очень расстроен и горько плачешь? Не плачь! Мы знаем, как тебе помочь! Мы знаем, как уговорить мистера Синь-Сяня покинуть твой планшет! Для этого тебе нужно перевести нам всего лишь тридцать долларов. Поторопись! Времени остаётся всё меньше и меньше».

– Ну, ни... – чуть было не захлебнулся от возмущения Иннокентий, – тридцать долларов! Да я... блин... Ты откуда эту дринь-дрянь скачал?

– Я её не скачивал, – начал оправдываться Витя. – Она сама скачалась вместе с игрой.

– С какой игрой?

– Морские разбойники, называется. Я её из интернета установил. А после этого в планшете объявился этот Синь-

Сянь.

– Ну и что мы теперь будем делать, пират доморощенный? Вызывать мастера или отсылать тридцать долларов? В любом случае материальный ущерб!

– Не переживайте! – успокоил Иннокентия Аркадий. – У меня есть знакомый мастер. Он вам этот вирус в два счёта уберёт.

– Но за сколько?

– Ни за сколько. Он мой друг.

Иннокентий расплылся в улыбке.

– Аркадий, ты как Дед Мороз в новогоднюю ночь! Спасибо!

– Не за что. Люди должны помогать друг другу, – спокойно ответил Аркадий и добавил:

– Кстати, а почему бы и этому Синь-Сяню хоть раз в жизни не помочь хорошим людям? Пусть он нам колодец выкопает. У меня на этот счёт появилась хорошая идея!

– Какая?

– Гениальная! Только скажите, в каком месте нужно копать?

– Посреди огорода, – сказала Мария.

– А поточнее. Нужен хоть какой-нибудь ориентир.

– Но у нас на огороде нет никаких ориентиров. Одни грядки.

– А это что? – воскликнул Аркадий, показывая на вышедшего из дома Василя, который в сопровождении Антонины

Григорьевны тащил старый тяжёлый стол.

– Васенька! – направляла зятя Антонина Григорьевна, – вот сюда к забору поставь.

– Антонина Григорьевна, – крикнул Аркадий, – а нельзя ли этот стол временно поставить на то место, где вы колодец планируете выкопать?

– А зачем?

– Мама, – укоризненно произнесла Мария, – ну что ты спрашиваешь?

– Ну, хорошо, хорошо, поставим, – не стала возражать Антонина Григорьевна и крикнула зятю:

– Василий! Не надо к забору. Пойдём в огород.

Василий, изогнувшись и, выбиваясь из последних сил, понёс за Антониной Григорьевной стол в огород.

– Ну, что ж, ориентир у нас теперь есть. Осталось только написать письмо, – с удовлетворением отметил Аркадий. – Витёк, зайди, пожалуйста, в свою почту и нажми кнопочку «Написать письмо».

Витя быстро зашёл в почту.

– Готов?

– Готов, – ответил Витя.

– Адресуй письмо кому угодно. Хоть чёрту. Это неважно... Важно то, что поселившейся у тебя Синь-Сянь это письмо прочтёт... Теперь пиши в заголовке темы: «Секретно для шефа»... Написал?

– Написал.

– Хорошо, пиши дальше.

Аркадий начал медленно диктовать:

– Дорогой шеф, вынужден написать вам вопреки конспирации. За мной следят. Я срочно уехал на запасную квартиру, но меня очень беспокоит сохранность нашегоклада, закопанного в огороде моей бабушки. Сто тысяч долларов лежат на глубине...

Аркадий прервал диктовку и спросил у Марии:

– На какую глубину нужно выкопать колодец?

– Вода у нас близко, – сказала Мария. – Думаю, метров семь хватит.

– Отлично. Пиши, Витёк, дальше. Сто тысяч долларов лежат на глубине семи метров под старым столом посреди огорода. Полагаю, шеф, нужно срочно выкопать эти деньги и перевезти их на нашу базу. Надеюсь, куда ехать вы не забыли; деревня Чевилово, дом одиннадцать... Написал?

– Написал, – пробурчал Витя.

– Тогда отправляй.

Витя нажал кнопку «отправить».

– Всё, ушло.

– Ну, раз ушло, значит, к завтрашнему дню колодец будет готов, – деловито произнёс Аркадий.

– Это действительно гениально, – сказал Иннокентий. – Но у меня есть вопрос.

– Какой?

– Меня интересует продолжение этой безвозмездной по-

мощи. После того, как этот Синь-Сянь выкопает колодец, и увидит, что в нём ничего нет, он нас в него не закопает?

– Не беспокойся, – похлопал Кешу по плечу Аркадий, – не закопают.

Аркадий и Захарыч

Когда Мария и Аркадий вернулись на кухню, там уже находились Антонина Григорьевна и Василий. Василий под руководством Антонины Григорьевны прибывал к стене полку.

– А где папа? – спросила Мария.

– Папе твоему сегодня просто не везёт, – ответила Антонина Григорьевна. – Пока вы были во дворе, позвонили из городской администрации и спросили, почему наш Матвейка не пришёл на их мероприятие?

– О, господи! И что?

– Я сказала, что он заболел.

– А папа?

– Папа опять расстроился, взял тарелку с пирожками и пошёл успокаиваться к себе в комнату. Уж, не знаю, чем теперь его утешить?

– Ну, надо же!

– А в чём дело? – поинтересовался Аркадий.

– Да папа наш оконфузился, – пожаловалась Мария. – Послал своё стихотворение на поэтический конкурс, занял на нём третье место, а конкурс оказался детским.

– Представляю его разочарование! – посочувствовал Аркадий и тут же поинтересовался:

– А что, Матвей Захарович стихи пишет?

– Только этим и занимается. Как на пенсию пошёл, так талант в себе нашёл, – сказала Мария и тут же с испуганным лицом произнесла:

– Ой, и я в рифму заговорила! Что ж это за зараза такая?

– Спокойно! С заразой мы договоримся, – обнадёжил Аркадий. – А вот, что касается Матвея Захаровича... есть идея!

– Опять гениальная?

– Угадала.

Постучав в дверь, и не дожидаясь ответа, Аркадий вошёл в комнату. Следом за ним вошла Мария.

– Матвей Захарович, это мы! – сказал Аркадий.

Захарыч лежал на диване, сложив руки на груди, словно покойник. На тумбочке работал телевизор, и женский голос с экрана торжественно сообщал:

– Сегодня в двенадцать часов двадцать минут по московскому времени президент России успешно прыгнул с парашютом на дрейфующую льдину и покормил пингвинов...

– Пап, как ты себя чувствуешь? – спросила Мария.

– Никак, – спокойно произнёс Захарыч.

– Ну, это поправимо, – сказал Аркадий и по-хозяйски уселся в любимое кресло Захарыча. Мария пристроилась рядом на стуле.

Телевизор, между тем, сообщил ещё одну новость.

– После выделения правительством финансовой помощи московскому зоопарку, попугаи зоопарка начали активно поддерживать правительство в вопросе увеличения пенсионного возраста, выкрикивая из клеток: «Долой пенсионеров!»

Аркадий выключил телевизор и спросил.

– Матвей Захарович, вы хотите, чтобы ваши стихи напечатали в хорошем журнале?

Захарыч приподнял голову с подушки и с удивлением посмотрел на Аркадия.

– Хочу... Но как?

– Нет ничего проще, – доверительно произнёс Аркадий. – В редакции журнала работает одна моя хорошая знакомая. Сейчас я ей пошлю сообщение с просьбой ознакомиться с вашим творчеством и посмотрим, что она ответит.

Аркадий вынул из кармана смартфон, быстро набрал на нём текст и тут же его отправил. Наблюдавшие за ним, Захарыч и Мария с удивлением переглянулись.

– Как ты быстро умеешь набирать текст! – сказала Мария.

– Я много чего умею, – нескромно ответил Аркадий.

– И стихи писать тоже? – полюбопытствовал Захарыч.

– Нет, Бог миловал.

В смартфоне Аркадия прозвучал звонок.

– А вот и ответ!

Аркадий открыл сообщение.

– Ну что ж, всё в порядке, Матвей Захарович. Сегодня к вам придет редактор отдела поэзии, Алла Афанасьевна

Чурова. Так что ждите.

– Как! Уже сегодня?

– Да, в редакции люди быстрые на подъём.

– Ой, я щас умру! – застонал Захарыч и начал заваливаться на диван.

– Э-э, нет! – ухватила его за руку Мария. – К тебе из редакции приедут, а ты помирать! А ну, давай, поднимайся! Ты же сам об этом мечтал!

Захарыч поднялся, но тут же полез в шкаф.

– Одно дело мечтать, и совсем другое участвовать! Скажите, что я заболел!

– Ещё чего! – возмутилась Мария, вытягивая отца из шкафа. – Я, нарочно скажу, что ты спрятался.

– Предательница!

– А ты, как был ямщиком, так им и останешься!

Медитация

Иннокентий, закрыв глаза, неподвижно сидел во дворе на лавочке. Из дома вышли Аркадий и Мария.

– Что это с ним? – обеспокоенно спросила Мария.

– Иннокентий! – крикнул Аркадий.

Иннокентий открыл глаза.

– Фу, ты, напугал! – с облегчением выдохнула Мария. – С тобой всё в порядке?

– Не беспокойтесь, я просто медитирую, – тихо произнёс Иннокентий.

– А мы в торговый центр собрались. Хочешь, присоединяйтесь с Надей к нам? – предложил Аркадий. – По магазинчикам ходим.

– Умоляю, тише! – встрепенулся Иннокентий.

– А что такое?

– Я только вчера Наденьке сеанс от магазинномании провёл. Если она сейчас услышит про магазинчики, то от наших денег и выходных ничего не останется.

– Извини, я не знал.

Мария взяла Аркадия за руку

– Уходим, – прошептала она.

– Ну, что ж, в таком случае, счастливо оставаться, – с усмешкой произнёс Аркадий.

– И вам удачи!

Аркадий с Марией прошли к автомобилю и уехали.

Иннокентий снова закрыл глаза. Но войти в состояние медитации не успел. Из дома с тюками старых одеял вышли Антонина Григорьевна и Василий.

– Васенька, – крикнула Антонина Григорьевна, – вешай всё это на забор, а я пока пойду, пол помою.

Сбросив тюки на землю, Антонина Григорьевна ушла в дом, а Василий, развесив одеяла на забор, принялся выколачивать из них пыль.

– Господи, когда же он уgomонится? – наблюдая за родственником, проворчал Иннокентий, затем крикнул:

– Вась, хороший ты мужик! Работающий!

– Чего? – не расслышал Василий.

– Я говорю, хороший ты мужик! Работающий!

– Так ведь без работы скучно.

– А вот мне, представь, нет.

– А что ж без работы делать?

– Как что! Отдыхать. Отдых, Вась, полезен для здоровья, а от работы даже лошади, и те... гибнут. Ты вон, поди, до сих пор согреться не можешь?

– Да, пока не получается.

– Могу помочь.

– Нет, не надо. Я предпочитаю традиционную медицину.

– А я о ней и говорю. Сколько тебе на согрев нужно?

Василий на мгновение задумался.

– Рублей триста.

– И всего-то!

Иннокентий достал из кармана несколько купюр, отсчитал триста рублей и протянул их Василию.

– Бери, Вась, дарю.

Василий подошёл к Иннокентию и взял деньги.

– Вот это сюрприз! Иннокентий, ты, самый хороший человек на свете! Дай, я тебя расцелую!

– Это лишнее! Лучше поторопись, а то магазин скоро закроется.

Бег с препятствиями

Улица, по которой шёл Василий, была небольшой и узкой. Кроме, медленно идущей, сгорбленной старушки с палочкой на дороге больше никого не было. Обогнав её, Василий на всех парах направился к магазину.

Казалось, ничто не предвещало неприятностей. Дул свежий попутный ветер, солнышко заботливо освещало путь к заветной цели. Как, вдруг, из кустов, словно ошпаренная, выскочила чёрная кошка, и прошмыгнула на другую сторону улицы.

– Только этого мне не хватало! – расстроился Василий.

Остановившись, он призадумался. Идти дальше было рискованно – слишком плохая примета, а не идти, значит не согреться.

– Надо кого-нибудь пропустить вперёд... – Василий обернулся на, идущую позади, старушку. – Пожалуй, это вариант. Ей-то чего уже бояться?

Вернувшись к пожилой женщине, Василий предложил бабушке свою помощь и, ухватив её под руку, попытался ускорить её шаг. Однако несмотря на все усилия и советы делать шаг шире и быстрее, старушка по-прежнему шла с черепашьей скоростью.

Взглянув на часы, Василий понял, что с бабушкой ему

не по пути. Оставался только один выход – идти в обход. И Василий пошёл. Для начала он перелез через забор чужого участка, на котором строился дом, затем случайно разбудил во дворе сторожевую собаку и, спасаясь от неё бегством, добежал до стены строящегося дома, затем, словно альпинист, вскарабкался на стену по кирпичным выступам, затем, словно канатоходец с палкой в руках, прошёл по доске, перекинутой на противоположную стену, затем, зацепившись руками за свисающий трос, перелетел через ещё одну комнату и, спрыгнув с двухметровой высоты на землю, ловко перевалился через забор на параллельную улицу, обогнав, таким образом, сторожевую собаку ровно на две секунды.

И вот, наконец, счастливый и удачливый, добрался он до заветной цели и остановился перед ней, как вкопанный, и страждущим взглядом уставился на закрытые жалюзи.

– Всё, сливай воду, – прошептал Василий, обречённо опустив руки. Вдруг обостренный слух его уловил едва слышимый шорох, исходящий из палатки, а внизу сквозь зарешеченное окошко мелькнули чьи-то ноги. Надежда вновь возродилась в страждущей душе. Василий подошёл к витрине и попытался приподнять жалюзи. Металлический занавес не поддался. Тогда Василий встал на четвереньки и постучал в окошко.

– Эй, товарищ! – закричал он жалостливо. – Товарищ! Никакой ответной реакции не последовало.

От отчаяния Василий взвыл:

– Аууу! Аууу!

И тут с грохотом открылись жалюзи. Из за прилавка выглянула опухшая физиономия продавца, раздражённо посмотрела на Василия сверху вниз и недовольно проворчала:

– Ну, хулио ты там игнесишь?

Василий с трудом распряился.

– Водки хочу... – устало произнёс он, – и колбаски...

Редакторша

В калитку настойчиво позвонили. На звонок вышла Антонина Григорьевна. За забором стояла женщина лет тридцати пяти в строгом деловом костюме тёмно-серого цвета.

– А это ещё что за мышь канцелярская? – подумала Антонина Григорьевна и спросила:

– Вы к кому?

– Я к Воробьёву Матвею Захаровичу. Он здесь проживает?

– Да. А вы кто?

– Я, Чурова Алла Афанасьевна, редактор отдела поэзии. Наш журнал заинтересовался работами Матвея Захаровича и я, как руководитель отдела, хотела бы познакомиться с ними более детально.

– О, Господи! – с недоумением произнесла Антонина Григорьевна. – Если бы сейчас выпал снег, я бы меньше удивилась!

– Так, я могу увидеть Матвея Захаровича?

– Не знаю, сможет ли он сейчас с вами говорить. С утра Матвей Захарович жаловался на плохое самочувствие.

Вдруг из окна высунулась голова Захарыча.

– Смогу! Смогу! – закричал он, помахав рукой, затем исчез и через несколько секунд появился уже на крыльце. На

нём были одеты полосатые шорты и красная футболка с цифрой тринадцать на спине.

Увидев в таком виде мужа, Антонина Григорьевна побледнела и временно потеряла способность что-либо произвести.

В отличие от жены, Матвей Захарович, наоборот, был чрезвычайно любезен и разговорчив. Добежав до калитки, он поздоровался с руководителем поэзии, и тут же пригласил её в дом.

– Пройдёмте в мой кабинет! – проворковал Захарыч. – Там нам никто не помешает.

– Спасибо, – поблагодарила Алла Афанасьевна. – Но, нельзя ли где-нибудь на свежем воздухе? А то я сутками не выхожу из душных кабинетов.

– Конечно, можно! – воскликнул Захарыч. – У нас чудесный сад и огород. Прошу вас!

Захарыч взял под руку Аллу Афанасьевну и небрежно бросил жене.

– Тонечка, принеси нам, пожалуйста, чаю!

Когда Захарыч и Алла Афанасьевна скрылись за деревьями, Антонина Григорьевна пришла в себя и выразила своё негодование всего лишь одной фразой:

– Тьфу!

Тем временем, Захарыч любезно предложил руководителю поэзии присесть под роскошным деревом. Поблагодарив, Алла Афанасьевна сняла с себя пиджак и расположилась в

кресле-качалке.

– Какая прелесть! – восхитилась Алла Афанасьевна.

– Да, меня природа тоже вдохновляет! – согласился Захарыч.

– Ну, а где же ваши творения? – спросила Алла Афанасьевна.

– В кабинете. Сейчас я их принесу.

Захарыч засуетился.

– Да вы не торопитесь. Я не спешу, – крикнула ему вслед Алла Афанасьевна.

Но Захарыча было уже не остановить. Пробежав трусцой через весь сад, у крыльца он столкнулся с женой, которая с недоумением спросила:

– Ты что вырядился, как петух заморский?

– А что мне ещё было одеть? – впопыхах объяснился Захарыч. – Старые штаны не годятся, а новые вышли из строя.

Захарыч вбежал в дом, и вскоре выбежал оттуда с увесистой стопкой бумаг и табуреткой. Добежав, до Аллы Афанасьевны, он сел на табуретку и, тяжело дыша, сказал:

– Вот, Алла Афанасьевна, принёс!

– Как много! – удивилась Алла Афанасьевна. – Однако вы плодовитый автор!

– Да, поэзия из меня бьёт ключом, – похвалился Захарыч.

Алла Афанасьевна взяла несколько листков и начала читать. Захарыч замер в томительном ожиданье.

– Ну что ж, первое впечатление положительное, – сказала

она. – У вас хороший стиль и чувствуется талант.

– Спасибо.

Антонина Григорьевна мыла с Верой на кухне посуду. Семён сидел на диване и читал журнал. На кухню зашла Надежда.

– Можно я с вами поболтаю? А то мой Иннокентий так намедитировался, что уснул.

Надежда подошла к окну и посмотрела в сторону сада.

– Мам, а что если наш папа и впрямь прославится?

– Ну и пусть, – спокойно ответила Антонина Григорьевна, – лишь бы сладкого не переедал.

– А ты не боишься, что он тебя бросит?

– Как это бросит?

– А вот так! Начнут ему писать всякие поклонницы, и какая-нибудь помоложе охмурит нашего папочку, и утянет в ЗАГС.

– Да кому он такой нужен кроме меня дуры? – с иронией произнесла Антонина Григорьевна.

– Ну, не скажи. Сейчас такие хищницы кругом снуют. Любого проглотят и не подавятся.

Антонина Григорьевна задумалась.

– Мам, а может, сходишь, посмотришь, как там наш папочка? – с беспокойством произнесла Вера.

Антонина Григорьевна засомневалась.

– Неудобно мне как-то.

– Если хотите, я могу сходить, – предложил Семён.

– Правильно, Сеня, сходи! – обрадовалась Надежда. – Посмотри, что они там делают.

– Хорошо, посмотрю.

Семён отложил в сторону журнал и, поднявшись с дивана, вышел из кухни.

В саду, прячась за яблоней, Семён увидел весьма живописную картину. Алла Афанасьевна раскачиваясь в кресле, читала листки с ещё не прочитанными стихами, а Захарыч, сидя рядом на табуретке, отгонял от неё мух уже прочитанными.

– А вот это мне нравится! – сказала Алла Афанасьевна, отложив в сторону одно из стихотворений.

– Да, это стихотворение у меня удачно получилось, – подтвердил Захарыч. – Я его в старых... в старом стиле написал.

– А вот это опять грустное, – сказала Алла Афанасьевна, читая следующее. – Матвей Захарович, почему у вас так много грустных стихотворений?

– Не знаю. Как-то само собой получается.

– Но согласитесь, читателю ведь иногда хочется и жизне-радостных стихов, которые можно почитать вот в такой пре-

красной обстановке, чтобы просто отдохнуть, а заодно и позагорать.

– А у меня есть и такие стихи! Сейчас я их вам принесу!
Захарыч поднялся с табуретки.

– Да вы не торопитесь, – крикнула ему Алла Афанасьевна, – я не спешу!

Семён, на всякий случай, спрятался за ветки. И вовремя. Захарыч, как угорелый, пронёсся мимо него в дом и вскоре выбежал оттуда с ещё одной стопкой бумаг и двумя пластмассовыми лежаками для загорания.

Когда Семён снова выглянул из-за яблони, он обомлел.

Алла Афанасьевна в купальнике лежала на лежаке, подставив под ласковое солнце заднюю часть своей стройной фигуры, а рядом на другом лежаке в шортах и футболке с номером тринадцать лежал Захарыч. Только теперь они уже обсуждали жизнерадостные стихи.

– Вот это фигура! – восхитился Семён. – Ей бы не в редакции, а доме моделей работать!

Как замороженный, Сеня смотрел на Аллу Афанасьевну, но вдруг где-то в кустах раздался подозрительный треск. Семён подошёл к кустам. Среди веток он увидел знакомый силуэт Вити с видеокамерой в руках.

– Пляжную сцену снимаем? – поинтересовался Семён.

Витя от неожиданности растерялся.

– Да я просто так... – смущённо забормотал он.

– Просто так, даже кошки не мяукают. А ну, давай, вы-

лазь.

Витя вышел из кустов.

– А ты знаешь, что снимать на видео обнажённых людей без их согласия нельзя? – пожурил брата Семён, – и, между прочим, это уголовно наказуемо.

– Я больше не буду, – пообещал Витя.

– Ну, это ты прокурору будешь говорить, – пошутил Сеня и, взглянув ещё раз влюблёнными глазами на Аллу Афанасьевну, похлопал брата по плечу.

– Ладно, пойдём отсюда, пока тебя твой папа за этим занятием не застукал.

– Что-то Сеня так долго не идёт, – обеспокоенно произнесла Антонина Григорьевна. – Уж, не случилось ли чего?

– А ты отнеси им чаю, и сама всё узнаешь, – посоветовала Вера.

– Чаю они от меня не дождутся, – сердито произнесла Антонина Григорьевна.

– Ну, давайте, я схожу, – предложила Надежда.

– Подожди, – остановила её Вера, – кто-то идёт.

В кухню зашли Семён и Витя.

– Бабушка, – с порога крикнул Витя, – а в саду дедушка с Аллой Афанасьевной голые лежат!

– Что? – испуганно воскликнула Антонина Григорьевна.

– Да не слушайте вы его! – поторопился объяснить Се-
мён. – Они просто загорают.

– Витя, – сердито произнесла Надежда, – да разве можно
нас так пугать! Я из-за тебя чуть чаем горячим не облилась!

– А чего! – пробурчал Витя.

– Ничего.

Вера обняла Антонину Григорьевну.

– Мам, ты только не переживай!

– А я и не переживаю... Надо же, загорает! Со мной он
последний раз лет тридцать назад загорал.

– А мне папа говорил, что загорание омолаживает орга-
низм, – поделился рецептом молодости Витя.

Надежда укоризненно посмотрела на сына.

– Виктор, прекрати свои неуместные реплики!

– А хотите, я свистну, и дедушка сразу в туалет убежит? –
предложил Витя.

– Не надо свистеть, – строго сказала Надежда, – денег не
будет!

– Всё, я больше не могу! – не выдержала Антонина Гри-
горьевна, поднимаясь из-за стола. – Пойду, посмотрю, чем
там мой ямщик занимается.

Антонина Григорьевна поставила две чашки на поднос и
вышла из кухни.

Выйдя на крыльцо, Антонина Григорьевна увидела, как со стороны калитки идёт его супруг.

– А где же твоя редакторша? – спросила она мужа.

Захарыч подошёл к жене, взял с подноса чашку чая, выпил его и поставил чашку на поднос.

– Ушла.

– Ушла? И что теперь?

– Ничего. Жизнь продолжается.

Антонина Григорьевна с облегчением вздохнула.

– Вот и хорошо. Пойдём домой?

– Пойдём.

Приманка для вдохновенья

– Захарыч, это я!

Задремавший на диване, Захарыч испуганно приподнялся.

– Кто, я? – переспросил он.

– Вдохновение! – шутя, произнёс Василий.

– А-а, это ты, Василий, – узнал зятя по голосу Захарыч. – Всё шутки шутишь?

– Шучу.

– Я бы тоже пошутил, но мне не до смеха.

– Трагедию что ль сочиняешь?

– А зачем её сочинять. Всё равно лучше жизни не придумаешь.

– Так в чём дело?

– Из редакции ко мне приходили. Обещали напечатать.

– Так что ж ты не радуешься?

– Я бы радовался, кабы мне было лет тридцать. А в шестьдесят семь что-то уже не радуется, да и вдохновенья уже нет, – с горечью произнёс Захарыч.

– Ну, это не беда! – успокоил тестя Василий. – С вдохновеньем я тебе помогу.

Не надо! – возразил Захарыч. – Слишком много у меня сегодня уже было помощников.

– Не беспокойся, Захарыч, стихи я сочинять не умею. Вот унитаз установить или государством руководить – это, пожалуйста.

– Тогда чем же ты мне можешь помочь?

– Есть у меня волшебное средство, – интригуяще произнёс Василий.

– Какое ещё средство?

Василий достал из пакета бутылку водки и колбасу.

– Принимай подарок, Захарыч. Приманка для вдохновения.

– Васька, ты что сдурел! – возмутился Захарыч. – Да после такой приманки я вообще усну.

– А ты соблюдай свою меру и не уснёшь. Тут надо, как в аптеке. С точностью до миллиграмма, – пояснил Василий. – Вот ко мне, например, вдохновение приходит только после двух с половиной бутылок пива, а после трёх уходит.

– Но с таким средством недолго и алкоголиком стать! – продолжал сопротивляться Захарыч.

– Не беспокойся, Захарыч, не станешь. Пушкин и тот этим не брезговал. Даже в стихах всё про кружку спрашивал. А мы-то с тобой, Захарыч, хрюкнем всего лишь по рюмочке и всё.

Василий порезал на кусочки колбасу, взял с тумбочки два пластмассовых стаканчика и, открыв бутылку, наполнил их водкой.

– Ну, давай, Захарыч, за вдохновенье!

– Ох, как же я это не люблю, – скривился Захарыч.

– Да, ты что, Захарыч! Разве это можно не любить? Жизнь без кайфа, всё равно, что еда без соли; пресная и невкусная.

– Ладно, – махнул рукой Захарыч. – За вдохновенье грех не выпить.

Тесть и зять выпили по стаканчику.

– Хорошо! – воскликнул Василий. – Приятно чувствовать, как тепло распространяется по всему телу.

– Это энергетическая волна вымывает песок из твоих почек, – пошутил Захарыч.

– Точно, – усмехнулся Василий и спросил. – Ну, а как на счёт вдохновенья?

– Пока никак.

– Смотри в оба, Захарыч, – предупредил Василий. – Как только появится, бери бумагу и пиши.

– А о чём писать? – уныло произнёс Захарыч. – О том, что я всю жизнь принимал и отправлял чужие посылки? Кому это интересно? Никакой поэзии в этом нет... Слушай, а может мне лучше рассказ написать? Дескать, жил, да был такой, Матвей Захарыч Воробьёв, проработал всю жизнь на почте и не заметил, как состарился.

– Тогда, Захарыч, давай хрюкнем за рассказ! – предложил Василий.

Разговор по душам

Когда Аркадий и Мария вернулись домой, было уже поздно.

Они дошли до крыльца и остановились.

– Как быстро день прошёл, – с грустью сказала Мария.

– У нас ещё будет много таких дней! – романтично произнёс Аркадий.

– Вся оставшаяся жизнь?

– Да.

Аркадий и Мария поцеловались.

– Ну, мне пора, – сказала Мария.

– До завтра!

– До завтра!

Мария открыла дверь и, помахав Аркадию рукой, вошла в дом, а Аркадий, проводив её влюблённым взглядом, направился к машине. Случайно в саду он увидел Семёна и подошёл к нему.

– На звёзды любишься?

– Да, – ответил Сеня, – я люблю смотреть на звёздное небо. Где-то там тоже живут люди.

– А что, тебе земных людей не хватает?

– В земных я разочаровался. В том числе и в безногих.

– Намёк понял. Ну, что ж, в своё оправдание могу только

сказать, что это был всего лишь небольшой эпизод из моей скромной жизни.

– Но притворяться безногим – это же мошенничество.

– Артисты на сцене тоже притворяются, но их никто мошенниками не называет.

– Ха! Нашёл с кем сравниться! Артисты не скрывают, что они играют, а ты...

– А что я? Если хочешь знать, я в отличие от артистов помогаю людям делать добрые дела. А это гораздо важнее.

– Допустим. А история с Аллой Афанасьевной? Кстати, она тоже из какого-нибудь самодеятельного театра?

– Нет. Она настоящий редактор. Не сомневайся.

– А Мария?

– Что, Мария?

– Она знает про твою вторую безногую жизнь?

– Конечно. Я ей уже обо всём рассказал.

– И как она отреагировала?

– Представь себе, спокойно. Она сказала, что играть роль нищего у церкви – не самый плохой вариант заработка. Да и чем я хуже Иннокентия?

– В таком случае, я вас поздравляю! Вы удачно нашли друг друга!

– Хоть поздравление и с иронией, но всё равно спасибо. А теперь, может, ты о себе что-нибудь расскажешь?

– А что мне о себе рассказывать? Я не вселенная и тёмной материи у меня нет.

– Ну, мне хотелось бы узнать, есть ли у тебя девушка?

– Нет. Я свою любовь ещё не встретил.

– А что так? Может, плохо ищешь?

– Может быть и плохо. А, может, мне просто не везёт.

– Не везёт?

– Да. Например, как сегодня. Встретил я у церкви одну скромную красотку, влюбился в неё, а она... оказался девицей лёгкого поведения.

– А зовут её Брендой.

– Ты её знаешь?

– Ну, не так, чтобы очень. Просто она мне кое-чем обязана. Если хочешь, могу устроить тебе с ней вечерок. И причём абсолютно бесплатно.

Семён заинтересованно посмотрел на Аркадия.

– Хочу!

– Нет ничего проще. У тебя есть её номер телефона?

– Да, есть.

– Тогда позвони ей и скажи, что ты от меня. И можешь ехать, наслаждаться.

– И всё?

– И всё.

– Так просто?

– А зачем усложнять? Чем проще, тем эффективней.

– Удивил ты меня!

– Надеюсь, приятно?

– Да уж куда приятней.

– Тогда желаю тебе удачи! А мне, извини, пора ехать домой.

Аркадий попрощался с Семёном, и пошёл к своей машине.

– Счастливо! – крикнул ему вслед Сеня.

Когда Аркадий уехал, Семён присел на скамейку, вынул из кармана визитную карточку Бренды и, глядя на неё, задумался. Две непримиримые силы; сила страсти и сила духа, бескомпромиссно боролись в его душе за право повести молодого человека своей дорогой. Охваченный сомнениями, Семён всё же набрал номер Бренды на сотовом телефоне. После нескольких гудков послышался знакомый голос.

– Алло!.. Алло!.. Алло!.. Кто это?.. Почему молчите?..

Семён прервал звонок. Затем, ещё раз взглянув на визитную карточку, порвал её на мелкие кусочки, и швырнул в темноту.

Утро следующего дня

На следующее утро в семь часов утра Антонина Григорьевна

обнаружила, что дверь в комнате супруга раскрыта, а самого Захарыча в комнате нет. Не было его и в доме. Забеспокоившись, Антонина Григорьевна вышла во двор.

– Матвей! Матвей! Ты где? – позвала она.

На шум из дома вышел Семён.

– Сеня, ты дедушку не видел? – спросила у него Антонина Григорьевна.

– Нет, не видел.

– Ой, ну куда же он делся?

– Может на кухне или в туалете?

– Нет его ни на кухне, ни в туалете! И вообще, в это время он всегда ещё спит.

Из дома вышел Витя с видеокамерой.

– Витя, ты дедушку не видел? – на всякий случай поинтересовалась Антонина Григорьевна.

– Видел, – деловито ответил Витя. – Он ушёл.

– Как ушёл? Куда?

– Не знаю. На видеокамере у меня записалось, как он ровно в шесть часов утра вышел из калитки на улицу.

– Но куда вышел?

– Не знаю. Может в магазин похмелиться?

– Витя, ну, как же тебе не стыдно такое про дедушку говорить?

– А что! Он вчера с дядей Васей допоздна вдохновение приманивал.

Во двор вышли остальные родственники, но никто из них не знал, куда и зачем ушёл дедушка.

Вдруг, с огорода послышался крик Семёна:

– Идите все сюда!

Родственники побежали в огород.

Сеня стоял посреди огорода перед, глубоко выкопанной, ямой, наполненной водой.

– Колодец! – ахнула Антонина Григорьевна. – Что за чудо!

– Это не чудо, – пояснил всезнающий Витя. – Это Синь-Сянь со своими дружками ночью колодец выкопали. У меня всё записано.

– Энергично поработали, – восхитился Иннокентий. – Всё-таки не зря говорят, жадность – двигатель прогресса!

– Обождите, – настороженно произнесла Надежда, – а, вдруг, наш папа в этот колодец провалился?

– Чтобы это проверить, придётся туда нырнуть, – сказал Иннокентий и тут же добавил, – но лично я плавать не умею.

– Ну, что вы тень на плетень наводите! – воскликнула Вера. – Не мог папа туда провалиться! Витя же сказал, что он в шесть часов куда-то ушёл.

Вдруг, со стороны калитки прогудел автомобильный сиг-

нал, и громко залаяла собака.

– Похоже, к нам гости пожаловали, – предположил Иннокентий.

Переместившись снова к дому, родственники в растерянности остановились. Перед домом стояла полицейская машина, а во двор в сопровождении двух полицейских понуро входил Захарыч.

– Матвей, что случилось? – вскрикнула Антонина Григорьевна, но Захарыч промолчал.

– Кто из вас Антонина Григорьевна? – спросил полицейский.

– Я, – с трудом выдавила из себя Антонина Григорьевна. – А что случилось?

– Ваш муж совершил противоправный поступок. Пока принято решение доставить его домой.

– А что он натворил?

Полицейский вынул из папки протокол и начал читать:

– Сегодня в семь часов утра гражданин Воробьёв Матвей Захарович пришёл в церковь на утреннюю службу. Затем, перед иконой с изображением бога, он развернул плакат с непристойным содержанием и простоял с этим плакатом в церкви до тех пор, пока его не задержали сотрудники полиции.

– Ничего не понимаю! – воскликнула Антонина Григорьевна. – С каким плакатом?

Полицейский развернул, изъятый у Захарыча, плакат и

поднял его над головой. Родственники в изумлении замерли. На плакате крупными буквами было написано:

«ХВАТИТ НАД НАМИ ИЗДЕВАТЬСЯ!»

Вдруг, в небе появилась большая чёрная туча и, заслонив собою солнце, разразилась оглушительным громом. На землю хлынул ледяной ливень. Полицейские, бросив плакат, побежали к машине, а все остальные укрылись в доме.

И лишь протестный плакат, так и остался лежать на земле, постепенно покрываясь водой и грязью.

Тайна старинной круж

ки

Псевдопрокурор

В субботу 15 августа 2015 года в дежурной части отделения полиции в комнате для временно задержанных сидел и ругался психбольной гражданин Опоясов Аркадий Нилыч. Совершив дерзкий побег из специализированного медицинского учреждения, Аркадий Нилыч был схвачен патрульной службой около редакции первого телеканала России, где он намеревался в прямом эфире объяснить гражданам, как построить правовое государство.

Теперь же всё своё накопившееся возмущение и ораторский талант Аркадий Нилыч изливал на дежурного капитана Булыкина, который, несмотря на шум, мирно похрапывал на сложенных в ряд стульях. Стулья были разной формы и высоты, но Булыкину это не мешало. Он славился в отделении своей йоговской способностью уснуть даже стоя.

Разбудил же его только, загудевший полицейской сиреной, смартфон. Это было смс от жены из санатория. Открыв сообщение, Булыкин прочитал: «Вова, ты мою пенсию вчера получил?» Булыкин не любил писать сообщения. Буквы на смартфоне были маленькими, а пальцы большими и он никак не мог к этому приспособиться и постоянно ошибался. Пенсию он не получил. Почтальон пришёл, когда Булыкин ещё спал. Об этом он спросонья и сообщил: «Увы, пен-

сию твою я проспал». И всё бы было естественно. Булыкин не раз уже просыпал пенсию, и жена его не раз потом ходила на почту и лично её получала. Но в этот раз Булыкин умудрился ошибиться в середине последнего слова. Вместо буквы «П» он случайно нажал, находившуюся рядом, букву «Р». Ответ от жены поступил незамедлительно: «Приеду, я тебе такое увы устрою, что от аванса до полочки будешь чесаться!» Булыкин оторопел. Он не ожидал такой реакции. А тут ещё задержанный возомнил себя прокурором и пригрозил его уволить. В общем, было о чём задуматься. И Булыкин задумался. Но ненадолго. Из грустных размышлений его вывел оперуполномоченный лейтенант Белов, приехавший с вызова.

– Привёз нарушителя. Из кафе горяченьким взяли, – положил он с порога и протянул дежурному листок бумаги. – Жена на него заявление написала, дескать, угрожал, приставал, ну и так далее. Ты его опроси.

– Ладно, опрошу, – зевнув, пробурчал дежурный. – Только, будь другом, уведи куда-нибудь этого психа. Он уже полчаса твердит о том, что он прокурор, и что мне не поздоровится.

Белов открыл дверь комнаты для временно задержанных.

– Гражданин Опоясов, будьте любезны, оденьтесь и пройдите в красный уголок. Там вам будет удобней.

Аркадий Нилыч вышел из комнаты и внимательно посмотрел на лейтенанта.

– А почему у вас пуговицы расстегнуты, гражданин лейтенант? – спросил он строго. – Какой пример вы показываете другим сотрудникам? Безобразие!

Белов застегнул пуговицы.

– Виноват, исправлюсь, – произнёс он серьёзным тоном и вывел Аркадия Нилыча из дежурной части, а дежурный тем временем торопливо убрал из-под себя три лишних стула.

В этот момент в дежурную часть вошёл водитель патрульной машины сержант Светиков вместе с задержанным по заявлению жены.

– Привет спящим и храпящим, – хихикнул Светиков.

– Привет, – буркнул ему в ответ Булыкин и, взглянув на задержанного, с огорчением произнёс:

– Неделькин, это ты? Ну, как ты мне надоел!

– А я-то тут причём? – воскликнул задержанный. – Я к вам в гости не напрашивался.

– Ладно, присаживайся, – дежурный протяжно зевнул. – Жена на тебя заявление написала. Пишет, что ты вымогал у неё деньги.

– Я не вымогал, а попросил займы на газировку, – поправил полицейского Неделькин.

– Знаю я твою газировку, Неделькин, – сердито буркнул Булыкин. – И когда ты только угомонишься? Тебе ведь уже пятьдесят пять стукнуло. Почему не работаешь?

– Жду, когда власть вернёт мне мою долю, которую она украла у меня во время приватизации, – с глубоким чув-

ством обиды произнёс Неделькин. – И желательно с процентами и с возмещением морального ущерба за мою нереализованную жизнь. Вот когда я получу свои законные миллионы, тогда я и сам устроюсь, и тебя в охранники возьму.

– Мечтать, конечно, не вредно, Неделькин, – недовольно пробурчал дежурный, – но долго мечтать, только время терять. Признавайся лучше, с какой целью ты повалил потерпевшую на кровать?

– Ничего я её не валил. Она сама повалилась.

– Тоже газировки напилась? – пошутил Светиков и захихикал.

– Сама, говоришь, повалилась, – раздражённо воскликнул Булькин. – А потерпевшая пишет, что ты на неё напал. И я не исключаю, что с целью изнасилования.

– Да вы что, гражданин капитан! – испугался Неделькин. – Какое ещё изнасилование? Я забыл уже, когда и спал-то с ней в последний раз.

– Вот за это тебя и надо привлечь, – вставил реплику Светиков и снова заржал над собственной шуткой.

– Странная забывчивость у тебя, Неделькин. Очень странная, – угрожающе произнёс Булькин. – Только на этот раз она тебе не поможет, и о доле своей украденной будешь ты мечтать уже вдалеке от дома.

– А-а я тогда отказываюсь от сотрудничества со следствием, – спохватился Неделькин. – Я прокурора требую!

Дежурный на мгновение задумался. Затем заметно про-

светлел.

– А ведь это хорошая идея, Неделькин. Молодец! Прокурор-то сейчас как раз у нас в отделении находится.

– Товарищ сержант, – обратился он к Светикову, – проводите, пожалуйста, Неделькина в кабинет к прокурору. Пусть он с ним побеседует.

Светиков хихикнул и выпроводил задержанного из дежурной части, а Булыкин, с наслаждением предвкушая передышку, начал снова расставлять свои любимые стулья в ряд. Но не успел он это сделать, как на столе зазвонил телефон. Вздрогнув, дежурный поднял трубку.

– Капитан Булыкин, слушает... Так, записываю... А вы кто?.. Ну, хорошо, сейчас приедем.

Переключившись на внутреннюю связь, Булыкин прокричал:

– Григорий, давай на вызов! На улице Российской, в доме номер 13, в сорок пятой квартире раскрыта дверь, а сам хозяин исчез. Прописан там некто гражданин Зябликов Валерий Иванович. Звонок анонимный. В общем, посмотрите, что там и в зависимости от обстановки принимай решение.

Белов вышел из своего кабинета и, проходя мимо красного уголка, увидел, как за столом друг перед другом сидели и разговаривали на повышенных тонах псевдопрокурор Опоясов и задержанный Неделькин, а сбоку от них восседал словно арбитр, сержант Светиков.

– А сколько сейчас газировка стоит? – возмутился

Неделькин. – А закуска?

– Газировка, закуска! – нервно отреагировал Аркадий Ни-
лыч. – У вас, Неделькин, только одно на уме, как бы брюхо
своё ненасытное набить! Вы никчёмный элемент общества,
баланс, который не даёт взлететь нашей стране к светлому
будущему. Отвечайте, когда вы были завербованы иностран-
ной разведкой?

– Чего? – удивился Неделькин. – Какой ещё разведкой?

– Как это какой? А с кем вы сегодня в кафе встречались?

– С Лёшей Бендеркиным, – с недоумением произнёс

Неделькин. – Мы с ним в одной школе учились.

– В какой стране находится разведывательная школа?

– Да вы что, с ума, что ли здесь все походили? – возму-
тился Неделькин. – Я отказываюсь отвечать на такие вопро-
сы. И от прокурора тоже отказываюсь. Требую направить ме-
ня обратно к Бутылкину. Ой, к Булыкину.

– К какому ещё Булыкину? – воскликнул Опоясов. – За
границу хочешь сбежать?

– Иннокентий! – позвал тихонько Белов сержанта. – Ра-
бота есть.

Светиков вышел из комнаты и с восхищением проком-
ментировал:

– Во, дают! И телевизора не надо.

Место происшествия

Подъехав к дому номер 13, полицейские подошли к четвертому подъезду и поднялись на третий этаж. Дверь в сорок пятую квартиру была приоткрыта, но следов взлома не было. Белов несколько раз нажал на кнопку звонка, однако из квартиры никто не вышел.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – крикнул он в дверной проём.

Снова никто не отозвался.

– Что ж, придётся осмотреть помещение, – сказал Григорий и осторожно зашёл в прихожую. Светиков последовал за ним. Вокруг царил беспорядок. Дверцы шкафов были открыты, на полу разбросаны вещи.

– Похоже, здесь что-то произошло, – предположил Белов.

– Смотри! – тихим голосом произнёс Светиков. – Кровь!

На полу перед ванной отчётливо были видны красные пятна. В комнате тоже. А у кровати лежал топор, с которого ещё стекали красные капельки.

– Убийство! – мрачно произнёс Светиков. – Но где труп?

Они оба посмотрели в сторону ванной комнаты.

– Скорей всего, там.

Белов подошёл к двери и, включив свет, начал медленно её открывать. От волнения сердце его учащённо забилося.

Он уже представил себе окровавленное тело, лежащее в белой ванне... но ванна оказалась пустой.

– Никого, – выдохнул он с облегчением.

Только кое-где, как и в комнате, на белой эмалированной поверхности виднелись кровавые подтёки.

– И всё-таки, тело было здесь, – сказал Светиков, – а потом его расчленили и вынесли из квартиры.

Белову такая версия не понравилась. Смотреть на трупы, и тем более расчленённые, ему не хотелось.

– Чего ты раньше времени ужас наводишь, – упрекнул он водителя.

Из ванны полицейские прошли на кухню.

– Да разве это ужас, – отмахнулся Светиков. – Вот в прошлом году в соседнем районе в холодильнике голову нашли. Вот это был ужас.

Григорий одёрнул руку от холодильника.

– Что-то я такого не помню.

– Ты тогда в отпуске был, – напомнил Светиков и деловито понюхал стоящие на плите кастрюли. – Хорошо пахнет. Компотик! Вишнёвый. Мой любимый.

Иннокентий взял половник и, зачерпнув им из кастрюли, начал пить.

– Ты что делаешь? – воскликнул Белов.

– А что?

– А вдруг, он отравленный!

Светиков выплюнул в раковину недопитый компот и за-

кашлял.

– Я об этом и не подумал. Пить захотелось.

– Смотри, козлёночком станешь, – пошутил Белов.

Выйдя из кухни, он продолжил осматривать квартиру. И следующим предметом, который привлёк его внимание, оказалась лежащая на полу, кружка. Она как-то необычно блестяла, словно нарочно указывая на себя, и лейтенант осторожно поднял её с пола.

– Интересная кружка, – сказал Белов, – серебряная. Судя по виду, старинная.

Но тут он почувствовал, как в настенном зеркале отразилось что-то постороннее. Белов взглянул в него и вздрогнул от испуга. Из-за спины на него смотрел какой-то странный старик. Григорий тут же обернулся, но к своему удивлению никого не увидел. Тогда он снова посмотрел в зеркало. Но на этот раз и в зеркале никого уже не было.

– Что за чёрт! – выругался лейтенант.

– Что случилось? – спросил Светиков.

– Померещилось что-то. Показалось, что в той комнате кто-то есть.

Водитель ещё раз прошёл в соседнюю комнату и, осмотрев её, крикнул:

– Нет здесь никого.

– Странно, – растерянно произнёс Белов. – Неужели привиделось?

– От перенапряжения ещё не такое может привидеться, –

сказал Светиков. – Я вот, как-то выезжал на кражу, так мне там сумка с деньгами привиделась. Потянулся я к ней рукой, а она меня, как царапнет по пальцам и бежать. И ведь не пил в тот день. Как я мог кошку с сумкой перепутать до сих пор не пойму.

– Ладно, давай подытожим, – устало произнёс Белов. Сняв фуражку, он обтёр рукавом пот со лба. – Что мы имеем? Мы имеем открытую квартиру и окровавленный топор. Не хватает только... хозяина.

– И следователя с экспертом, – усмехнулся Светиков.

– Да, видимо придётся вызывать группу.

Григорий достал мобильный телефон и позвонил в дежурную часть.

– Булькин, это Белов. Снаряжай следственно-оперативную группу. Имеются признаки преступления... Ждём... А я пока займусь опросом соседей.

Знакомство в подвале

Валерий вышел из своей квартиры, спустился на первый этаж и... исчез. Больше его никто не видел. Только старый бомж, на которого он случайно наступил в тёмном сыром подвале. От испуга и боли бомж взвыл нечеловеческим голосом:

– Вау! Твою мать! Ну, прям на больной палец а-а!

Валерий тоже испугался и отскочил от потерпевшего, как ошпаренный.

– Ну, наступил бы на другой! – продолжал возмущаться бомж. – Так нет, именно на больной. Тьфу, на тебя!

Плевок до Валерия не долетел, но на всякий случай он закрыл лицо ноутбуком.

– Ты кто такой? – чуть успокоившись, спросил бомж.

– Я, Валера из четвёртого подъезда. А вы... кажется, я вас знаю... Дядя Толя, да?

– Для кого дядя Толя, а для кого Анатолий Петрович.

– Вы уж меня извините, что я вам на ногу наступил. Я не нарочно. Темновато тут у вас, – с сочувствием произнёс Валерий и, чтоб хоть как-то загладить свою вину, участливо предложил. – Хотите семечек?

Дядя Толя с изумлением посмотрел на своего обидчика.

– Хотел, когда зубы были, – съязвил он и с возмущением

воскликнул:

– А ты что, семечками решил от меня отделаться? Сделал человека инвалидом и на тебе семечек, да? Ну, ты и жлоб! А за лекарства мне тоже семечками предложишь расплачиваться?

– Ну, если надо, куплю я вам лекарства, не переживайте.

– Купит он, – передразнил Анатолий Петрович. – Да где ж я тебя потом найду? Давай деньги, я сам куплю.

– Нет у меня сейчас денег.

– Ну, вот и оголилась твоя сущность, – укоризненно произнёс дядя Толя. – Жадный ты. Только о себе думаешь. Сигаретка-то хоть есть?

– Сигаретка есть.

Валерий достал из кармана пачку сигарет и протянул её Анатолию Петровичу. Тот с удовольствием закурил и, заметно подбрав, спросил:

– А в подвал-то зачем залез?

– Вынужденно, – сказал Валерий. – Спрятаться мне надо было.

– От жены что ль?

– От судьбы.

– От судьбы не спрячешься.

– Ну, тогда хоть от полиции.

– Она как! – присвистнул Анатолий Петрович. – Мало того, что ты меня чуть не убил своим сорок пятым размером, так тебя ещё и полиция ищет. Небось, и не работаешь нигде?

– Можно подумать, вы здесь уработались, – огрызнулся Валерий.

– Ты только не хаами, – возмутился дядя Толя. – Я этого не люблю. Думаешь легко мне пустые бутылки по мусорным ящикам выискивать? Это тебе не грибы после дождя собирать. Здесь целая наука нужна. Понял?

– Понял. Умный вы очень.

– Опять хаамишь?

– Наоборот, восхищаюсь.

– Эх, дать бы тебе пинка хорошего, да суставы у меня сегодня разболелись.

– Успеете ещё. Я здесь, видимо, надолго.

Дядя Толя затянулся и оглядел повнимательней гостя.

– Уж и не знаю, радоваться мне этому или огорчаться. Так значит, говоришь, ищут тебя?

– Да. Наверно, уже в квартире обыск делают и по двору рыщут. Хорошо хоть подвал был открыт. Я сюда и нырнул.

– Это из ЖЭУ слесарь открыл. Повезло тебе. Ну и что ты теперь собираешься делать?

– Вещица у меня одна пропала. Открытка поздравительная. Точнее не пропала, а сожительница вчера вечером сдуру выбросила. Сказала, что в мусорный ящик. Я там с утра всё перерыл. Как сквозь землю провалилась.

Немного помолчав, Валерий хмуρο произнёс:

– В общем, найти мне её надо.

– А что, она у тебя золотая что ли? – полюбопытствовал

дядя Толя

– Нет, обыкновенная. Но на ней кое-что ценное для меня написано. Эта открытка для меня, как пропуск к прежней жизни.

Анатолий Петрович задумался. Затем спросил.

– Может плохо искал?

– Может и плохо. Торопился я.

– Тогда пойдём ещё раз посмотрим? Если она там, я найду. Я в этом деле специалист.

– Не могу я теперь выходить. Меня же полиция узнает или соседи увидят.

– Ну а если я тебе помогу, кроме спасибо мне будет что-нибудь?

– Будет, – пообещал Валерий. – В обиде не останетесь.

– Ладно, поверю, – смилостивился дядя Толя. – Помогу по доброте душевной.

– Но как?

– Очень просто. Мы тебя переоденем. Да так, что мать родная не узнает. А уж полиция тем более. Пойдём в мои закрома. Там у меня добра всякого целый гардероб.

Дядя Толя включил фонарик и шагнул в глубь подвала. Валерий осторожно пошёл за ним.

– Анатолий Петрович! – окликнул он своего проводника.

– Чего? – отозвался тот, нехотя.

– А на инвалида-то вы совсем не похожи. Я за вами еле поспеваю.

– А вот я сейчас брошу тебя здесь на съеденье крысам, – недовольно заворчал дядя Толя, – тогда сразу успеешь.

– Не надо. Я больше не буду, – примирительно произнёс Валерий.

Пройдя по закоулкам, они, вскоре, оказались в маленькой бетонной комнатке, в которой с трудом уместились столик, три табуретки и раскладушка. Хозяин закровом включил лампу и, опустившись на корточки, начал вытаскивать из-под раскладушки кучу всякого хлама. В том числе и поношенную одежду. Откинув в сторону наиболее чистую, Анатолий Петрович, наконец, выбрал самую рваную и грязную.

– Вот, то, что надо! – с удовлетворением произнёс он и приложил к Валерию грязный рваный пиджак. – Как по тебе сшит.

– Да вы что! – возмутился Валерий. – Меня от него стошнит.

– Не стошнит, – успокоил дядя Толя. – Человек ко всему привыкает. И ты привыкнешь.

Валерий с отвращением натянул на себя чужой пиджак.

– Ну, вот и хорошо. А вот тебе и штанишки модные.

– Ёлки-палки! – выругался Валерий. – Да здесь же на сзади дырка!

– Это пустяки. Мы её сейчас скотчем заклеим, и будут, как новенькие.

– Ничего себе, новенькие! А запах? Как будто десять лет не стиранные.

– Между прочим, это для нас плюс. Запах отпугнёт любопытных, – деловито заметил дядя Толя и, вдруг, взмахнув руками от досады, воскликнул:

– Ой, а ботиночек-то на тебя у меня нет! Придётся тебе в своих идти.

– Ну, хоть это хорошо, – с облегчением выдохнул Валерий.

Переодевшись, молодой человек с ужасом посмотрел на себя в зеркало.

– Не расстраивайся, – сказал Анатолий Петрович. – Портрет у тебя классный! Натуральный такой огрызок общества. Теперь ты вполне естественно сольёшься с нашей мусорной средой, и на тебя никто внимания не обратит. Ну, пойдём на выход. Прогуляемся быстренько до ящиков и обратно.

Через несколько минут они вышли из подъезда. И только теперь Анатолий Петрович заметил в руке у Валерия ноутбук.

– Ты зачем компьютер взял? – зашипел он. – Провалишь всю операцию.

– Я без него не могу, – начал оправдываться Валерий. – Я даже в туалет с ним хожу.

– Вот блин, бомж с ноутбуком! – выругался Анатолий Петрович. – Спрячь его в пакет.

Валерий положил ноутбук в пакет.

Через несколько шагов они попали в поле видимости полицейской машины. У Валерия учащённо забилося сердце.

Для более тщательной маскировки он решил ещё скорчить гримасу на лице. Обернувшийся Анатолий Петрович изумился:

– Ну и рожа у тебя! Как будто сникерс проглотил! В темноте ты гораздо лучше выглядишь.

– Я чувствую себя ходячей кучей мусора, – пожаловался Валерий. – Но я рад, что меня никто не узнаёт.

Не узнала его и бездомная собака, живущая в их дворе. Более того, Валерий в своём новом наряде вызвал у неё такое чувство негодования, что она облаяла его всеми известными ей собачьими ругательствами и, вдобавок, чуть было не укусила. Валерий попытался отогнать её ногой, но неожиданно почувствовал подозрительный треск чуть ниже спины.

– У меня, кажется, скотч отклеился, – дрогнувшим голосом произнёс он.

– Ну и что? – спокойноотреагировал дядя Толя. – Кому здесь нужна твоя задница?

– Это всё из-за этой шавки! – рассердился Валерий. – Я её сейчас убью!

– Да не обращай ты на неё внимание, – попытался успокоить новоиспечённого бомжа дядя Толя. – Ты ей просто не понравился.

Последнее слово Анатолий Петрович договорил, чуть медленнее. Открывшиеся их взору мусорные ящики только что выгрузили в грузовую машину, и всё это добро тут же уехало в неизвестном направлении.

– Вау! – мрачно произнёс Анатолий Петрович. – Похоже, не видать тебе своей открытки, как мне торжественных похорон. Осталось только помахать ей ручкой на прощанье. Странно. Обычно в это время мусор не забирают.

– Ничего странного, – обречённо произнёс Валерий. – Просто мне сейчас катастрофически не везёт.

Неожиданно их окликнул сосед из второго подъезда.

– Петрович, – крикнул он, – как жизнь?

– Лучше всех! – крикнул ему в ответ дядя Толя и ради приличия поинтересовался:

– А у тебя?

– А у меня плохо. Денег нет.

– Так иди, заработай! – посоветовал Анатолий Петрович.

Сосед удивился.

– Что я лошадь что ли? – крикнул он обиженно.

– Ну, тогда приятного тебе отдыха, – пожелал соседу дядя Толя и, посмотрев на Валерия, сказал. – Ладно, антракт. Пора за кулисы.

Убили, конечно, мужика

– Убили, конечно, мужика, – с сочувствием сказал спортивный мужчина в форме штангиста из квартиры номер 46, – но, как говорится, тела нет и дела нет.

– А вы сами-то видели что-нибудь или может, слышали? – спросил Белов, понимая, что зашёл не вовремя.

– Кое-что слышал. Вчера там весь вечер ругались, – ответил спортсмен и, схватившись за штангу, с криком толкнул её вверх. Затем, пытаясь удержать вес, закачался по квартире из стороны в сторону с искажённым от нечеловеческого напряжения, лицом.

– Неужели упадёт? – забеспокоился Белов и на всякий случай решил его подстраховать.

Но спортсмен всё же устоял и без происшествий опустил штангу на пол. Вот только разогнуться сразу не смог, а так и остался стоять в согнувшемся положении и с вытаращенными глазами.

– А с кем Зябликов ругался? – спросил Белов, наклонившись поближе к собеседнику.

– С сожительницей своей, – обессиленным голосом произнёс спортсмен, – с Тamarой.

– И о чём они ругались?

Штангист выпрямился.

– Да так, ничего особенного. Она ему кричала, что хочет мяса, а он ей про то, что денег нет. Тогда она ему сказала: «застрелю, сволочь!» Хотя нет... Про сволочь это я уже от себя добавил.

– А он чего?

– А он уже ничего... Потом хлопнула дверь... и тишина.

– То есть, Тамара ушла.

– Думаю, да.

– И с тех пор вы больше ничего не слышали и никого не видели?

– Нет.

– Ну, а Тамару-то эту где можно найти?

– Понятия не имею. Я только знаю, что её зовут Тамара и всё. Зябликов её так называл.

– Скажите, а на вашем этаже и вообще в подъезде есть у кого-нибудь видеоглазок, который мог бы хоть что-нибудь зафиксировать?

– Видеокамер в нашем подъезде нет. Это точно.

– Жаль. Ну что ж, спасибо и за это.

– Пожалуйста.

Белов распрощался со штангистом и начал обзванивать других соседей. Дверь ему открыл пожилой худощавый старичок лет семидесяти из сорок восьмой квартиры.

– Заходите, заходите, – шёпотом произнёс старичок. – Меня зовут Василий Иванович. Как Чапаева. Скажу вам откровенно, уважаемый уполномоченный, кроме меня вам здесь

никто ничего не расскажет. Народец нынче пошёл такой, что если на улице днём будет гореть лампочка, никто не выключит. Вот так-то. А вы, извиняюсь, партийный?

– Скорее сочувствующий.

– Кому, если не секрет?

– Тому, чей паровоз вперёд летит.

– Ах, молодой человек, вы ещё верите в светлое будущее?

А я ведь тоже когда-то верил. А теперь переписался в единоросы. Хожу на демонстрации с плакатом: «Да здравствует интернационализм!» Кричу ура. Какой никакой, а всё-таки приработок к пенсии.

– Приятно встретить равнодушного человека. А скажите, вы соседа из квартиры напротив хорошо знаете?

– Видите ли, соседа этого я вообще не знаю, и знать не желаю. Аполитичная личность. На уме только деньги. Дамочка какая-то с ним ошивается. Кстати, вчера вечером она вынесла из квартиры большой чёрный мешок и больше не вернулась. А что было в этом мешке неизвестно. Может сосед расчленённый. А может и того хуже... листовки антиправительственные. Я бы таких гнал из страны. А он сам исчез. Так чего же нам об этом печалиться? Как говорится, чтобы не делалось, всё к лучшему.

– А что за мешок-то был? Как он выглядел?

– Обыкновенный мешок. Чёрный такой. Для мусора. Так что ищите вы лучше этого соседа в мусорном ящике.

– Хорошо, поищем. А сегодня вы что-нибудь подозре-

тельное видели? Может, какие-то посторонние люди приходили?

– Может и приходили, но я сегодня из квартиры ещё не выходил. Сердце разболелось. Засиделся вчера допоздна в интернете, троллей в комментариях мочил. Одним словом, перенервничал.

– А про дамочку, которая ошивалась с вашим соседом, вы можете что-нибудь сказать? Как её зовут и где она проживает?

– Скажу вам откровенно, товарищ уполномоченный, я дамочками с некоторых пор уже не интересуюсь. Могу только анекдот про них рассказать. Хотите?

– Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз, – сказал Белов на прощанье.

– Тогда, желаю удачи, – с некоторой долей иронии произнёс Василий Иванович.

– И вам не болеть, – пожелал в ответ Белов.

Покинув квартиру Василия Ивановича, лейтенант с удовлетворением подумал о том, что у него уже появилась версия. Убийство на бытовой почве. Вчера вечером потерпевший поругался с сожительницей, и она угрожала его застрелить. Потом сама вышла из квартиры с мешком, а Зябликова с тех пор уже никто не видел. Для начала неплохо. Спустившись на второй и далее на первый этаж, оперуполномоченный продолжил обзванивать жильцов. Но дверь ему открыли только в тридцать седьмой квартире.

– А знаете, – сказала женщина, представившись Еленой Сергеевной, – этот пропавший Зябликов мне совсем не нравится. Не умеет он разбираться в людях, поэтому до сих пор и не женат. Его как магнитом тянет к легкомысленным женщинам, а хороших он не замечает. Позавчера, например, мы встретились у подъезда, так он со мной даже не поздоровался. Представляете!

– Вы сказали, что его тянет к легкомысленным женщинам. Кого вы имеете в виду?

– Да хотя бы его сожительницу, Тамару.

– Вы её знаете?

– Конечно. Она живёт в соседнем доме в двадцать шестой квартире. Не работает. Курит. Чем занимается – неизвестно. Говорят, стихи пишет. Но разве это профессия? Ведь за стихи картошки не купишь. Не знаю, как с такой можно сожительствовать. Послушайте, а может это она его убила?

– Об убийстве пока говорить преждевременно.

– Да, я понимаю. Загадочная история. Думаю, вам будет очень тяжело докопаться до истины. Но я бы на вашем месте всё-таки обыскала квартиру этой сожительницы. А вдруг, наш бедный Зябликов всё ещё лежит у этой ведьмы на кухне в кастрюле, а она из него суп варит?

Елена Сергеевна всхлипнула и начала вытирать платочком повлажневшие глаза.

– Ну что вы, Елена Сергеевна, – с сочувствием произнёс Белов, – успокойтесь. Пока нет причин для таких пессими-

стических предположений.

– Пока... – снова всхлипнула Елена Сергеевна. – Звучит не утешительно. Я на улицу уже боюсь выходить. А один раз стон человеческий ночью меня разбудил. Я так испугалась!

– Какой стон?

– Нецензурный. Мне даже неловко это повторять. Кто-то снизу простонал: «Ну, сколько можно с... ливать воду».

– Вы говорите снизу? Так это из подвала что ли?

– Ну да. Я же на первом этаже живу.

– Интересный факт.

– Очень интересный.

– А подвал у вас открыт?

– В том то и дело, что закрыт. А ключи от замка находятся в ЖЭУ.

– Хорошо, проверим.

Лейтенант поблагодарил Елену Сергеевну и спустился к подвалу. Убедившись в том, что дверь в подвал закрыта на замок, он вышел во двор и направился к мусорным ящикам, чтобы проверить предположение о расчленённом трупе. Всего ящиков было три, и все они были полностью наполнены мусором. Превозмогая брезгливость, Белов запустил руку в один из них и начал вытряхивать содержимое мусорных пакетов. Из пакетов посыпались коробочки, грязные тряпки, пустые бутылки. И вдруг из одного пакета выпало сразу несколько книг, среди которых Григорий увидел раритетное издание любимого им Маяковского.

«Ого!» – обрадовался он неожиданной находке и, обтерев с книги пыль, быстро засунул её в свою сумку.

Покопавшись в мусоре ещё немного, Григорий нашёл ещё одну ценную книгу.

«Да тут настоящая библиотека!» – с благоговением произнёс он и снова принялся разгребать старое бельё и прочую рухлядь, надеясь отыскать ещё что-нибудь интересное. И так это его увлекло, что он даже не заметил, как к соседнему ящику подошёл бомж, который тоже начал что-то искать. Только делал он это более технологическим способом, не руками, а палочкой. И лишь когда в его сумке загремели пустые бутылки, Белов увидел, в какой компании он оказался. Немного смутившись, Григорий с сожалением вынул руки из ящика и, отряхнув от грязи ладошки, пошёл к соседнему дому.

Дно житейское

Анатолий Петрович и Валерий засиделись за пивом в бетонной комнатке.

– Теперь твою открытку только на городской свалке можно найти, – сказал дядя Толя. – Но это всё равно, что иголку в стог сена искать. Да и не пустят нас туда.

Переодевшись в свою одежду после дневной вылазки, Валерий молча смотрел в ноутбук.

– Я уже привык к плохим новостям, – ответил он хмуро. – Не везёт мне.

– Мне тоже, – пожаловался Анатолий Петрович. – Вот сидит внутри меня какая-то дрянь и делает гадости. Позавчера, например, полицейский ко мне прицепился, вчера целая сумка бутылок разбилась, а сегодня ты на мою голову свалился. А завтра, наверняка, ещё какая-нибудь беда приключится. И так всю жизнь.

– У меня не так, – отвлекшись на минутку от компьютера, сказал Валерий. – Мне всю жизнь везло. И только месяц назад, вдруг, как отрезало.

– А может тебя кто-нибудь сглазил?

– Может быть. Но я в это не верю.

– Напрасно. В прошлом году к нам одна бывшая экстрасенша прибилась, но не прижилась. Так она нам в отместку

за это ящики наши заговорила. Да так, что, как не заглянешь туда – ни одной бутылки. Я тогда чуть с голоду не умер. Пришлось знакомую колдунью из соседнего двора на помощь вызывать. Она по патенту работает. За пять тысяч помогла. Расколдовала. Хочешь, отведу тебя к ней?

– Нет, не хочу. Да и пяти тысяч у меня сейчас нет.

– Тогда ещё можно к дружку моему обратиться, пану Пши-кин-скому, – по слогам старательно произнёс дядя Толля. – Может у него есть выход на свалку. Он там иногда бутылки моет.

– А этот твой дружок, поляк что ли? – с удивлением спросил Валерий.

– Говорит, что да.

– А что он у нас делает? Неужели в Польше своих пустых бутылок мало?

– Может и мало. Но меня это, честно говоря, не интересует. Я даже не знаю, где эта Польша находится; то ли в Африке, то ли в Америке.

Анатолий Петрович достал из кармана мобильник и набрал номер.

– Пан Пши... Пши...пан... твою мать... Збигнев, извини, не могу я твою фамилию выговорить. У меня для таких звуков зубов не хватает. Привет... Ты где сейчас? Бутылки идёшь сдавать?.. Молодец!.. Ты не забыл, что сегодня праздник?.. Жду тебя в гости вместе с твоей Елизаветой... Ну, пока!

– А какой сегодня праздник? – любопытствовал Валерий.

– Догадайся?

Валерий быстро заглянул в интернет.

– День бездомных животных? – предположил он.

– Нет.

– День археолога?

– Опять не угадал.

– Ну, тогда Вознесение Девы Марии?

– Нет, дружище, сегодня день моего рождения. Пятьдесят девять лет назад я родился... А зачем? Одному богу известно.

– Анатолий Петрович, – радостно воскликнул Валерий, – я вас поздравляю! Желаю вам всего самого хорошего, крепкого здоровья, личного счастья и материального благополучия!

– Спасибо, – поблагодарил именинник. – Жаль только не сбудутся твои пожелания. Но гости и весёлое застолье будет. Это я тебе обещаю.

– Никогда ещё не праздновал в подвале.

– Теперь будешь знать, что и в подвалах существует жизнь, – усмехнулся дядя Толя

– Анатолий Петрович, а ты как здесь оказался? – спросил Валерий.

– Всё просто. Сначала потерял близких мне людей, а потом и смысл в жизни. А когда человек теряет смысл в жизни,

то жизнь сама его отвергает. Кого-то на помойку, как меня, а кого-то сразу на кладбище.

В этот момент на столе красным огоньком замигала лампочка. Дядя Толя насторожился.

– Что случилось? – с недоумением спросил Валерий.

– Кто-то вошёл в подвал, – шёпотом произнёс дядя Толя. –

Это подозрительно.

– А откуда вы знаете?

– Я бомж продвинутый. У меня на каждой двери датчик стоит. Кстати, ты мобильник свой отключил?

– Да, ещё утром.

Анатолий Петрович выключил лампу и выглянул из бетонной комнатки. Со стороны четвёртого подъезда к ним кто-то шёл. И вскоре на слабо освещённой стене отразилась тень человека с пистолетом в руке.

Поэзия или деньги

Белов шёл к подъезду Тамары. У самого подъезда он увидел красную машину, из-под которой вытянулись две жутко волосатые ноги в зелёных шортах. Рядом с ногами лежали гаечные ключи, гайки, отвёртки и молоток. Переступив через ноги, Григорий достал телефон и позвонил водителю: «Иннокентий, я сейчас собираюсь зайти в гости к сожительнице Зябликова, которая выходила из его квартиры с мешком. Так вот, если я через полчаса не вернусь, значит ищите меня тоже в мешке... Ясно?.. Ну, пока!»

Дверь сыщику открыла женщина с бледным лицом и пронзительным взглядом. Григорий поздоровался.

– Я оперуполномоченный из полиции, лейтенант Белов. А вы, если я не ошибаюсь, Тамара?

– Да, Любимова Тамара Сергеевна, – прищурился хитро глаза, произнесла хозяйка, – А в чём дело?

– Я бы хотел бы с вами поговорить о Зябликове.

– О Зябликове? Ну что ж, проходите.

Белов вошёл в прихожую.

Тамара с любопытством посмотрела на оперуполномочен-

ного.

– Простите, я забыла... Какое у вас звание?

– Лейтенант.

– Лейтенант! Красивое слово, – романтично произнесла хозяйка и, тут же, срифмовала:

*«Лейтенант, лейтенант
Ищет древний фолиант».*

– Это экспромт. Хорошо получилось, правда?

– Не очень, – смущённо буркнул Белов, с тревогой подумав, а не видела ли эта Тамара его у мусорных ящиков.

– Вам не понравилось?

– Я не люблю самодеятельности.

– А я, между прочим, профессиональная поэтесса, – сказала Тамара, – и если вы не признаете мой экспромт, то я про вас сочиню что-нибудь смешное.

– Тогда признаю, – поторопился поправиться Белов.

– Ну, тогда проходите в комнату, – усмехнувшись, произнесла Тамара, – а я пока суп помешаю.

Хозяйка заторопилась на кухню, а Григорий прошёл в комнату. Внимание оперуполномоченного сразу же привлекли, развешанные на стенах, плакаты из фильмов ужасов, а с кухни ненавязчиво доносился запах варёного мяса.

Когда Тамара вошла в комнату, Григорий вздрогнул. В руке у неё поблескивал кухонный нож.

– Хороший суп получился; – сказала Тамара, – мясной, наваристый. Я обожаю мясо.

– А я вегетарианец, – поторопился ответить Белов.

В его голове мелькнула мрачная мысль: «А вдруг она предложит мне тарелочку, а там... Зябликов».

Между тем, Тамара всё ещё сжимала в руке нож.

«Как бы мне самому в тарелке не оказаться», – забеспокоился оперуполномоченный и, отступив на шаг, как бы, между прочим, поинтересовался:

– А вы увлекаетесь фильмами ужасов?

– Да, я люблю иногда пощекотать нервы.

Тамара положила нож на стол и ласково произнесла.

– Ну что же вы стоите? Садитесь на диван.

Григорий сел на мягкий скрипучий диван. Тамара разместилась рядом и с лёгким оттенком печали произнесла:

*«Скажи мне ласковое слово,
И грусть шальную прогони,
В стенах пристанища земного
Меня любимой назови...»*

– Извините, я не понял? – с недоумением отреагировал Григорий.

– Это из моего нового стихотворения, – пояснила Тамара.

– А-а, понятно. Замечательные строки.

– Вам понравилось?

– Да. Очень! – похвалил хозяйку Белов, надеясь таким образом заслужить её доверие. – Если можно перепишите мне этот стих на листок. Я его сохраню на память.

Тамара взяла со стола клочок бумаги, и быстро написала на нём только что рождённое четверостишье. А внизу добавила: «Первому слушателю, лейтенанту Белову от Любимовой Тамары».

– Вот, – протянула она листок Григорию.

– Большое вам спасибо, – поблагодарил Белов, аккуратно пряча подарок в карман. – Дома я положу этот листок на самом видном месте.

– Мне это очень приятно, – сказала Тамара и, пододвинувшись, тихим голосом произнесла. – Если хотите познакомиться с моим творчеством поближе, вы можете сделать это... в интернете.

– Это первое, что я сделаю, когда приду домой, – пообещал Белов. – Но прошу меня извинить, ведь я пришёл к вам по делу. Мне нужно кое-что спросить о Зябликове?

– Ах, о Зябликове. Интересно и по какой же причине он вас интересует? Он что-нибудь натворил?

– Этого я не знаю. Его нет дома.

– И вы считаете это преступлением?

– Нет. Просто кто-то сообщил по телефону в полицию, что его квартира открыта, а сам он исчез. Вот мы и приехали проверить.

– И что?

– К сожалению, информация подтвердилась. Квартира действительно открыта, и Зябликова в ней нет.

– Ну, может он куда-нибудь ушёл, а квартиру забыл закрыть?

– Может быть. Но в квартире мы нашли окровавленный топор.

– Боже мой! Вы меня ошарашили! Вы намекаете, что его убили?

– Осмотр места происшествия даёт нам основание так предполагать.

– Какой ужас!

– Скажите, ему угрожал кто-нибудь? – спросил Белов.

– Нет. Я ничего подобного не слышала, – растерянно произнесла Тамара.

– А вы?

– Что, я?

– Вчера вечером разве не вы грозились его застрелить? Сосед слышал, как вы кричали: «Застрелю».

– Что за чушь! Этот сосед из-за своих гирь и штанг уже давно оглох на оба уха. Да, вчера мы серьёзно поссорились. Но я не кричала ему: «застрелю». Я всего лишь сказала: «Валерий, от тебя уходит женщина и если ты мужчина, то возьми пистолет и застрелись!»

– У него есть пистолет? – заинтересовался Белов.

– Нет, это я образно выразилась. Но он даже не шелохнулся. Тогда я сказала ему на прощанье: «Зябликов, я не смогла

освободить тебя от суеты, так на прощанье освобожу хоть от мусора!»»

– В каком смысле?

– В прямом. Я взяла мусорный пакет и ушла.

– А мусор потом выбросили в мусорный ящик?

– Да.

– А как, и когда вы познакомились с Зябликовым?

– С Валерой я познакомилась около двух месяцев назад.

Мы нашли друг друга на необитаемом острове.

– На каком?

– Ну, это я образно говорю. Я имею в виду, на почве одиночества.

– А-а, понял.

– Сначала наши отношения были романтическими. Но потом мы постепенно разочаровались друг в друге. Я хотела насытить его жизнь поэзией, а он предпочитал прозу.

– Он любил прозу?

– Любил он много чего. Но только не поэзию.

– И из-за этого вы вчера поссорились?

– Не только. Зябликов в последние несколько дней был очень нервным и срывал на мне всё своё плохое настроение. Так произошло и вчера. И вообще, в его квартире царил какая-то тяжёлая искусственная атмосфера. У меня там постоянно болела голова, и совершенно не посещало вдохновение. Но я терпела, так как надеялась ему помочь. Однако моему терпению пришёл конец. И я ушла.

– И всё же, Тамара Сергеевна, именно после вашего ухода, Зябликов исчез.

– И всё же, именно после моего ухода, – передразнила оперуполномоченного Тамара, – Зябликов не исчез, а благополучно проспал до сегодняшнего дня. А сегодня утром около 6 часов он мне позвонил.

Тамара взяла свой мобильный телефон и показала Григорию номер телефона Зябликова в списке принятых звонков.

– Интересный факт, – обескуражено произнёс Белов. И что же он вам сообщил?

– Ничего интересного. Он сказал, что я дура.

– А поконкретней?

– Пожалуйста. Он мне позвонил и спросил, не убиралась ли я вчера вечером на его столе? Я сказала, что убиралась. Тогда он спросил, а не брала ли я с его стола старую поздравительную открытку? Я сказала, что брала. Тогда он спросил, а где она теперь? Я ответила, что в мусорном ящике. Если б вы только слышали его реакцию. Он закричал: «Ты что, выбросила мою открытку в мусорный ящик?» Я сказала: «Да, выбросила». Ну, сами посудите, зачем в доме хранить старую не подписанную поздравительную открытку?

– А он что?

– А он назвал меня... Впрочем, я об этом уже говорила.

– Да, печальная история, – посочувствовал Белов.

– Печальная, – взволнованно воскликнула Тамара. – А теперь ещё это. Зябликов пропал, а меня, как я понимаю, за-

писали в убийцы.

– Ну что вы, Тамара Сергеевна, никто вас в убийцы не записывал. Идёт обычный процесс выяснения истины.

– Надеюсь, что истины.

– Извините, но у меня к вам есть ещё один вопрос.

– Чего уж там, спрашивайте.

– Скажите, а чем Зябликов зарабатывал себе на жизнь?

– Он работал бухгалтером на каком-то консервном заводе. К сожалению, я не помню его точного названия, и где он находится. Но вы можете узнать об этом у его двоюродного брата Кирилла. Это единственный родственник Зябликова, который проживает в нашем городе. Кстати, с ним Валерий был гораздо откровеннее, чем со мной.

– А вот это интересно. Как, вы говорите, его зовут?

– Зотов Кирилл Макарович. Проживает он в общежитии на улице Лесной, дом 54.

Белов записал данные брата к себе в блокнот.

– Тамара Сергеевна, вы просто кладезь знаний, – обрадовано произнёс он. – Я вам очень благодарен.

– Что-то не похоже, – с укоризной усмехнулась Тамара

На несколько секунд она задумалась.

– А знаете, в квартире Зябликова происходили какие-то странные явления.

Григорий насторожился.

– Какие явления?

– Странные. Я бы даже сказала, мистические. Если вам

это интересно, могу рассказать.

– Да, конечно, мне очень интересно.

– Но вы не сочтёте меня, выжившей из ума?

– Ну что вы!

– Ладно, тогда слушайте. Однажды, ночью мне захотелось попить воды. Я встала с кровати и пошла на кухню. Вдруг, проходя мимо зеркала в прихожей, я увидела в нём какого-то старика. Представляете! Ночью! Я почти голая, а он на меня смотрит. У меня чуть сердце от страха не остановилось...

– И что было потом?

– Потом я забежала в туалет и оттуда позвала Валерия. Он пришёл, естественно недовольный, оттого, что я его разбудила. Посмотрел спросонья, никого не увидел и пошёл обратно спать. Но я клянусь, я не могла ошибиться!

– Не волнуйтесь. Я вам верю...

Григорий вспомнил и о своей встрече с этим загадочным отражением, поэтому признание Тамары его не удивило.

– А какие ещё вы заметили странности? – спросил он.

– Ещё?

Тамара на мгновенье задумалась.

– Несколько раз я слышала какие-то стуки, – сказала она чуть ли не шёпотом. – Они раздавались совсем рядом. Но кто это стучал, я так и не поняла.

– А Зябликов? Что он по этому поводу говорил?

– Зябликов ничего не слышал и не видел. А мои подозрения он всегда переводил в шутку. Дескать, пить надо меньше.

ше, тогда и казаться ничего не будет.

– А вы злоупотребляете?

– Ах, лейтенант, я же сказала, что в шутку.

– Ой, извините, я недопонял.

– Послушайте, а что если Зябликова убил этот самый при-
зрак, – предположила Тамара. – Нечто подобное я видела в
одном американском фильме.

Белов усмехнулся.

– Тамара Сергеевна, ну это уже слишком.

– Разберёмся.

Белов поднялся с дивана.

– Вы уже уходите? – невесело спросила Тамара.

– Да. Служба, – развёл руками Белов, – Спасибо вам, и за
гостеприимство и за...

– Тихо! – вдруг, прошептала Тамара, приложив палец ко
рту, и прислушалась к чему-то.

– Что? – насторожился Григорий.

– Вы слышите?

– Нет, ничего не слышу.

– А я слышу, – сказала Тамара и с выражением произнес-
ла:

*«Нет, не случайно мы встретились с тобой,
День нашей встречи, каждый его миг
Был предрешён заранее судьбой,
И как бы не был этот мир велик,*

Мы не могли не встретиться с тобой!»

– Гениально! – воскликнул Белов. – Неужели тоже экспромт?

– Нет, – спокойно произнесла Тамара. – Это даже не моё стихотворение. Но оно мне нравится.

– И мне тоже, – сказал Белов. – Впечатляет.

На мгновение они замолчали, объединённые одним общим романтическим настроением, но затем время разлучило их навсегда.

У подъезда Григория ждал Светиков.

– Живой? – спросил водитель с усмешкой.

– Как видишь. Но след оказался ложным. Единственное утешение – появился новый свидетель, двоюродный брат Зябликова. Он живёт здесь недалеко. Надо бы с ним побеседовать.

– Ну, раз надо, тогда поехали, – сказал Светиков.

Полицейские направились к машине. По дороге они поздоровались с какой-то бабушкой, погладили бездомную собаку и ещё раз переступили через волосатые ноги, торчащие из-под красной машины. Белов остановился и, оглянувшись, сказал.

– Какая хорошая примета у этого типа.

– Жаль, только сезонная, – хихикнул Светиков.

Пан Пшикинский

Пан Пшикинский жил по соседству с Анатолием Петрови-чем. На вопрос, как ты оказался в России и зачем, пан Пши-кинский отвечал коротко: «Прибыл по обмену опытом». Че-ловеком он был уже не молодым, поэтому за длинным руб-лём не гнался, но и копейки лишней не упускал. Одевался так, чтобы не замёрзнуть, и в то же время вызвать у прохо-жих желание поделиться. Делились не все, но на жизнь хватало. Отличительной фишкой у пана Пшикинского были его фирменные ботинки. Они были новые, но разного цвета; ле-вый – чёрного, а правый – коричневого. Из-за этого, соб-ственно, их и выбросили на помойку из обувного магазина. Но пана Пшикинского это не смущало.

С Анатолием Петрови-чем у Збигнева были дружеские от-ношения. Они частенько ходили друг к другу в гости, бесе-довали о проблемах в своём мусорном деле, ну и вообще о жизни. А сегодня, пан Пшикинский шёл вместе со своей по-другой Лизой к Анатолию Петровичу на день рождения.

– Дела остались позади, а впереди веселье, – изрёк Збигнев, стоя посреди двора.

– А шампанское? – воскликнула Лиза. – Мы забыли ку-пить шампанское!

– Значит стареем. Но магазин рядом. Пойдём?

– Чего вдвоём ботинки изнашивать, – резонно заметила Лиза. – Я одна схожу, а ты меня здесь подожди.

Збигнев возражать не стал и, оставшись в одиночестве, что-то замурлыкал себе под нос. Однако, вскоре его внимание привлекла красная машина, в которой сидели двое мужчин. По виду машина показалась пану Пшикинскому дорогой. «А раз так, – подумал он, – значит водителю есть чем поделиться».

Притворившись хромым, он подошёл к машине и постучал в окошко со стороны пассажира. Стекло плавно опустилось. Збигнев наклонился к окну и жалобно произнёс:

– Дяденьки панове, я отстал от поезда. Дайте рублик на билетик? Не долго думая, дяденька из салона сказал:

– А мы сейчас пана бесплатно доведём.

И вытянув из окна здоровенную руку, дяденька, вдруг ухватил пана Пшикинського за нос. Водитель тут же завёл автомобиль и нажал на газ. На медленной скорости машина покатила по двору, увлекая за собой отставшего от поезда безбилетника. Поездка сопровождалась диким смехом из салона и недовольным мычанием со стороны бегущего.

Проехав метров сто, машина, наконец, остановилась и здоровенная рука из салона, стряхнув с себя соплю, снова скрылась за тёмным стеклом. Потирая нос, Пшикинский угрожающе помахал кулаком своим обидчикам и, уже по-настоящему хромя, пошёл на исходную позицию. Там его уже поджидала Елизавета.

– Ты куда подевался? – обеспокоенно спросила она.

– Да вот решил размяться, пробежал немножко, – всё ещё тяжело дыша, пробурчал Збигнев. – Для здоровья полезно.

– С ума сошёл! – возмутилась Лиза. – На работе не набегался?

Пшикинский ответил очередной великой фразой.

– Время бежит и я вместе ним.

Мой брат был самых честных правил

Двоюродный брат Зябликова, Зотов Кирилл Макарович жил в общежитии в небольшой комнатке. Дверь на общем этаже Белову открыл слеповато-глуховатый дедушка с палочкой, который так и не расслышал что оперуполномоченному надо. При этом дедушка прикладывал к уху ладонь, надеясь таким образом поймать звуковую волну, но безрезультатно. В конце концов, Белову надоело разговаривать с глухим жильцом и он, махнув на него рукой, обратился к женщине, которая, сняв тапочки, стояла на табуретке и переписывала показания электрического счётчика. Женщина была довольно-таки полненькой и табуретка под ней натужно поскрипывала.

– Скажите, пожалуйста, – спросил у неё Белов, – в какой комнате проживает Зотов Кирилл Макарович?

– В третьей, – сказала женщина и указала рукой в другой конец длинного коридора.

Белов поблагодарил женщину за информацию, но отойти от неё не успел, так как проходивший мимо слеповато-глуховатый дедушка случайно пнул ногой по ножке табуретки и женщина, заохав, повалилась на оперуполномоченного.

Ухватив толстушку сзади обеими руками, Белов с невероятным напряжением попытался плавно опустить её на пол.

Но она закричала: «Только не сюда! Я босиком, а тут пол сто лет не мытый! Несите в комнату!» К счастью для Белова её жилище оказалось рядом. Из последних сил он внёс женщину в комнату и поставил её на палас. Сам же при этом почувствовал в спине боль.

– Бедненький, – забеспокоилась женщина, обмахивая его тетрадкой, – надорвался.

На шум сбежались остальные жильцы.

– Это Светка во всё виновата! Её очередь полы мыть, а она не моет! – воскликнула, оправдываясь, толстушка. – Даже оперуполномоченный возмутился этим безобразием и вынужден был нести меня на руках через это болото.

– Не ври, я вчера мыла! – возразила другая женщина.

– Ты не моешь, а только грязь размазываешь! – вступила в спор третья. – Надо с порошком мыть, а ты одной холодной водой!

– А ты видела?

– Видела!

– И я видела! Она вчера весь день телевизор смотрела!

Далее спор между женщинами становился всё громче, а цензурных фраз всё меньше. Белов понял, что он здесь лишний и незаметно для остальных вышел в коридор, где уже без приключений добрался до комнаты Зотова.

Кирилл Макарович в комнате был один. Одет он был в тренировочные штаны и в футболку с грозной надписью «Мужик всегда прав». С измождённым и вспотевшим лицом

правдолюб старательно выметал веником мусор из-под стола. Услышав, кто и зачем к нему пришёл, Зотов прекратил уборку и с горечью произнёс.

– Убили, сволочи.

– Кто? – спросил Белов, затаив дыхание.

– Деньги, – многозначительно изрёк Кирилл Макарович. –

От них все беды и несчастья. И с себя вину я тоже не снимаю.

– А в чём вы себя обвиняете? – полюбопытствовал Белов.

– Я не обвиняю, – дрогнувшим голосом произнёс Зотов. –

Я виню. Виню себя в том, что не смог убедить своего единственного братишку устроиться на нормальную работу. Я

сам всю жизнь работал не покладая рук, то токарем, то слесарем. И живу, как видите, спокойно и никуда не исчезаю.

А он...

В этот момент за стенкой громко заиграло что-то ритмическое с низкими басами. Кирилл Макарович застучал кулаком по стене и возмущённо закричал: «Эй, сделайте потише!»

За стенкой притихли.

– Весь мир погряз в грехах, – злобно процедил сквозь зубы Зотов. – Кругом воруют, обманывают, берут взятки. К сожалению, и мой братец попал в это стойло. Я ему много раз говорил: «Валерий, давай я тебя устрою сантехником». А он мне говорит: «Я не для того одиннадцать лет в школе учился, чтобы в дерьме ковыряться». И устроился бухгалтером. А надо мной ещё и подсмеиваться стал. Дескать, я всю жизнь

проработал, а кроме болезней ничего не заработал. А он, видите ли, считая чужие деньги, скоро займет много своих.

– Ну и как? Заимел?

– Не знаю. Я чужие деньги не считаю, но он не раз мне хвалился, что теперь у него денег столько, что куры не клюют. Даже квартиру себе купил.

– А где ваш брат работает?

– На консервном заводе на улице Гагарина. Но сегодня суббота и у них выходной. Да и завтра тоже.

– Скажите, а вашему брату кто-нибудь угрожал?

– Валерий мне об этом ничего не говорил.

– А вы с кем здесь проживаете?

– Ни с кем.

– Но вы ведь женаты?

– Был, да развёлся.

– Почему, если не секрет.

– Не люблю, когда бабы в мои мужские дела свой нос суют.

– Понятно.

Белов с сочувствием вздохнул.

– Значит, куда исчез брат, вы не знаете?

– Нет, не знаю.

– И сказать вам по данному делу больше нечего?

– Если по делу, то нечего.

– Жаль. А я почему-то на вас надеялся.

– Все мы на что-нибудь надеемся. Кстати, я тоже надеюсь на то, что вы будете держать меня в курсе? Ведь Валерий,

мой единственный брат.

– Да, конечно. Если появится хоть какая-нибудь новость о вашем брате, мы обязательно вам сообщим, – пообещал Григорий.

Предварительные результаты

Белов и Светиков зашли в дежурную часть.

– Что-то я утомился, – вздохнул Светиков. – Полежать бы.

– Дома полежишь, – недовольно буркнул Булыкин. Он не любил, когда его любимые стулья были заняты кем-то другим.

– Для меня есть что-нибудь? – спросил Белов.

– Есть, – Булыкин протянул лейтенанту листок бумаги. – Вот данные на владельца сим-карты, с которой был сделан вызов по Зябликову.

– Хорошая новость, – обрадовался Белов. – Спасибо, дружище, обрадовал.

– А ты меня когда обрадуешь? – спросил Булыкин.

Но тут взгляд его устремился в окно.

– Атас, начальник едет! – взволнованно произнёс он. – Ну, сейчас к моей машине придерётся.

Тем временем, к отделению полиции подъехал на велосипеде начальник отделения майор Рыбин. Поставив своё двухколёсное транспортное средство рядом с мерседесом Булыкина, майор вошёл в дежурную часть и молча выслушал доклад дежурного.

– Ну что ж, обстановка понятна, – сказал Рыбин. – Не понятно только одно. На какие шиши, Булыкин, ты купил се-

бе мерседес? Начальник на велосипеде ездит, каждый рубль экономит, а дежурный на мерседесе шикает. Светиков, ты как думаешь, это нормально?

– Думаю, что нет, товарищ майор. Сам удивляюсь.

– Вот, Булыкин, даже сослуживцы твои удивляются.

– Но, товарищ майор, – начал оправдываться дежурный, – вы же рядом живёте, а я на другом конце города. На велосипеде я на работу только к концу смены доберусь.

– А ты не передёргивай, Булыкин. Никто тебя не заставляет ездить на велосипеде. Я тебе о чести мундира толкую. Ведь ты лицо нашего отделения. К тебе приходят люди... обворованные, ограбленные, униженные. Они хотят найти у нас хоть какое-то сочувствие. А что они находят? Твою физиономию, которая в окошко не помещается и мерседес... Скромнее надо быть, Булыкин, скромнее. И до работы можно распрекрасно доехать на подержанном жигулёнке. Понятно?

– Понятно, товарищ майор.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо сказал Рыбин и переключился на Белова.

– Ну, а у тебя, лейтенант, как дела с без вести пропавшим? Не нашёлся ещё?

– Пока нет, – сказал Белов. – Версия убийства на бытовой почве отпала. Но работать есть над чем. Дежурным Булыкиным установлен владелец сим-карты, с которой был сделан анонимный вызов. Эта анонимность вызывает подозрение.

Считаю необходимым немедленно проверить заявителя на причастность к исчезновению Зябликова.

– Логично. Вот этим сейчас и займись. И вот ещё что. Звонил следователь. Он изъял для экспертизы топор и какую-то серебряную кружку. Ты постарайся сегодня заехать в криминалистический отдел и поторопи их с результатами. Ну, а Светиков тебе в помощь...

– Хорошо, Семён Владимирович, обязательно заеду, – пообещал Григорий начальнику, но тот его уже не слушал. Зоркий взгляд опытного сыщика обнаружил аномалию на руке водителя.

– Сержант Светиков, – спросил майор вкрадчиво.

– Что, Семён Владимирович.

– Который час?

– А вон же на стене часы висят, – почуяв подвох, пробормотал Светиков.

– Э-э, нет, – возразил Рыбин, – меня интересует, сколько время на твоих золотых. А ну, давай, показывай.

Светиков поднял руку. На запястье блеснули дорогие часы.

– Никак, швейцарские! – присвистнул майор. – Начальник отделения ходит вообще без часов, а у водителя Светикова швейцарские часы. Отечественные тебе, Светиков, не к лицу, да? Тебе именно швейцарские подавай.

– Да это не швейцарские, – начал оправдываться сержант. – Это китайская подделка. Они за сутки на час отста-

ют. Я их просто для дизайна ношу.

– Чего? Ты вот что, Светиков, дизайном занимайся дома, а на работу приходи, как положено, по форме. Ясно?

– Ясно.

– Ну, а раз всем всё ясно, тогда за работу! – скомандовал Рыбин. – Нечего в дежурной части попусту болтать.

Владелец сим-карты

Владельцем сим-карты оказался частный предприниматель Улиткин Фёдор Семёнович, занимающийся на своём небольшом подворье небольшим хозяйством. Работал он не покладая рук с четырёх утра и до позднего вечера. Коровы, свиньи, куры – всё это круглосуточно требовало еды, воды и заботы. Чем могла, помогала жена. И даже шестилетний сынок Гоша, ровесник коровы Мурки неустанно бегал по двору с игрушечным мотоблоком и, треща языком, вспахивал тропинки. Именно его первым и встретил Белов.

– Мальчик, – сказал он ласково, – ты дядю Федю Улиткина знаешь?

– Знаю, – ответил мальчик. – Это мой папа.

– А где он сейчас?

– В мастерской.

– А где мастерская?

– Мне сейчас некогда с вами разговаривать, – вдруг, недружелюбно произнёс мальчик и, затрещав губами, поволок свой игрушечный мотоблок по тропинке.

– Ну, ё-моё! – растерянно пробормотал Белов и пошёл следом за мальчиком.

– А я тебе конфетку дам.

– Не нужна мне ваша конфетка, – отмахнулся пахарь от

Белова, как от назойливой мухи.

– А что ж тебе нужно? – не отставал оперуполномоченный.

– Для начала... гаечный ключ восемнадцать на двадцать и кило гвоздей... пятидесятку.

Услышав, что это только для начала, оперуполномоченный поспешил согласиться

– Ладно, привезу. Только скажи, где мастерская?

– Мне некогда с вами разговаривать, – снова недовольно пробурчал юный пахарь.

– Ну, ё-моё! – разочарованно произнёс Белов, рассердившись на то, что вынужден тратить время на глупого мальчишку.

Но тут со стороны дома его окликнула женщина с двумя вёдрами.

– Вам что надо?

– Мне нужно с Фёдором Семёновичем поговорить! – крикнул ей Белов.

– Он сейчас в свинарнике лежаки ремонтирует.

– А где свинарник-то?

– Вон! Белое здание! – крикнула женщина и показала рукой в сторону длинной оштукатуренной постройки.

Поблагодарив женщину, Белов направился по указанному направлению. В свинарнике, как и положено, жили свиньи. Располагались они в ряд. Между ними возвышались полуметровые перегородки, а перед ними находился желоб с

кормом. Белов осмотрелся по сторонам, но никого из людей не увидел. Тогда он решил пройти в другой конец свинарника вдоль всего свиного ряда. Свиньи увлечённо жевали и довольно похрюкивали. Все они были упитанными и одинаковыми. И лишь в одном месте Белов заметил небольшое отличие. Задняя часть животного была в штанах. Это и заставило его остановиться. Приглядевшись повнимательней, он увидел пыхтящее существо с оголённым жирным туловищем, стоящее на четырёх конечностях с отвёрткой в руке.

– Извините, – спросил лейтенант, – это вы Улиткин Фёдор Семёнович?

– Да, – ответили из свиного ряда.

– Я оперуполномоченный уголовного розыска, Белов, – представился Григорий. – Хочу с вами поговорить по одному важному делу.

– Раз хотите, говорите, – сказал Улиткин, не переставая пыхтеть и крутить отвёртку.

– С вашего телефона 9168821208 сегодня утром был сделан звонок в полицию. Это вы звонили?

– Нет, не я, – сказал Улиткин и, разогнувшись, пошёл к выходу. Белов заторопился за ним.

– А кто?

– Понятия не имею. Я вчера вечером потерял свой телефон, – сказал на ходу Улиткин. – А скорее всего, у меня его украли. Я за этот год уже восьмую сим-карту покупаю.

Дойдя до огорода, Фёдор Семёнович завёл, стоявший ря-

дом, мотоблок и рванул пахать грядки. Белов последовал за ним. А за Беловым, откуда не возьмись, пристроился мальчишка Гоша с игрушечным мотоблоком.

– А как вы думаете, кто мог украсть ваш телефон? – громко спросил Белов, стараясь перекричать мотоблок.

– А сейчас у меня уже другой, – не расслышав вопроса, крикнул Улиткин. – Жена сегодня утром купила.

– Я не про новый, – закричал Белов. – Я про старый.

– Да, мотоблок старый, – опять не понял Улиткин.

– Ну, ё моё! – выругался оперуполномоченный. – Выключите мотоблок, ничего не слышно.

Улиткин нажал на рычаг, затем достал из кармана клочок бумаги и протянул его лейтенанту.

– Вот, это мой новый номер телефона, – сказал он. – Если вам нужны молочные продукты, звоните. У нас всё свежее и натуральное.

Белов взял листок.

– Спасибо. Обязательно воспользуюсь. Скажите, а вы подозреваете кого-нибудь в краже своего телефона?

– Да, подозреваю, – кивнул Улиткин.

– Кого?

– Мужик какой-то вчера приходил. Кто он такой, я не знаю. Пришёл в первый раз, купил шесть литров молока. Я ему помог донести их до машины. После этого телефон я свой уже не видел.

– А как он выглядел?

– На вид лет сорок пять. Среднего роста, среднего телосложения. В зелёных шортах.

– А особые приметы есть?

– Есть. Он такой же лысый, как и я.

– Номер машины запомнили?

– Нет.

– Ну а какая модель?

– Я в моделях не разбираюсь. Помню только, что легковая и красная. Это всё. Извините, но у меня много работы.

Улиткин снова завёл мотоблок и поплыл по грядкам, как по волнам, оставив оперуполномоченного на окраине поля. Григорий проводил пахаря задумчивым взглядом и направился к тропинке

Дядь, – вдруг, окликнул его Гоша, дёрнув за рукав, – дай конфетку.

Извини, мальчик, – сказал Белов, – но у меня сейчас нет времени с тобою разговаривать.

Преступнику 128 лет

– Ты чего такой грустный? – спросил Светиков.

– А чего радоваться? – Ответил Григорий. – Результата пока нет. Владелец сим-карты оказался миражом. Телефон у него вчера украли. А приметы вора никакие. Хорошо ещё хоть лысый и в зелёных шортах.

– Тогда надо торопиться, – усмехнулся Светиков. – К зиме он зарастёт и шорты сменит на джинсы.

– Это точно.

– Куда теперь?

– В управление к криминалистам. Может быть, у них чем-нибудь разживёмся.

Светиков развернул машину и выехал на шоссе в сторону управления.

В криминалистическом отделе Григория встретил главный эксперт управления Геннадий Карамелькин.

– Извини, – сказал он, – но по твоему делу я ещё не закончил. Занят был грабежом.

– И много награл? – в шутку спросил Белов.

– На обед хватит, – ухмыльнулся Карамелькин. – Если хочешь, присоединяйся.

– Не могу, времени нет. Хотелось бы по делу. Шеф торопит.

– Ладно, пожертвую тебе десять минут?

Карамелькин сел за стол и включил компьютер.

– Отпечатки с квартиры Зябликова я уже обработал. Сейчас прокручу их по нашим базам данных.

Григорий сел рядом.

– Это надолго?

– Нет, не очень.

Прошло несколько минут.

Ну, вот и результат, – сказал Карамелькин. – Почти везде наследил сам Зябликов. Образец его отпечатков я нашёл в базе данных загранпаспортов. Только внутри кружки отпечатки принадлежат другому человеку.

– Кому же?

– Минуточку! – Геннадий устало откинулся на спинку кресла.

На экране начался процесс проверки отпечатков пальцев среди граждан, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, и вскоре появилось уведомление: «Сходство обнаружено!»

Ага, попался голубчик! – обрадовался Карамелькин и тут же вывел на экран фотографию обнаруженного объекта.

– Ну и физиономия! – удивился он. – Типичный уголовник!.. Чумарин Иван Матвеевич, привлекался за кражи и грабежи...

Однако на этом эксперт запнулся.

– Что за чертовщина?

– Что? – насторожился Белов.

– Да с годом рожденья какая-то ерунда. Ошибка что ли!

– А какой у него год рождения?

– Тысяча восемьсот восемьдесят седьмой, – с недоумением прочитал Карамелькин.

На несколько секунд оба замолчали.

– А может всё-таки опечатка? – предположил Белов.

– Не исключено. Запись взята из старого архива. Информации очень мало. Исходя из даты рождения, ему сейчас 128 лет. Долгожитель что ли?

– Вряд ли. Но факт интересный.

– Да, интересный. Я уже представляю, как этот зомби вышел ночью из могилы и похитил несчастного Зябликова. Ужас. Преступление века.

– А адрес у этого зомби в твоей базе данных есть?

Геннадий перелистнул страницу и с радостью воскликнул: «Представь себе, есть! Это просто невероятно!.. Дом престарелых!»

Белов записал адрес.

– Ты что, собираешься туда идти? – с усмешкой спросил Геннадий.

– А чем чёрт не шутит! Вдруг, он ещё живой. Кстати, можно я с собой возьму эту кружку?

– Бери, мне она уже не нужна, – не стал возражать Карамелькин и, шутя, добавил. – А может ещё осиновый кол возьмёшь?

В очереди

Машина тоскливо двигалась в автомобильном потоке. Светиков что-то тихонько насвистывал, Белов о чём-то задумался. С приборной доски, отражая солнечный свет, им приветливо подмигивала серебряная кружка. Было что-то дьявольски манящее в этой старой железяке и оба полицейских невольно поглядывали на неё. Вдруг, ехавший впереди, грузовик резко затормозил, и только каким-то чудом Светикову удалось избежать столкновения. Машина выехала на обочину и заглохла.

– Однако, Иннокентий, надо быть поосторожней, – сказал Белов. – Нам только аварии не хватало.

– На секундочку отвлёкся, – взволнованно произнёс Светиков. – И ведь на пустом месте... Ничего не понимаю.

Водитель попытался завести заглохший автомобиль, но безуспешно.

– Придётся лезть под капот, – вздохнул Иннокентий и вышел из машины.

– Это надолго? – поинтересовался Григорий.

– Пока не знаю.

– Тогда я пойду своим ходом, – сказал Белов. – Как говорит наш шеф: «Кто пешком не ходит, тот и мышей не ловит».

– Ладно, в случае чего, звони, – отозвался ему Светиков.

Белов положил кружку в свою сумку и вышел на тротуар. Но перед тем, как продолжить путь в дом престарелых, он решил зайти в магазин и купить себе что-нибудь на обед. В торговом зале Григорий быстро прошёл вдоль витрин, положил в корзинку хлеб, кусочек колбасы и пакетик сока. Затем подошёл к кассе и встал в очередь. Очередь была большой, так как из трёх касс работала только одна. Но Григория это не расстроило. Перед ним в очереди оказалась очаровательная брюнетка, которая, не умолкая, разговаривала по телефону. Белов невольно засмотрелся на неё.

– Надо же! – изумился он. – Какая форма! Какой рельеф!

Забыв о скромности, оперуполномоченный начал рассматривать девушку более внимательно с разных точек обзора, то отклонившись назад, то вперёд, то сбоку. Затем и вовсе, как бы, случайно уронив авторучку, нагнулся и посмотрел снизу. Но тут девушка воскликнула: «Ой, я сосиски забыла взять!» и быстро вышла из очереди. Теперь вместо стройных ножек в туфельках перед Беловым предстали две кривые старенькие голени в заштопанных чулках и в разбитых вдрызг ботинках. Белов моментально выпрямился и со скучающим взглядом уставился на рекламный плакат, висевший на стене.

– А ты запасся продуктами? – вопрошала с плаката розовощёкая женщина.

Белов не запасся. И когда он начал думать о том, а стоит ли запасаться, обыденную тишину магазина нарушил чей-то

громкий и знакомый голос.

– Почему работает только одна касса? – возмутился голос. – Немедленно позовите ещё одного кассира!

Белов повернулся на шум.

– Да ведь это же Аркадий Нилыч! – удивился Григорий. – Неужели опять сбежал?

Между тем, бывший арестант решительно подошёл к неработающей кассе и продолжил раздавать строгие указания неизвестно кому. Стоявшие перед Беловым, доверчивые бабушки и дедушка инстинктивно устремились к новоявленному поводырю в надежде побыстрее выбраться из магазина. Но прошло несколько минут, а второй кассир так и не появился. Наконец, к выстроившимся в очередь за сумасшедшим, начало приходить осознание ошибочности выбранного ими пути и они, тихонько чертыхаясь, снова начали перебегать к работающей кассе. Первым вернулся дедушка. Вино вато потеснив Белова, он с возмущением произнёс: «Я думал это командир, а это пустомеля какая-то. Тьфу!»

Но как бы, то ни было, пришло время расплачиваться. Белов протянул банковскую карту кассиру, тот вставил её в электронное устройство и, вдруг, это устройство выдало информацию о том, что денег на карте нет.

– Как нет? – растерялся Белов. – Должны быть.

– Ничего не знаю, – ответил кассир, – ваша карта пуста, как стакан после хорошего тоста.

– Кругом одни жулики, – зароптала из-за спины вернув-

шаяся бабушка.

– Безобразие! – продолжал громко возмущаться Аркадий Нилыч из соседней кассы. Дайте мне немедленно жалобную книгу.

Почувствовав на себе излишнее внимание, Белов постарался побыстрее выйти из этого неловкого положения. В кармане у него ещё были наличные деньги, и он поспешил ими расплатиться. Такого с ним ещё никогда не случалось. Очевидным было одно. Кто-то снял с его карты все деньги.

Дом престарелых

Дом престарелых был таким же престарелым, как и его жители. По саду неторопливо прогуливались дедушки и бабушки, кто-то с палочкой, кто-то с костылями, а кто-то и вообще на инвалидной коляске. Тишина и кладбищенский покой царили в этом, забытом цивилизацией, месте.

– Извините, я из полиции. С кем я могу поговорить? – спросил Белов у проходившей мимо пожилой медсестры.

– С кем угодно. У нас тут пока все говорящие, – пошутила медсестра и улыбнулась страшной беззубой улыбкой. Оставшиеся во рту клыки, напомнили Белову вампиршу из фильма ужасов.

– Вы меня не поняли, – сказал Белов, – я по делу, и мне нужен кто-нибудь из начальства.

– Ну, тогда вам к Максиму Максимычу надо. Это наш главврач.

– А в каком он кабинете?

– В триста тридцать третьем, – сказала медсестра и махнула рукой на административное здание.

– Откуда в этом двухэтажном сарае триста тридцать три кабинета? – озадаченно подумал Белов.

Но, тем не менее, когда он вошёл в здание, то сразу же увидел на первом этаже на большой дубовой двери номер

– Хороша дверь, не правда ли? – воскликнул, подошедший мужчина в белом халате. Нам её медицинская академия подарила. Вместе с номером.

Мужчина чихнул, издав смешной звук.

– Будьте здоровы! – посочувствовал Белов.

– Какое там, – равнодушно махнул рукой мужчина и, открыв дверь, спросил. – А вы ко мне?

– Если вы Максим Максимыч, то да.

После очередного чиха мужчина простонал.

– Ну, тогда заходите. Только сразу предупреждаю, мест свободных у нас пока нет.

Главврач попытался снова чихнуть, но на этот раз у него не получилось.

– Вы наверно простудились? – с сочувствием спросил Белов.

– Нет. Простуда меня не берёт. У меня аллергия на... пыль и... стариков, – ответил Максим Максимыч и, чихнув весьма основательно, добавил. – Шучу.

– А я к вам из полиции. По делу.

– Уж не провинились ли мы чем? – поинтересовался главврач.

– Ну что вы, меня просто интересует один ваш пациент, Чумарин Иван Матвеевич. Возможно бывший пациент.

– Что-то я такого не припомню. А какого он года рождения и когда к нам поступил?

– Когда поступил, не знаю. А год рождения 1887-ой.

Максим Максимович протяжно чихнул.

– Мне бы до такого достареть. К счастью, таких залежалых у нас нет. Это надо искать в архиве среди бывших.

Он позвонил по телефону.

Мария Ива... – но нахлынувший приступ чихания помешал врачу закончить фразу. Из телефонной трубки послышался женский голос: «Алё! Алё! Алё!»

Врач, наконец, чихнул и торопливо закончил

– Бубенчикова, у тебя что заело? Зайди ко мне в кабинет.

Минут через пять в кабинет вошла та самая беззубая медсестра.

Мария Ивановна, помоги оперуполномоченному из полиции найти какие-нибудь сведения о нашем бывшем пациенте Чумарине Иване Матвеевиче.

– А-а, Чумарин! – вспомнила Мария Ивановна. – Так я его знаю.

– Ну, вот и прекрасно. Расскажи, что знаешь, а я пока на процедуру схожу.

Когда главврач вышел из своего кабинета, Белов спросил.

– Так значит, в живых его уже нет?

Медсестра снисходительно посмотрела на лейтенанта.

– Давно уже нет. Я даже точную дату помню. 12 апреля 1961 года. Гагарин в этот день в космос полетел. И Чумарин в этот же день тоже вроде, как улетел. А я тогда молодая ещё была, красивая. За мной всё начальство ухаживало. Да-

же Никита Сергеевич Хрущёв, когда к нам приезжал, руку мне пожал и сказал: «Как постарею, непременно к вам, Машенька, переберусь».

– Скажите, а Чумарин тоже за вами ухаживал? – спросил Белов.

– Боже упаси! – воскликнула Мария Ивановна. – Ему ж тогда уже за семьдесят было! Ходил вечно голодный, добавки в столовой постоянно просил. Видать, наголодовался в прошлом. Жаловался мне, что несчастная и бедная жизнь у него была.

– А дети у него были?

– Да, дочь. Но приходила она очень редко. Плохие у них были отношения.

– А фамилию дочери и её адрес вы помните?

– Что вы, голубчик, столько времени с тех пор прошло. Уже и женихи все мои на кладбище лежат. А вы спрашиваете меня про адрес. Это только в архиве надо смотреть.

– Так, давайте посмотрим, – предложил Белов.

– Ну, что ж, давайте, – согласилась Мария Ивановна.

Медсестра открыла большой шкаф и начала оттуда доставать коробки с анкетами пациентов.

– Вот он! – наконец, сказала она. – Чумарин Иван Матвеевич. А вот и запись о том, кто его сюда определил, Синякина Наталья Ивановна. А вот и адресок её. Запишите если хотите.

– Вот спасибо! – обрадовался Белов и, взглядываясь в по-

желтевшую от времени анкету переписал в свой блокнот адрес дочери Чумарина.

Синякины

Дверь Белову открыл мужчина лет пятидесяти.

– Скажите, пожалуйста, здесь проживает Синякина Наталья Ивановна? – спросил Григорий.

– Она умерла десять лет назад, – хмуро ответил мужчина.

– А вы её родственник?

– Я её сын, Синякин Виктор Афанасьевич.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Пожалуйста.

Синякин пригласил лейтенанта в комнату.

А в чём, собственно, дело? – спросил он настороженно.

– Не беспокойтесь, Виктор Афанасьевич, дело у меня к вам пустяковое, – успокоил его Белов. – Скажите, пожалуйста, вам знакома эта кружка?

Оперуполномоченный вынул из сумки кружку, и хотел положить её на стол перед Синякином, но тот, вдруг, побледнев, закричал: «Нет! Только не это! Зачем вы её мне принесли?» Он выхватил из рук Белова кружку и тут же вышвырнул её в форточку. Затем подбежал к раковине и начал усердно отмывать руки, словно от какой-то мерзости.

– Вы что, с ума сошли? – обескуражено спросил Белов.

Выглянув в окно и убедившись, что кружка никому не причинила вреда, оперуполномоченный, уже более спокой-

ным тоном, сказал.

– Хорошо ещё, что у вас под окном палисадник, а не тро-туар. А если б вы кому-нибудь по голове попали?

– И это было бы не удивительно, – ответил Синякин, вытирая руки полотенцем, а затем с облегчением выдохнул. – Главное, что её нет в моей квартире.

– Судя по вашей реакция, вам эта кружка хорошо знако-ма?

– Ещё бы, – сердито заворчал Синякин. – Я только месяц назад от неё избавился, а вы мне её опять в дом притащили. Это просто злой рок какой-то!

– Прошу меня за это извинить. Но почему вы её так нена-видите?

– Почему?

Синякин пристально посмотрел Белову в глаза.

– Да потому что она с проклятием!

– Вы это серьёзно?

– Серьёзней не бывает. Эта кружка моего деда. Когда он жил в доме престарелых, он написал небольшой дневничок своих воспоминаний. В том числе и про эту кружку. А когда дед умер, мать принесла его тетрадку домой и забросила в шкаф. Сам я только недавно наткнулся на неё.

– И что же ваш дедушка написал?

– Он написал, что в тридцатых годах работал в милиции. А кружка эта ему досталась во время раскулачивания. Экспроприировал он её у одного врага народа. Даже фамилию,

имя, отчество его запомнил. Некто Курзин Семён Иванович. Ну, а тот дедулю моего на прощанье проклял, а заодно и всех тех, у кого кружка его окажется. И сказал он, что жить будете в нищете, и жизнь ваша будет такой же пустой, как эта серебряная кружка. Дед тогда только усмехнулся над ним. А через месяц его, вдруг, уволили из милиции. А ещё через пару месяцев арестовали. Ну, а дальше покатился дедуля мой с этой кружкой по наклонной и кончил жизнь свою в нищете, как и предсказывал Курзин. И бабушка моя тоже всю свою жизнь прожила в страданиях и нищете. И мать моя намыкалась. Иной раз нам даже хлеба не на что было купить. И моя жизнь была не сладкой. И только когда я женился и переехал на другую квартиру, положение моё улучшилось, я устроился на хорошую работу, у нас родилась дочь. Но когда моя мама умерла, эта кружка по наследству досталась мне. И тут началось всё снова. Сначала мне пришлось уволиться с работы, затем жена подала на развод, а потом я тяжело заболел. Слава богу, ещё выкарабкался. И вот как-то решил я сделать в квартире ремонт и случайно наткнулся на дедушкин дневник, прочитал... и всё понял. Взял я тогда эту кружку и понёс её подальше от дома.

– И куда же вы её выбросили? – поинтересовался Белов.

– Никуда. По дороге мне встретился один знакомый. Мы с ним вместе на заводе работаем. Я ему и рассказал всё про эту кружку. А он мне тогда и говорит: «Зачем такую дорогую вещь выбрасывать? Дай её лучше мне. А уж я найду ей

применение». Ну, я ему эту кружку и отдал.

– А как фамилия этого мужичка? Где он живёт?

– Фамилию не знаю. Знаю только, что зовут его Кирилл. Работает слесарем. А живёт он в нашем заводском общежитии на Лесной. Вы там спросите. В общежитие все друг друга знают.

Белов, вдруг, вспомнил, что этот адрес ему уже знаком.

– Позвольте, вы сказали, что общежитие находится на улице Лесной?

– Да, на Лесной.

Белова осенило: «Уж не братец это единственный?»

– А как он выглядит? – спросил он у Синякина.

– Обыкновенно, как и все.

– И вечно всем недовольный?

– Точно. А вы его знаете?

– Встречался как-то, – сказал Белов, а про себя удивился. – Вот это сюрприз!

Григорий ещё раз подошёл к окну. Кружка всё ещё лежала в палисаднике.

– Виктор Афанасьевич, а как вы думаете, почему ваша бабушка и мама раньше не избавились от этой кружки?

Синякин с горечью усмехнулся.

– Бабушка и мама были неисправимыми атеистами. Они не верили ни в бога, ни в чёрта. И дед был такой же. Когда им было плохо, они думали, что это просто невезуха. Да и не только им в то время было плохо.

– Да, – согласился Белов, – тяжёлое было время. И что же теперь? Без кружки? Вам стало лучше?

– Хотите верьте, хотите нет, – сказал Синякин, – но как только я от этой кружки избавился, так жизнь моя сразу на поправку пошла. И на работу я снова устроился, и с женой помирился. Вот так-то!

– Что ж, я рад за вас. Но у меня к вам есть ещё один вопрос.

– Да, пожалуйста.

– Внутри кружки обнаружены отпечатки пальцев вашего дедушки. Как вы можете это объяснить?

На мгновение Синякин задумался.

– Это, конечно, интересно, – начал он размышлять, – но объяснение здесь может быть только одно. Кружкой ведь никто не пользовался. Она годами стояла в шкафу. А если её и протирали иногда, то только снаружи. Видимо, поэтому все, что было внутри, сохранилось.

– Что ж, возможно, вы правы, – согласился с Синякиным Григорий. – Спасибо вам, Виктор Афанасьевич, очень приятно было с вами познакомиться. Извините, что побеспокоил.

– Чего теперь. Только я вас умоляю, не приносите мне больше эту кружку, – попросил Синякин и уже в след прокричал. – И сами от неё лучше избавьтесь.

Выйдя на улицу, Белов, достал телефон и позвонил Карамелькину в отдел криминалистики.

– Геннадий, это я, Григорий. Как видишь, жив и здоров и осиновый кол мне не понадобился... Но мне нужен доступ к базе данных по репрессированным лицам в 1930-х годах... Будь добр, проверь, есть ли среди них Курзин Семён Иванович... Курзин... Если что-то будет, позвони... Ну, пока!

Лейтенант посмотрел в сторону палисадника.

– Что же делать? – задумался он. – Оставить или взять?

Продолжая размышлять, Белов перешагнул через небольшой заборчик и подошёл к лежащему в траве проклятию. Рассказ Синякина произвёл на него сильное впечатление.

– Так вот ты какая, – произнёс он тихо, поглядывая с опаской на кружку. – А, вдруг, и на меня перейдёт твоё проклятие? А что если, кража денег с моей карты и, чудом избежавший аварии, Светиков – это только первый звонок?

Но тут Белов, словно очнувшись, увидел, что кружка-то уже у него в руке и он кладёт её в свою сумку, а в голове отчётливо мелькает мысль: «Не бросай меня! Не бросай! Нам с тобой ещё к Кириллу Макарычу нужно зайти».

Опять брат и волосатые ноги

Белов не мог не вернуться в общежитие на Лесной улице.

Дверь ему снова открыл слеповато-глуховатый старик.

– Вам кого? – спросил он скрипучим голосом.

– Дедушка, – раздражённо произнёс Григорий, – вы ведь ничего не слышите. Какого рожна вы к двери подходите?

– А-а? – переспросил старик и подставил к уху ладонь.

– Я говорю, будьте здоровы, – крикнул Белов и бочком прошмыгнул в коридор мимо дедушки. Дверь в комнате номер три была приоткрыта. Зотов всё ещё занимался уборкой. Чтобы обозначить своё присутствие, Белов постучал в дверь.

– Кто там? – уставшим голосом спросил Зотов. – А-а, это снова вы.

– Да, это снова я. – ответил Григорий.

– Заходите! Что-нибудь забыли или появились новости насчёт брата?

– Появились новые вопросы, Кирилл Макарович, – сказал Белов.

– Кругом одни вопросы, – философски произнёс Зотов. – Ну, задавайте. Если смогу – отвечу.

– Думаю, что сможете.

Белов достал из сумки серебряную кружку и положил её на стол перед Зотовым.

Увидев кружку, Кирилл Макарович побледнел.

– Вам знакома эта кружка? – спросил оперуполномоченный.

– Да, я, кажется, видел её у брата.

– Не скромничайте, Кирилл Макарович. Я только что беседовал с Синякиным Виктором Афанасьевичем, с которым вы вместе работаете на заводе. И он мне всё рассказал про эту кружку с проклятием, и о том, что именно вы взяли её. Но что произошло дальше? Как она оказалась у вашего брата?

Зотов задумался. Лицо его было напряжено.

– Я подарил эту кружку своему брату, – наконец, выдавил он из себя. – Только к его исчезновению это не имеет никакого отношения.

– Вы подарили единственному брату кружку с проклятием? – удивлённо вскинул брови Белов. – С какой целью?

– А можно мне это проклятие пощупать, уважаемый оперуполномоченный? – спросил Зотов. – Проклятье к делу не пришьёшь. Не так ли?

– Что ж, согласен. Но я не для протокола. Я хочу лишь понять, зачем вы это сделали?

– Завидовал я ему, – признался Кирилл Макарович. – Любил и одновременно завидовал. Спросите почему? Да потому что не выношу несправедливость. Меня возмущало, что у молодого и ничего из себя не представляющего парня есть всё, а у меня, у проработавшего всю жизнь мужика только

комнатка в общежитии.

– И таким образом вы решили восстановить эту самую справедливость?

– Да. Но если откровенно, я в эту чертовщину не верю. Подарил из спортивного интереса.

– И, тем не менее, эта чертовщина сделала своё чёрное дело.

Зотов усмехнулся.

– Может, сделала, а может и нет. Об этом можно только гадать. Валерий говорил, что у него чёрная полоса в жизни наступила. Такое со всеми бывает. И без всяких кружек.

Зотов подошёл к тумбочке, взял оттуда бутылку с пивом и, отпив немного из горлышка, сказал.

– Я бы на вашем месте не с кружкой этой дурацкой бегал, а преступников искал.

– Хорошо, я непременно воспользуюсь вашим советом, – сказал Белов и, не прощаясь, вышел из комнаты.

Григорий медленно шёл по улице, не обращая внимания на прохожих. Он продолжал анализировать свои пока ещё безуспешные поиски. Дело снова зашло в тупик и возвращаться в отделение с пустыми руками ему не хотелось.

«А что если ещё раз съездить на место происшествия и осмотреть его более внимательно», – подумал Белов.

Приняв такое решение, Григорий сел в автобус и через несколько минут доехал до дома №13. После первого его визита здесь мало что изменилось. По-прежнему продолжала

бегать бездомная собака, также стояла красная машина, а рядом с ней находился тот же самый волосатоногий водитель. Только на сей раз он не лежал под машиной, а согнувшись, что-то искал на заднем сиденье.

«А ведь этот человек явно не местный», – предположил Белов. – «С ним никто не здоровается... И шорты... Зелёные шорты. Где-то я уже слышал об этом. Но где? Постой-ка! Так ведь молочник говорил, что его телефон украл человек в зелёных шортах. И машина у него тоже была красного цвета. Уж, не он ли это!»

Белов почувствовал, что наконец-то у него появился реальный подозреваемый. Смущал лишь один факт. Похититель телефона, со слов молочника, был лысым. А этот? Может ли быть лысым человек с такими волосатыми ногами?»

Григорий решил дожидаться, когда, привлёкший его внимание, человек, наконец, выпрямится и покажет свою голову.

– Наверняка, это что-то ужасное! – предположил Григорий и замер в ожидании. Между тем, волосатоногий уже нашёл, что искал и начал потихоньку распрямляться. Ещё мгновение и... И вот он момент истины. Голова у волосатика оказалась... лысой. А если быть точнее, выбритой наголо.

– Вот она, удача! – обрадовался Белов и тут же, вынув из кармана телефон, набрал номер Улиткина.

– Алё! Фёдор Семёнович, это вы?

В ответ из трубки послышалось невнятное мычание.

– Что такое? – растерялся Белов. – Фёдор Семёнович, это Белов вас беспокоит!

В ответ опять мычание.

– Алё! С кем я говорю?

Наконец, в трубке послышался внятная человеческая речь.

– С Муркой.

– С какой ещё Муркой?

– С моей коровой. Я сейчас в коровнике нахожусь, – объяснил ситуацию Улиткин. – Прошу извинения за посторонние звуки.

– Фёдор Семёнович, – крикнул в трубку Григорий, – это вас оперуполномоченный Белов снова беспокоит.

– И что вы ещё хотите?

– Я хочу спросить про человека, который украл ваш телефон. Какие у него были ноги?

– Обыкновенные, мужские.

– А они сильно были волосатые?

– Как у моей Мурки.

– То есть, они были чрезмерно волосатые?

– Да.

– А какого чёрта вы мне сразу об этом не сказали? Я ведь вас спрашивал об особых приметах.

– Для меня это не особая примета. У меня здесь все с такими ногами ходят, и в коровнике и в свинарнике.

– Ну, ё-моё! – буркнул Белов и, не желая больше вдавать-

ся в подробности, отключил разговор. Мысленно Григорий уже ликовал. Вот он, преступник! А нашёл его он, великий сыщик и в то же время скромный лейтенант местного отделения полиции Белов Григорий Спиридонович.

– Что ж, – сказал великий сыщик, – дело осталось за малым, познакомиться с этим типом.

Полицейская машина мчалась по шоссе, обгоняя попутные автомобили, затем свернула направо и затем въехала во двор. Из машины вышли трое полицейских с оружием. Белов их встретил и вчетвером они подошли к красной машине. В этот момент водитель снова лежал под машиной, выставив на всеобщее обозрение свои уникальные ноги.

– Ну и нахал! – подумал Григорий. – Столько времени торчит под носом у полиции и не боится. Это уже слишком.

Оперуполномоченный остановился перед ногами в зелёных шортах и, подняв с земли маленькую веточку, пощекотал ей волосатую коленку.

– Товарищ, можно вас на минуточку!

Волосатик, кряхтя, начал выкарабкиваться из-под машины с явным желанием высказать пару нецензурных фраз, но увидев перед собой вооружённых полицейских, лишь испуганно спросил.

– Вам чего?

– Не чего, а кого, – поправил его Белов. – Прошу вас предъявить документы.

– Зачем?

– Вы подозреваете в причастности к исчезновению гражданина Зябликова, проживающего в доме номер 13.

– Какого ещё Зябликова? Не знаю я никакого Зябликова.

– И, тем не менее, ваши документы.

Лысый полез в салон, но один из полицейских его остановил.

– Где лежат документы? – спросил он.

– В бардачке.

Полицейский сам сел в автомобиль и открыл бардачок. Сначала он вынул оттуда водительское удостоверение с паспортом, затем мобильный телефон, а затем в его руке блеснул травматический пистолет. Полицейские вопросительно переглянулись.

– Придётся вам проехать с нами в отделение полиции для проверки, – сказал Белов мужчине.

– С какой стати? – возмущённо пробасил лысый.

– У нас к вам есть вопросы.

– А я не хочу отвечать ни на какие вопросы.

– Это ваше право.

– Учтите, я буду жаловаться.

– Хорошо, учтём, – пообещал Белов и жестом руки попросил полицейского проводить задержанного в машину.

Когда его увели, к Белову со стороны подъезда подошёл какой-то бродяга в разноцветных ботинках.

– Дзень добры! – поздоровался он на польском языке.

Полицейские с удивлением посмотрели на подошедшего

к ним человека.

– Здорово, коль не шутишь.

– Господа полицейские, – доверительно произнёс бродяга, – у этого бандита есть сообщник.

– Вот как! И где же он?

– В магазин пошёл. Но скоро вернётся.

– А почему вы думаете, что они бандиты?

– Рожи у них бандитские.

– И это всё?

– Всё.

– Маловато, – сказал один из полицейских.

– Ладно, – усмехнулся Григорий, – у нас и для двоих место найдётся. Подождём.

Немного посоветовавшись, полицейские отошли в сторону и спрятались за трансформаторной будкой. Ждать долго не пришлось. Минут через десять к машине подошёл здоровенный мужик с сумками в руках. Не обнаружив на месте приятеля, он обошёл машину сзади и остановился напротив багажника. На земле беспорядочно валялись гаечные ключи, а рядом лежала записка, на которой крупными буквами было написано: «Ищи меня в багажнике!»

Здоровяк в недоумении почесал затылок, но затем всё же потянулся к багажнику. В этот момент к его спине прислонилось дуло пистолета, и тихий спокойный голос предупредил: «Не двигаться!»

Человек с особыми приметами

Дежурный Булыкин встретил всех, как родных, задержанным посочувствовал, полицейских похвалил.

– Григорий, – сказал он Белову, я смотрю тебя можно уже поздравить с раскрытием?

– Заранее не поздравляют, – осторожно ответил Белов.

– Скромняга, – похлопал его по плечу Булыкин.

В этот момент в дежурную часть вошёл начальник.

– А-а, Белов, наконец-то! Ну как успехи?

– Задержаны подозреваемые по делу Зябликова, – бодро доложил Григорий. – В машине у них при обыске изъят украденный у гражданина Улиткина телефон. Именно с него был сделан звонок в полицию. И травматический пистолет. Думаю, это серьёзные основания.

– Молодец, Белов! – похвалил Григория майор и, как бы, между прочим, полюбопытствовал. – Ну а что ж, наследившего на кружке Чумарина, не задержал? Из управления мне звонят, интересуются.

Белов не нашёлся, что ответить.

– Ладно, не смущайся, – усмехнулся Рыбин. – Но в следующий раз опирайся на факты, а не гоняйся за мистикой.

– Женить его надо! – усмехнулся Булыкин. – Тогда не до мистики будет.

– Это вы, Булыкин, верно заметили, – сказал майор и добавил. – Кстати, мне ваша жена из санатория звонила; жаловалась, что вы, Булыкин, хронически не досыпаете.

Дежурный затих и вжался в стул, надеясь, таким образом, сделаться менее заметным, но Рыбин не стал дожидаться ответа дежурного, а снова обратился к Григорию: «Ну что ж, Белов, иди, выжимай лысого, а я займусь его подельником.

Получив указание начальника, Белов не стал терять времени и тут же вызвал задержанного к себе в кабинет. Открыв бланк протокола, он начал со стандартных вопросов.

– Фамилия, имя, отчество?

– Замазанный Роберт Денисович, – спокойно ответил задержанный.

– Где проживаете?

– Улица Береговая, дом 6, квартира 8.

– Где работаете?

– Пока в поиске.

– Ну, а живёте на что?

– Комнату сдаю.

– Кому?

– А какое это имеет отношение к вашему пропавшему?

– Ладно, оставим это пока. Скажите, а что вы делали у дома № 13 на улице Российской?

– Ехал с приятелем Серёгой Кондратьевым на дачу, по дороге у нас сломалась машина, вот мы и заехали в первый попавшийся двор, чтобы привести своего железного коня в

чувство. Ну не на дороге же нам этим заниматься?

– А вы покупали вчера у фермера Улиткина молоко?

– А молоко-то тут причём? – удивился Замазанный.

– Отвечайте, пожалуйста, по существу вопроса, – спокойно попросил Белов.

– Ну, если по существу, то да, было такое действие с моей стороны, купил молочка в дорогу. И что, с того?

– Ничего. Но после вашей покупки молочка, у фермера пропал телефон, который позднее мы нашли в вашей машине. Вы признаёте факт хищения?

– Нет, не признаю, – как ни в чём не бывало, отреагировал Роберт Денисович. – Я не знаю, как его телефон оказался в моей машине. Скорее всего, он сам его там забыл.

Белов ухмыльнулся.

– Интересное объяснение. Только выглядит оно не убедительно.

– А я никого убеждать и не собираюсь. Говорю, как было.

– Допустим. Ну, тогда может скажете, что было потом? Кто позвонил в полицию и сообщил об открытой двери в квартире Зябликова?

– Опять вы про какого-то Зябликова. Я ещё раз повторяю, никакого Зябликова я не знаю.

– Хочу вам кое-что напомнить, гражданин Замазанный, – с лёгким чувством раздражения произнёс Григорий. – Сегодня утром с телефона Улиткина был сделан звонок в полицию, а телефон в это время находился в вашей машине.

– Да, телефон находился у меня в машине, – пробасил Замазанный. – Но звонил не я.

– А кто?

– Мужик какой-то. Подошёл к нам и попросил позвонить. Вот я и дал ему телефон этого Улиткина.

– Опишите, как выглядел мужчина, который попросил у вас телефон?

– Я описывать не умею. Но если увижу, узнаю.

– А это вы узнаете?

Белов выложил на стол пистолет, найденный в машине.

Замазанный ухмыльнулся.

– Представляю, что вы уже нафантазировали на мой счёт, – недовольно пробурчал он, – а для себя, наверно, уже пару звёздочек для погон приготовили. Вынужден вас разочаровать. Ничего криминального в этом пистолете нет. Да, он мой. Но приобрёл я его на законных основаниях в обычном магазине. И никого я из этого пистолета не убивал и никого не грабил. И с собой я его взял лишь для того, чтобы на даче в стрельбе потренироваться. Вот и всё. Насколько мне известно, это не является преступлением.

Белов растерянно замолчал. Все его вопросы, которые ещё несколько минут назад казались ему быющими наповал, сами рассыпались, как карточный домик. Такого провала он не ожидал.

– Складно у вас всё получается, гражданин Замазанный, – сказал он с упрёком.

– Складно потому что, правда, – спокойно произнёс Роберт Денисович. – Надеюсь, вы уже осознали свою ошибку и я могу покинуть ваше заведение?

– Пока нет. Вам придётся ещё немного подождать в дежурной части. Проверка ещё не закончилась.

– А почему я должен здесь ждать, пока вы делаете свою работу? Я за это зарплату не получаю. Мне на дачу ехать надо.

– И всё-таки вам придётся подождать.

– Хорошо, я подожду, – обиженно произнёс Замазанный, – но чем дольше я буду ждать, тем длиннее будет моя жалоба.

– Это ваше право, – хмуро ответил Белов.

Проводив Замазанного в дежурную часть, Григорий направился в кабинет начальника.

– Разрешите?

– Заходи Белов, заходи, – с грустным видом произнёс Рыбин. – Ну что, скажешь?

– Скользкий этот Замазанный и наглый. Всё отрицает. Даже кражу телефона.

– У меня с Кондратьевым такая же ситуация, – вздохнул Рыбин и, чуть помолчав, с сожалением добавил. – Придётся их отпускать.

– Семён Владимирович, но ведь это единственная ниточка!

– Ниточка к чему?

– Как к чему? К убийству Зябликова.

Рыбин усмехнулся.

– Хочешь новость? – спросил он.

– Какую?

– Уж не знаю, хорошая она или плохая, но никакого убийства не было.

– Как не было? – ошарашено спросил он. – А топор? А кровь?

– Мне только что позвонили из лаборатории, – сказал Рыбин. – Так вот, там установили, что на топоре, найденном в квартире Зябликова, не кровь, а обыкновенные красные чернила. Ну, что скажешь?

– Я в шоке! – еле слышно произнёс Белов.

– И я там же, – с горечью произнёс Рыбин. – Но будем сквернословить. Фактически, мы имеем инсценировку убийства. Так что, Замазанный и Кондратьев не виновны.

– И всё-таки у меня остаются сомнения, – нерешительно возразил Григорий.

– Тогда давай их постараемся развеять, – предложил Рыбин. – А ну-ка, зови сюда этих дачников.

Белов вышел в дежурную часть и через несколько минут вернулся вместе с Замазанным и Кондратьевым.

– Гражданин, начальник, – с порога воскликнул Замазанный, – почему нас не отпускают? Мы ни в чём не виноваты!

– Как не отпускают? Кто? – с удивлением спросил Рыбин.

– Да вот этот, лопоухий! – сердито воскликнул Замазан-

ный, показывая на Григория. – Говорит, что нам придётся подождать.

Белов, – с возмущением воскликнул Рыбин, – да как же ты Белов... Я на тебя надеялся, а ты... Такое безобразие! Какой позор! Уважаемые люди у тебя в дежурной части сидят словно преступники. А ты... Ой, Белов. Ой!

Тут Рыбин схватился рукой за грудь с искажённым от боли лицом.

– Что с вами, Семён Владимирович? – забеспокоился Григорий.

– Валидол ему надо, – суетливо пробасил и захлопал себя по карманам.

– Точно, валидол, – согласился с приятелем Кондратьев и тоже начал у себя рыться в карманах.

Между тем, Рыбин знаком руки подозвал дачников поближе и, вынув из кармана три фотографии, умирающим голосом прохрипел.

– Вы кого-нибудь из них знаете?

Замазанный и Кондратьев взглянули на фотографии и почти одновременно указали на одну и ту же фотографию.

– Так ведь это же тот самый тип, который сегодня утром у нас телефон попросил! – уверенно сказал Замазанный.

– Точно, он! – подтвердил Кондратьев.

– Зябликов, – выдохнул Рыбин, будто в последний раз и, не говоря больше ни слова, склонил голову.

– Помер! – взволнованно произнёс Кондратьев.

– Сгорел на работе, – подытожил Замазанный.

– Вы вот что, – мрачно произнёс Белов, – идите уже. Не до вас сейчас.

– Куда? – не понял Замазанный.

– Куда хотите. Хоть домой, хоть на дачу.

– А как же... – с недоумением спросил Кондратьев, показывая на застывшего майора.

– Без вас разберёмся.

– А-а, ну, хорошо, тогда мы уходим. Вы уж нас извините. Извините, что так получилось, что побеспокоили вас, – перебивая друг друга, загалдели дачники.

Выпроводив их из кабинета, Григорий плотно закрыл дверь. Оглянувшись, он увидел, что Рыбин уже очнулся и, держа в руке палку колбасы, с удовольствием пережёвывает копчёную мякоть.

– Ушли? – спросил он, как ни в чём не бывало.

– Ушли.

– Ну что, ещё есть сомнения?

– Нет, – ответил Белов.

– Вот тебе и несчастный Зябликов! – укоризненно произнёс Рыбин. – Сам о своё исчезновении в полицию сообщил. В общем, так, Белов, иди к себе в кабинет и пиши отказной материал, а то мы итак на этого прохвоста целый день потратили.

День рождения

Дверь в подвал отворилась и из него высунулась голова Анатолия Петровича.

– Заходите, гости дорогие! Только осторожно! Смотрите под ноги.

Включив фонарик, дядя Толя провёл гостей к себе в комнату. Там за накрытым столом уже сидел Валерий.

– Прошу любить и жаловать! – сказал именинник присутствующим. – Это мой друг, Валерий! А это мои друзья и коллеги, Елизавета и пан Збигнев. Живут в соседнем подвале.

– Очень приятно, – чуть смущаясь, произнёс Валерий.

– А я тебя знаю, – сказала Лиза. – Ты меня как-то сигареткой угостил.

– А сейчас у него даже на спички денег нет, – с сочувствием произнёс Дядя Толя. – Опустился к нам на дно житейское из четвёртого подъезда. Кстати, сегодня в день моего рождения меня чуть было не пристрелил один из жильцов.

– За что?

– За то, что я шумлю. Но на моё счастье у него под ногами пробежала мышь, и он от страха забыл и про пистолет и про меня. Выбежал из подвала, как бегун на короткой дистанции.

– А Валерий у тебя уже начал стажироваться? – поинте-

ресовался Пшикинский.

– Нет. Это была всего лишь экскурсия. По местам нашей никчёмной жизни.

– Ну и как, понравилось? – усмехнувшись, спросила Лиза у Валерия.

– Впечатлило, – сказал Валера, уклонившись от прямого ответа.

– Ладно, хватит о грустном, – прервал всех дядя Толя. – У меня сегодня день рожденья и я с нетерпением жду поздравлений и пожеланий! Для тех, кто забыл, напоминаю, что мне сегодня исполнилось 59 лет! И я очень рад, что не шестьдесят!

– Толечка! – восторженно воскликнула Лиза и бросилась обнимать и целовать именинника. – Любимый мой, я тебя поздравляю! И желаю тебе вагон пустых бутылок и никогда не болеть!

Эй, эй, – осадил свою подругу пан Збигнев, – ты не очень-то! И болтаешь ещё не думая. Никогда не болеют только те, кому уже ничего не надо, а нам ещё кое-что хочется!

Пшикинский сбросил с головы на пол свою грязную кепку и взвизгнул: «Эх, твою мать, гулять, так гулять!»

И грохнула пробка из-под шампанского, и забулькала бутылка, и зазвенели стаканы, и полегчало на душе.

– Все-таки, как хорошо, друзья, когда есть возможность расслабиться! – философски заметил Анатолий Петрович. – В таком возвышенном состоянии ты, как будто, приподни-

маешься над нашей грешной землёй, и все наши беды, и проблемы начинают казаться такими маленькими, такими ничтожными, что на душе становится спокойно и благодатно.

– Как это верно, – закивал Пшикинский. – Тот, кто не расслабляется, тот никогда не поднимается.

– А тот кто не рождается, тот никогда не получает подарки, – с намёком произнёс Анатолий Петрович.

Пан Пшикинский намёк понял и торжественно произнёс.

– Господа нищие и бездомные, прошу вашего внимания! – сказал он, предварительно откашлявшись. – Сегодня в этот знаменательный день мы празднуем то, что нашему дорогому другу Толику ещё нет шестидесяти, и он ещё полон сил и может лучше всех перепрыгивать через заборы, убегать от полиции и жить, несмотря ни на что! Мы знаем, что наш дорогой Анатолий Петрович всегда хочет идти в ногу со временем и поэтому мы с Елизаветой решили подарить ему вот это...

Пан Пшикинский нагнулся и вынул из кармана красивую коробочку.

– Что это? – замер в ожидании дядя Толя. – Неужели...

– Ты почти угадал, – голосом шоумена прокричал Пшикинский, и назвал первую часть слова – Смарт...

– Фон! – радостно взвизгнул дядя Толя.

– Он самый! – торжественно подтвердил Збигнев. – Почти новый!

Все закричали ура. А сам именинник, словно дитя, уви-

девшее конфетку, воскликнул.

– Збигнев, родной ты мой, я всю жизнь мечтал о таком подарке! Ты на какой помойке его нашёл?

– На центральной.

– И он работает?

– А как же! Сам проверял.

– Ну, осчастливил, так осчастливил! Друзья, давайте теперь выпьем за ваше здоровье! За то, чтобы мы всегда были вместе! За то чтобы ящики мусорные никогда не пустели и в них бутылочки гремели!

– Ой, Толик, ты в рифму сейчас сказал! – засмеялась Елизавета.

– Это к удаче! – радостно провозгласил Пшикинский.

И снова забулькали бутылки, зазвенели стаканы, и полегчало на душе.

– Ой! – вдруг, всхлипнула Лиза, – Толик, дорогой, я чуть не забыла. Прости, мы ведь тебя ещё в письменном виде поздравили.

Лиза залезла рукой в мусорный пакет, который она приспособила для себя в качестве дамской сумки и начала выкладывать из неё всякий хлам, пока не добралась до поздравительной открытки.

– Вот она! – радостно воскликнула Лиза и подняла руку вверх. – Тут было про восьмое марта написано, но я всё лишнее вычеркнула, а нужное приписала. Смотри, как красиво получилось!

Лиза протянула поздравительную открытку Анатолию Петровичу, но тут из-за стола вскочил Валерий и выхватил открытку из её руки.

– Так это же моя открытка! – восторженно воскликнул он. – Где вы её нашли?

– В мусорном ящике, – с недоумением произнесла Лиза.

Виталий голодными глазами впился в неё и с облегчением выдохнул.

– Всё на месте! Ура! Вы меня спасли!

– Вот это сюрприз! – весело произнёс дядя Толя. – Если б ты только знала, Лизочка, какой дорогой подарок ты сделала!

– Ничего не понимаю, – опешив, произнесла Лиза.

– И не надо, – сказал дядя Толя. – Давайте лучше споём мою любимую.

И пока Валерий энергично набирал какой-то текст на клавиатуре своего ноутбука, бродяги тихонько запели грустную задушевную песню:

*«Вышло на раздолье красно солнышко,
Да к земле сырой лучами нежными ласкается,
И вздохнуло полной грудью полюшко,
Уж пора проснуться и расправиться.*

*Заблестели всюду воды талые,
Заиграли птицы в небесах, кружа от радости,*

*А в лесу берёзки две заплакали,
Толи от печали, толь от жалости.
Ветер подпоет мне на прощание,
Облака проводят по тропинке до околицы,
Но никто не скажет до свидания,
Только вишня до лица дотронется».*

Протокол сумасшедшего

Когда пришло смс из криминалистического отдела, Белов сидел за столом в своём кабинете. Сообщение было коротким: «Семён Иванович Курзин, 1880-го года рождения арестован в августе 1930 года и расстрелян в сентябре 1930 года. Фотография прилагается».

Григорий тут же раскрыл фотографию Курзина и... обомлел. На него смотрел тот самый человек, которого он видел в зеркале у Зябликова.

«Невероятно! – прошептал он. – Этого просто не может быть!»

Белов, заворожённо смотрел в глаза человека, которого уже давно нет в живых и продолжал повторять: «Этого не может быть! Этого не может быть!»

Не в силах с собой совладать, он встал и начал ходить по комнате. Затем снова сел, и снова посмотрел на фотографию.

«Что же это? – произнёс он. – Неужели это и вправду существует?»

Между тем кто-то постучал в дверь.

– Заходите! – крикнул Белов.

В кабинет вошёл Булыкин.

– Поторопился я тебя поздравить, – сказал он. – Уехали

твои дачники. . . А ты чего такой ошарашенный? Не расстраивайся. На-ка вот почитай, сразу настроение улучшится.

Булыкин положил на стол лист бумаги.

– Что это? – спросил Григорий.

– Протокол допроса гражданина Неделькина в исполнении прокурора Опоясова Аркадия Нилыча.

– Я уже про них забыл. Кстати, а что с ними стало?

– Неделькина я отпустил. Жена за ним пришла. А Охупкина врачи увезли.

– Значит, не довезли.

– Как не довезли? – удивился Булыкин.

– А вот так. Я его сегодня в магазине видел. Он там порядок наводил.

– Шустрый дядя.

– Не то слово.

Белов взял протокол и прочитал: «Я, Неделькин Геннадий Егорович, являюсь гражданином России. Других гражданств не получал. Во враждебных натовских странах недвижимость не покупал, банковских счетов не открывал. Связей, порочащих меня, не заводил. США, Евросоюз, Японию, Турцию и других врагов России партнёрами не считаю. Скромно проживаю по адресу: улица Россиянская, дом 13, квартира 13».

– Что за чушь, – пробормотал Белов.

Булыкин заулыбался.

– А дальше ещё интересней. Ну, ладно, не буду тебе ме-

шать.

Дежурный ушёл, а Григорий, заинтересованный стилем письма, продолжил чтение протокола: «Сегодня 15 августа в 10 часов 15 минут я вышел из своей квартиры с целью подышать свежим воздухом. В это время из нашего подвала вышли двое бомжей. Одного из них я знаю. Это Толик. Он уже два года живёт в нашем подвале. Банковских счетов и недвижимости в заграничных и враждебных натовских странах не имеет. Из порочащих его связей я бы выделил второго. При более внимательном рассмотрении я узнал в нём жильца из четвёртого подъезда. Его звать Валера. Он не бомж, но переодет был в бомжовую одежду. Я думаю, что он является агентом американской разведки, а Толик его информатором. Этот Толик уже давно роется в наших мусорных ящиках. Видимо, по мусору он пытается определить материальное состояние жильцов нашего дома и их ценность для вербовки. С какой целью американские агенты вышли во двор я не знаю, но через некоторое время они снова спрятались в подвале. Я не исключаю того, что у них там явочная квартира или склад с оружием. Когда я вернулся домой, я попросил у жены денег на газировку. Но она мне не дала. Затем я снова вышел на улицу и встретил своего одноклассника, Лёшу Бендеркина. Он, так же, как и я, имеет только российское гражданство. Банковских счетов и недвижимости в заграничных и враждебных натовских странах у него нет. США, Евросоюз, Японию, Турцию и других врагов России партнёрами не считает.

Он пригласил меня в кафе. Но там я был задержан полицейскими по надуманным причинам. Прошу освободить меня из-под стражи и отпустить домой, где я и далее смогу продолжать наблюдение за вражескими агентами».

Белов сразу же обратил внимание на адрес Неделькина – улица Российская, дом 13: «Так ведь в этом доме проживает исчезнувший Зябликов. А что это за Валера из четвёртого подъезда, вышедший из подвала? Уж не тот ли, кого мы ищем? Но как он оказался в подвале?»

Григорий позвонил начальнику ЖЭУ, которого хорошо знал: «Сергей Викторович, это вас Белов из отделения полиции беспокоит. Помогите мне, пожалуйста, кое-что выяснить... Скажите, сегодня кто-нибудь из ваших работников открывал подвал в четвёртом подъезде дома № 13 по улице Российской?.. А в какое время это было?.. Около девяти утра?.. Большое вам спасибо!.. Всего хорошего!»

Белов положил трубку телефона и с некоторой долей злорадства произнёс: «Ну, Зябликов, вот ты и попался».

На какое-то мгновение Григорий задумался, затем решительно произнёс: «Ладно, пора заканчивать эту комедию».

Захватив с собой протокол допроса, Белов вышел из кабинета и направился к начальнику.

– Уже написал? – спросил Рыбин. – Что-то быстро.

– Семён Владимирович, я знаю, где Зябликов, – заявил Григорий. – Позвольте задержать его и поставить в этом деле окончательную точку.

– Белов, ты как снег в летний день.

– Семён Владимирович, обещаю, осечки не будет.

– Ну и где же он, по-твоему?

– В подвале сидит с бомжами.

– А как он там оказался? Ты же говорил, что подвал был закрыт.

– Слесарь из ЖЭУ в это время работал в подвале. Он и открыл дверь минут на двадцать. А Зябликов этим воспользовался.

– А откуда у тебя такие сведения?

Белов протянул Рыбину протокол.

– Вот!

– Что это? – спросил Рыбин.

– Это протокол допроса Неделькина Геннадия Егоровича, проживающего в том же доме, что и Зябликов. Неделькин утверждает, что видел переодетого Зябликова после его исчезновения.

Рыбин взял протокол допроса и, вытаращив с удивлением глаза, спросил.

– А кто такой Опоясов Аркадий Нилыч? Какой ещё прокурор? Ничего не понимаю.

– Это сумасшедший из психбольницы, – попытался объяснить Белов, но видимо не удачно.

У Рыбина ещё больше округлились глаза и от растерянности появились проблемы с речью.

– Ты что, Белов... издеваешься что ли?.. Я тут... с факта-

ми, понимаешь... а ты мне... сумасшедших подсовываешь...

– Семён Владимирович, сведения абсолютно достоверны.

Ну, разрешите мне съездить. Ведь здесь недалеко. Полчаса туда, полчаса обратно.

– Причём тут полчаса? – возмущённо воскликнул Рыбин, но договорить до конца не успел.

В дверь кабинета просунулась голова водителя Светикова.

– Тебе чего? – спросил Рыбин.

– Семён Владимирович, я пропавшего Зябликова нашёл.

– Сегодня что, 1 апреля? – попытался сосредоточиться майор. – Где ты его нашёл?

– В дежурной части.

– Как в дежурной части?

– Да так. Смотрю, заходит. Я его и задержал.

– А ну давай его сюда! – рявкнул на Светикова начальник и, откинувшись на спинку стула, нервно забарабанил пальцами по столу.

Светиков закрыл за собой дверь. Через пару минут дверь снова приоткрылась, и в кабинет в его сопровождении вошёл сам Зябликов. Выглядел он испуганным, но счастливым.

Рыбин и Белов с нескрываемым любопытством посмотрели на бывшего убиенного и пропавшего.

– Так вот ты какой, – сурово произнёс Рыбин. – По внешнему виду и не скажешь, что... Значит, нашёлся?

– Я сам пришёл.

– Сам, сам. А ты знаешь, что мы на тебя целый день по-

тратили, вместо того, чтобы ловить убийц и грабителей?

– Я понимаю, – смутившись, забормотал Валерий. – Извините.

– Извините, – передразнил Рыбин. – А что нам с твоим извините делать?

Зябликов виновато молчал.

– Ладно, – уже более спокойно произнёс Рыбин, – присаживайся.

Валерий с поникшей головой сел напротив Рыбина.

– Ну чего молчишь? Рассказывай.

– А что рассказывать-то?

– Как что. Сначала из-за чего, а потом каким образом. Ну и так далее.

– Хорошо, – кивнул головой Зябликов. – Я тогда по порядку... Живу я... вы уже сами знаете где. Работаю бухгалтером на консервном заводе. В пятницу у нас произошло чп. К нам на завод приехали проверяющие из министерства и обнаружили крупную недостачу. Я в этой недостаче не виноват, но на некоторых документах стоит моя подпись. Начальство подсунуло, я и подписал. Другие же документы, по которым можно было узнать, куда переведены деньги, вдруг, куда-то исчезли. В результате виноватым оказался я. Но я не виноват. И я мог это доказать. Я сказал проверяющим, что у меня есть все копии документов, и что в понедельник я их принесу. Пароль же к архиву записан на поздравительной открытке, которая лежит у меня дома на компьютерном

столе. Но на мою беду вчера вечером моя сожительница выбросила эту открытку вместе с другим мусором на помойку. Об этом я узнал сегодня утром и сразу же побежал искать эту открытку в мусорных ящиках. Но не нашёл. Тогда меня охватило отчаяние. Я с ужасом представил себе, как в понедельник приду на работу, а меня там арестуют. Вот я и решил сделать так, чтобы все подумали, что меня... убили.

– И с этой целью вы намазали топор красной краской? – перебил Валерия майор.

– Да. А потом я вышел на улицу и попросил телефон у какого-то мужчины, который сидел в красной машине. С его телефона я вам и позвонил. Со своего, вы же понимаете, я позвонить не мог.

– Ну а потом?

– Потом я вспомнил, что не взял с собой даже мелочь на проезд в автобусе и решил вернуться в квартиру. Но когда я вошёл в подъезд, то услышал, как на верхнем этаже кто-то разговаривал. Тогда я решил подождать, когда они уйдут, у окна между первым и вторым этажами. Но не дождался. В это время к дому подъехала полицейская машина, и я вынужден был спрятаться в подвале. Вот там я и просидел почти целый день... А мог бы просидеть и всю оставшуюся жизнь, если бы не чудо.

– Какое чудо?

– Открытка моя нашлась. Бродяги её принесли. И вот теперь она у меня, и я могу спокойно и с чистой совестью пой-

ти на завод.

– Интересная история, – сказал Рыбин. – На ночь хорошо послушать. Только что же это получается, работали мы, работали, а сажать некого!

– Белов, – окликнул Рыбин Григория, – ты что там бормочешь себе под нос?

– Ничего. Я просто задумался, – сбивчиво произнёс Григорий.

– Задумался, – передразнил Рыбин. – Раньше надо было думать. У тебя вопросы к Зябликову есть?

– Есть.

– Ну, так задавай, пока он опять не исчез.

– Валерий Иванович, – спросил Григорий, – вы знаете, какую вам кружку подарил ваш брат?

– Знаю, – тяжело вздохнув, ответил Зябликов, – Перед тем, как к вам придти, я ему позвонил, и он мне всё честно рассказал про эту кружку, попросил прощения, и настоятельно посоветовал выбросить её куда-нибудь подальше.

Белов не ожидал такого благородного поступка от Кирилла Макаровича.

– Ну, хоть это хорошо, – вырвалось у него. – А вы сами-то, что думаете об этой кружке?

– Не знаю, – пожал плечами Валерий. – Но если проанализировать, то все мои беды и проблемы начались с того дня, когда она появилась в моей квартире и кончились, когда мы с ней расстались.

– И что же нам теперь делать с этой кружкой? Я об этом спрашиваю, потому что она у меня.

Белов выложил на стол начальника злополучную кружку.

– Я её не возьму, – категорично заявил Зябликов. – Давайте с ней, что хотите. Хоть в окно выбросьте.

– Да вы что! – возразил Рыбин. – Серебро в окно! Наша страна не настолько богата, чтобы серебром разбрасываться. Если вам эта кружка не нужна, то пусть она остаётся здесь у меня на столе. Как свидетельство торжества разума над невежеством.

– Я не возражаю, – поспешил высказаться Зябликов.

– Тогда и делу конец, – подытожил Рыбин. – Лично я вас, гражданин Зябликов, больше не задерживаю. Оперуполномоченный чуть позже запишет ваши показания, и можете возвращаться домой.

– Подождите меня в коридоре, – попросил Григорий.

Зябликов вышел из кабинета.

– Семён Владимирович, – обратился к начальнику Белов, – не оставляйте эту кружку у себя. Она, ей богу, опасна. Из-за неё люди последнее теряли. Я, конечно, понимаю, что всё это недоказуемо. Но... лучше не оставляйте.

В этот момент в кабинет постучался Булыкин.

– Можно, Владимир Семёнович.

– А ты убрал свой мерседес? – спросил Рыбин.

– Убрал, Владимир Семёнович. Вместо него велосипед поставил. Такой же, как у вас. Только бэушный.

– Молодец. Чего у тебя?

– Поп пришёл. Не знаю, что с ним делать.

– Какой ещё поп? Куда пришёл? Ты можешь яснее выражаться? – сердито произнёс Рыбин.

– Ну, поп, натуральный. Из церкви. Пришёл к нам в дежурную часть и пишет заявление.

– По какому поводу?

– Он говорит, что на иконе с изображением Божьей матери сегодня утром обнаружены следы слёз. А вчера вечером слёз не было. Так вот, они хотят, чтобы мы проверили, не проникал ли ночью кто-нибудь в церковь, чтобы исключить версию искусственного происхождения слёз на иконе.

– Только этого нам ещё не хватало, – недовольно пробурчал Рыбин. Что за день сегодня!

– Сегодня Вознесение девы Марии, – подсказал Булыкин.

– Ещё один верующий, – с укоризной пробурчал Рыбин. – У нас отделение полиции или отдел по исследованию мистических явлений? Хотя, один специалист по мистике у нас уже есть. Белов, тебе и карты в руки.

– Семён Владимирович, церковь находится не на моём участке.

– Ладно, с ней я сам разберусь.

– Семён Владимирович, – с чувством неловкости произнёс Булыкин, – есть ещё одна новость. Но плохая.

– А с хорошими к нам и не приходят, – резонно заметил Рыбин. – Так что, говори, не стесняйся.

– Звонили из управления. Из отдела кадров. Сказали, что вы, Семён Владимирович, забыли задекларировать какой-то домик во Франции.

– Что? – воскликнул Рыбин и вскочил с кресла, как ужасленный, но затем тут же обмяк, и медленно опустился, словно на скамью подсудимых.

– Велели вам к ним подъехать.

– Всё, – буркнул себе под нос Рыбин, – доработался.

– Семён Владимирович, – робко произнёс Белов, – а может это кружка начала действовать?

– Точно, она окаянная, – подтвердил Булыкин. – Надо её выбросить, пока не поздно.

– Если просто выбросить, – сказал Белов, – не подействует. Нужно её молитвой очистить. Но для этого нужен священник.

– Так чего мы ждём? Он же в дежурной части у нас сидит, – напомнил Светиков.

Майор Рыбин поднялся из-за стола и словно пожарник, потерявший шланг, закричал.

– Давайте его быстро сюда!

Светиков выбежал из кабинета и вскоре вернулся с батюшкой. Батюшка оказался чрезмерно упитанным человеком. Одет он был в рясу и всё время что-то жевал.

– Приятного аппетита, – пожелал ему майор.

– Прошу меня извинить, – добродушно произнёс батюшка, – пост у нас успенский. А я без мяса не наедаюсь.

– И я тоже, – буркнул майор. – Но у нас к вам, батюшка, просьба необычная.

– Какая же?

– Есть у нас кружка. С виду простая, но заговорённая каким-то проклятием, – чуть смущаясь, сказал Рыбин. – Не могли бы вы молитвой очистить её от этой нечисти.

– Всегда рад помочь ближнему, – сказал батюшка, – Но где же это бесовская посуда?

– Да вон она на столе стоит.

– Как доказательство торжества невежества над разумом, – пошутил Светиков, и тут же замолчал, почувствовав на себе тяжёлый взгляд начальника.

Тем временем, служитель церкви подошёл к кружке, взял в руку большой крест, висевший у него на шее, и принялся читать молитву. Присутствующие в кабинете полицейские затихли. Никто из них не понимал смысла молитвы, но все чувствовали важность происходящего процесса. Когда священнодействие было закончено, батюшка сказал.

– Всё, дети мои, можете быть спокойны.

– А это поможет? – робко спросил Рыбин.

– На всё воля божья! – изрёк непреложную истину батюшка и, не говоря больше ни слова, вышел из кабинета.

– И что теперь? – задался вопросом Булькин.

– Наверно, надо подождать, – предположил Белов.

– Чего ждать-то? – с недоумением спросил Светиков.

В этот момент в кабинете зазвонил телефон. Зазвонил,

словно колокол, предвещающий что-то важное. Полицейские вздрогнули.

– Неужели чудо? – перекрестившись, прошептал Булыкин.

Рыбин нерешительно поднял трубку телефона. Остальные, затаив дыхание, затихли. Лицо майора покрылось красными пятнами, потом побледнело. Он молча выслушал звонившего, и молча опустил трубку.

– Ну что? – спросил Светиков. – Чудо?

Рыбин посмотрел на него ошалелыми глазами, и обречённо произнёс.

– Жена звонила... Сказала, что домик наш во Франции... наводнением смыло в море... Нету больше домика моего. Уплыл. Навсегда.

– Так ведь, Семён Владимирович, – воскликнул Булыкин, – если домик уплыл, значит и декларировать нечего!

Сработало! – закричали все радостно.

Лишь майор грустными глазами посмотрел на кружку, затем на полицейских и сказал.

– Завтра в церковь пойду.

– Зачем, Семён Владимирович? – спросил Булыкин. – Вы же неверующий.

Майор подошёл к окну и, глядя куда-то вдаль, тихо произнёс.

– Поэтому и пойду.